

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Углинская Надежда Александровна

**СМЫСЛОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КОНЦЕПТА «КРИЗИС
КУЛЬТУРЫ»: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 5.7.8 – философская антропология, философия культуры

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор С.Б. Токарева

Волгоград – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Понятие «кризис культуры» в категориальном аппарате философии культуры и культурологии	18
1.1 «Кризис культуры» как полисемантическое понятие	18
1.2 Классификация смысловых трактовок понятия «кризис культуры»	33
Глава 2. Основания смысловой вариативности концепта «кризис культуры»	66
2.1 Понятие «кризис культуры» в концептуальной борьбе дискурсов	66
2.2 Основания и границы смысловой вариативности концепта «кризис культуры»	90
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	119
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	123

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современные социальные реалии – завершение перехода к информационному обществу, углубление глобализации, рост внешних и внутренних политических конфликтов, экологические проблемы и т.п. – усиливают кризисные процессы практически во всех областях жизни – в экономике, политике, образовании, искусстве, в религиозной и духовной сфере, актуализируя тем самым исследования кризисных явлений в обществе. В западной литературе получила распространение широкая трактовка кризиса, связывающая его с «поздним капитализмом» и кризисом либерализма. В качестве причин кризисных процессов в современной культуре указываются стремительный рост высоких технологий и распространение технокультуры – культуры образов, зрелищ, «товарной эстетики»; доминирование потребительской культуры, ориентированной на ценности благосостояния, удовольствия и комфорта; изменение целей и характера образования и науки, превалирование в них утилитарного, прагматического подхода. Отечественная традиция связывает кризис культуры, прежде всего, с девальвацией общечеловеческих ценностей на фоне всеобщей глобализации, а также с конфликтом между традиционными ценностями и ценностями, которые приходят им на смену в условиях социальных трансформаций. Актуальными также являются теоретические проблемы, связанные с отрицанием социокультурной реальности как самостоятельной формы бытия и заменой ее нарративами о реальности, а также с ризоматическим пониманием культуры в духе постмодернизма и деконструкцией ценностей. Важные вопросы встали в связи с обнаружившейся несостоятельностью прогнозов о последствиях кризиса культуры. Так, не оправдались предупреждения О. Шпенглера о закате Европы, не нашла подтверждения провозглашенная тридцать лет назад теория Ф. Фукуямы о конце истории

путем перехода человечества к демократии как удовлетворительной для всех культур формы общественного устройства.

В описаниях проявлений современного кризиса культуры можно выделить два принципиально отличающихся друг от друга подхода к осмыслению его сущности и последствий. На одном полюсе – представители фундаментализма, которые видят выход из культурного кризиса в возврате к традиционным ценностям, отражающим «человеческое в человеке», на другом – представители постмодернизма, отрицающие кризис культуры как объективный факт на основании утверждения о дискурсивном характере самой социокультурной реальности.

Таким образом, актуальность исследования концепта «кризис культуры» связана с необходимостью более полного осмысления его сущностных черт и оснований, а также с поиском путей преодоления последствий кризисных процессов.

Степень разработанности проблемы. Научный дискурс, обращенный к теме кризиса культуры, сформирован трудами российских и зарубежных ученых – философов, культурологов, теологов, социологов, политиков.

К анализу кризисов в социально-политической и духовной жизни философы обращались со времен античности. Э.Д. Фролов выявляет общую парадигму кризисных явлений в античной Греции и Риме¹, в формирование которой внесли свой вклад Аристотель², описавший процессы перерождения «правильных» государственных форм в «неправильные», и Платон³, давший яркую картину упадка древнегреческой гражданской общины. Образы кризиса как болезненного перерождения и кризиса как упадка нашли отражение в развитии античного искусства и литературы. На смену идеальным образам богов и героев классической эпохи в скульптуре приходят образы, отмеченные чертами декаданса, а в литературе появляются

¹ Фролов Э.Д. Феномен кризиса в социально-политической и духовной жизни античного мира (к постановке проблемы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. № 3. 2010. С. 9–19.

² Аристотель. Политика. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf (дата обращения: 03.03.2025).

³ Платон. Собр. соч.: в 4 томах. Т 3. М.: Мысль. 654 с.

описания мещанских сюжетов и общественных коллизий, что может расцениваться как свидетельство того, что на смену героическому эпосу приходит «сниженная духовность».

Идею кризиса в качестве бедственной перестройки общества, связанной с превалированием материальных ценностей над духовными, можно проследить в трактате «О Граде Божиим», написанном очевидцем падения Римской Империи Августином Аврелием. Через сравнение двух «градов» – Божественного и земного, он обличает распространение основанной на пороках государственности⁴.

Образ кризиса на фоне противопоставления личного и общественного появляется в творчестве средневековых немецких мистиков – М. Экхарта и Я. Беме⁵. Разделяя мир на внешний и внутренний, они отображают противоречие между духовностью общества и духовностью личности. По Экхарту, человек не может обладать истинной блаженностью в этом мире, а лишь возможностью блаженства. По Я. Беме, бездуховность («злые свойства змея») исходит из общества, ее зачатки находятся в разуме «внешнего человека», т.е. человека, сосредоточенного на переживании своей жизни⁶.

В последствии идею отдаления личности от общества развили философы эпохи Возрождения. При этом кризисные процессы они связывали с обществом. Н. Макиавелли и Т. Мор осуждали смирение перед ценностями, навязанными обществом. По мнению Н. Макиавелли, смиренный образ жизни сделал мир слабым и отдал его во власть негодяям, которые распорядились в нем как угодно, видя, что все люди из желания попасть в рай, больше помышляют о том, как стерпеть побои, а не о том, как за них расплатиться⁷. Т. Мор в «Утопии» критиковал современные общественно-

⁴ Аврелий А. О Граде Божиим. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/ (дата обращения: 10.03.2025).

⁵ Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. М.: Политиздат, 1991. 192 с.; Беме Я. Путь души из тьмы к истинной иллюминации. URL: <http://sostoyanie.ru/2010-03-31-19-22-05/2010-03-31-19-22-43/188--q-q.html> (дата обращения: 20.10.2024).

⁶ Беме Я. Путь души из тьмы к истинной иллюминации. URL: <http://sostoyanie.ru/2010-03-31-19-22-05/2010-03-31-19-22-43/188--q-q.html> (дата обращения: 20.10.2024).

⁷ Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990. 80 с.

политические порядки, призывал выступать против смертной казни, королевского деспотизма и политики войн, высмеивал тунеядство и разврат духовенства⁸. Дж. Пико делла Мирандола и М. Лютер осуждали проникновение материальных ценностей в духовную сферу. Пико делла Мирандола отметил, что философией и наукой занимаются только с целью извлечения какой-либо выгоды: «Никто не станет исследовать причины вещей, движение природы, устройство вселенной, замыслы Бога, небесные и земные мистерии, если не может добиться какой-либо благодарности или получить какую-либо выгоду для себя. К сожалению, стало даже так, что учеными считают только тех, кто изучает науку за вознаграждение»⁹. М. Лютер в 95-ти тезисах обличил аморальность действий Церкви по продаже индульгенций. Зная, что прощение можно купить, люди теряют страх перед Богом и уважение перед папой, и позволяют себе греховные действия¹⁰.

Таким образом, с эпохи Возрождения получают развитие идеи о конструктивной роли человека в формировании своей жизни. Так идея кризиса как внешнего принуждения начинает нести в себе возможность управления кризисным процессом.

В период Нового времени завершился культурный перелом, заключающийся в переходе от религиозных ценностей к светским, от превалирования общественных норм к индивидуалистической самодостаточности, и характеризующийся оптимистическими настроениями о плодотворности разума в истолковании действительности.

Однако уже в начале XVIII века с творчества итальянского философа Дж. Вико начинается поворот к исследованию культуры. Именно тогда становится понятно, что для изучения проблем человека, общества и

⁸ Мор Т. Утопия. М.: Директ-Медиа, 2006. 207 с.

⁹ Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: Антология. В 2-х т. Т. 1. Сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. М: Искусство, 1981. С. 256.

¹⁰ Лютер М. 95 Тезисов. Диспут о прояснении действительности индульгенций. URL: [https://thirdmill.org/files/russian/upload/50950~3_21_01_3-57-32_PM~__95__\(Martin_Luther__95_Theses\).htm](https://thirdmill.org/files/russian/upload/50950~3_21_01_3-57-32_PM~__95__(Martin_Luther__95_Theses).htm) (дата обращения: 09.03.2025).

культуры, научное познание, основанное на ценностях рационализации, объективации и натурализации, не применимо, т.к. имеет тенденцию игнорировать коллективное знание. В целях исследования культуры, Дж. Вико обращается к изучению форм массового сознания – мифов, обычаев, легенд, отвергая при этом рационализацию мифологических сюжетов Ф. Бэкона, приводящую к избавлению от них, принцип самоочевидности сознания Р. Декарта, и приоритет теории над фактами Б. Спинозы¹¹. По Вико, необходимо обратиться к изучению истоков культур, чтобы познать нации, а затем уже науки, порожденные этими нациями.

По мнению А.М. Соколова, Дж. Вико является одним из первых философов, который положил начало философской проблематизации темы традиции. На его взгляд, забвение традиции (называемой Дж. Вико «отдаленная поэтическая древность»¹²) Вико связывает с кризисом культуры: «... древность скрывает подлинные истоки настоящего, забвение которых оказывается причиной деградации культуры»¹³.

В новейшее время философы и культурологи обращают внимание на внутреннее перерождение установившегося социального порядка. О. Шпенглер¹⁴ описывает переход от стадии культуры к стадии декаданса, под которой он понимает цивилизацию в узком смысле слова. У А. Дж. Тойнби¹⁵ эта же тема звучит в рамках концепции о необходимости ответа любой цивилизации внешним вызовам, а Л.Н. Гумилев¹⁶ обращается к ней в контексте теории этногенеза, согласно которой любой этнос рано или поздно сталкивается с проблемой угасания творческой энергии. А. Швейцер¹⁷

¹¹ Соколов А.М. Философия Дж. Вико и становление философского понимания традиции // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. №1. С. 60–68.

¹² Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев: «REFL-book», «ИСА». 1994. С. 245

¹³ Соколов А.М. Указ. соч. С. 65.

¹⁴ Шпенглер О. Закат Европы; авт. вступит. статьи А.П. Дубнов; авт. комментариев Ю.П. Бубенков и А.П. Дубнов. Новосибирск: ВО «Наука»: Сибирская издательская фирма, 1993. 592 с.

¹⁵ Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. Е.Д. Жаркова. 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2002. 640 с.

¹⁶ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 640 с.

¹⁷ Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М.: Прометей, 1993. 512 с.

обращает внимание на трансформацию европейской культуры, в которой материальная сторона развивается намного активнее, чем духовная.

Понятие «кризис» исследовали И. Шубрт¹⁸, Дж. Ройтман¹⁹, К. Бордони²⁰ и др. И. Шубрт, обращаясь к этимологии слова «krisis», выявляет такие смыслы, вкладываемые в это понятие, как «опасное состояние, тяжелую решающую минуту, принципиальный момент, в котором решается вопрос (о результате, о последующем существовании, о последующем развитии), минуту, в которой люди ощущают неуверенность, замешательство и затруднение»²¹. И. Шубрт сравнивает понятия «кризис», «риск», «катастрофа» и «коллапс». Приходит к выводу, что все понятия связаны с «кризисом», но не тождественны ему. Кризис – это следствие рисков, а катастрофа и коллапс – возможные следствия кризиса, причем коллапс – неизбежная катастрофа с абсолютно разрушительными последствиями. В обществе существует осознание необходимости разрешения кризиса, поэтому риски стараются распознать и обезопасить (страхование), катастрофы изучают и прогнозируют (теория катастроф). И. Шубрт связал принципы трактовки кризиса с типом социальных изменений, и пришел к выводу, что имеет место смысловая вариативность концепта «кризис»: циклические теории (О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, В. Парето, П.А. Сорокин) рассматривают кризис как закономерный переход из одной фазы развития культуры в другую, теории дисконтинуальности (марксизм, М. Фуко, Т. Кун) предлагают определение понятия «кризис» в значении сигнала о конце одного периода и приходе качественно нового периода истории, а с позиции теории линейного развития (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Н. Луман и др.) кризис представляется «адаптационным дефицитом» (М. Пришинг).

¹⁸ Шубрт И. Размышления о понятии «кризис» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. №6 (36). С. 70–84.

¹⁹ Roitman J. *Anti-Crisis*. Durham, NC: Duke University Press, 2014. 157 p.

²⁰ Bauman Z., Bordonì C. *State of crisis*. Cambridge: Polity Press, 2014.

²¹ Шубрт И. Указ соч. С. 71.

Название работы Дж. Ройтман о «кризисе» «Анти-кризис» подчеркивает намерение автора исследовать не кризис сам по себе как эмпирически наблюдаемый феномен, а основания рассуждений о кризисе. На взгляд автора, исследования, посвященные кризису обречены на неудачу, т.к. никогда не объясняют его, поскольку «кризис» неизбежно сводится к другим элементам, таким как капитализм, экономика, неолиберализм, финансы, политика, культура, субъективность²².

По мнению К. Бордони, понятие «кризис» заменило другие слова, которыми исторически злоупотребляли, такие как «конъюнктура» и «депрессия». Это связано с тем, что «кризис» вызывает меньше страха, т.к. воспринимается как переход от прежнего состояния к новому, необходимый в целях роста, улучшения статуса и т.п. Более того, на взгляд Бордони, «кризис» в собственном смысле выражает что-то позитивное, творческое и оптимистическое, поскольку он предполагает изменение и возможное возрождение после распада.

Таким образом, благодаря широкому диапазону разброса трактовок с положительной, отрицательной и нейтральной коннотацией возникает предположение, что концепт «кризис» используется как инструмент борьбы дискурсов и культурных моделей (программ), зависящий от интересов и культурной принадлежности акторов²³.

Методологические идеи для решения проблемы исследования трактовок кризиса предложены Т.Ю. Сидориной в работе «Философия кризиса»²⁴, Т.А. Прокофьевой в диссертации «Концепт "кризис" в современном политическом дискурсе»²⁵, а также в работе «Анатомия кризисов», написанной коллективом авторов во главе с А.Д. Армандом²⁶.

²² Roitman J. Anti-Crisis. Durham, NC: Duke University Press, 2014. P. 78

²³ Мартынов М.Ю., Сердюков Д.В. Концепт «кризис» как инструмент артикуляции политических интересов в общественно-политическом дискурсе (на примере российских федеральных и региональных средств массовой информации) // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 3. С. 56–74.

²⁴ Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. М.: Флинта: Наука, 2003. 455 с.

²⁵ Прокофьева Т.А. Концепт «кризис» в современном политическом дискурсе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2006. 24 с.

²⁶ Анатомия кризисов / А.Д. Арманд, Д.И. Люри, В.В. Жерихин, В.Т. Буданов [и др.]. М.: Наука, 1999. 238 с.

Коллектив авторов, написавших работу «Анатомия кризисов» о критических состояниях в живой и неживой природе и в обществе, рассматривал, чем является кризис в разных областях знания. Такой метод исследования кризиса продуктивен, так как позволяет выработать определение кризиса. Однако он не отображает сущность кризиса культуры.

В работе «Философия кризиса» Т.Ю. Сидорина позиции мыслителей на кризис классифицирует в зависимости от сфер проявлений этого феномена. Она выделяет кризис науки (М. Вебер, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев), кризис искусства (А. Онеггер, И.А. Ильин, В.В. Розанов, Н. Менер), духовный кризис (Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, С.Л. Франк), антропологический кризис (К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет, К. Мангейм, Р. Гвардини, М. Бубер, Э. Мунье, П. Тиллих), кризис власти (К. Поппер, Ф.А. Хайек, Э. Юнгер, Э. Мунье). Однако такого рода типология не позволяет дать целостное представление о кризисе, ведь зачастую один и тот же автор описывает кризисные ситуации в разных сферах. Например, Н.А. Бердяев писал и о кризисе техники и о духовном кризисе, Э. Мунье рассматривал кризис власти и антропологический кризис и т.п. В подобной классификации смешаны причины кризиса и параметры его проявления. Кризисы науки, искусства, техники и власти могут быть следствием антропологического кризиса, духовный кризис может являться причиной кризиса человека и проявляться в кризисе науки, искусства, власти и т.п. Для классификации, которая бы в полной мере удовлетворяла исследованию кризиса культуры, необходимо все многообразие взглядов на кризис культуры разделить по одному основанию, в зависимости от того, как авторы понимают сущность кризиса.

Т.А. Прокофьева в диссертации «Концепт «кризис» в современном политическом дискурсе» осуществляет лингвистическое исследование концепта «кризис» на материале словарных толкований и периодических изданий политической направленности. Ей удается выделить экономические и политические составляющие содержания концепта «кризис»,

представленные такими смыслами как конфликт, масштабность происходящего, острота ситуации, перемена правительства и др. Также Т.А. Прокофьева вычленяет модели метафор, образно представляющих определенные черты ситуации «кризис» («падение», «болезнь», «смерть», милитаристская модель, «водоем», «погода», «искусство»). Несмотря на глубокую семантическую проработку концепта «кризис», она ограничивается политическим дискурсом.

Таким образом, исследования, посвященные кризису культуры, рассматривают его аспекты, типы, феноменологические проявления, лингвистические средства выражения и т.д. Вместе с тем имеющиеся в философской литературе представления о кризисе культуры настолько разнородны, что возникает необходимость проанализировать их с точки зрения оснований, подлежащих концептуализации, что предполагает необходимость прояснения смысловой вариативности концепта «кризис культуры».

Объектом исследования является концепт «кризис культуры».

Предмет исследования – смысловая вариативность концепта «кризис культуры».

Цель работы заключается в сопоставлении смысловых коннотаций концепта «кризис культуры», а также определении причин и границ его смысловой вариативности.

Для реализации поставленной цели предполагается последовательное решение следующих **задач**:

- выявить основания полисемантической природы понятия «кризис культуры» и определить связанные с ним смысловые коннотации, утвердившиеся в культурологическом дискурсе;
- проанализировать сложившиеся в философии культуры трактовки кризиса культуры на теоретико-методологическом, онтологическом и семантическом уровнях;

- определить роль понятия «кризис культуры» в концептуальной борьбе дискурсов и культурных моделей (программ), рассмотреть призрачность, иллюзорность культуры в качестве основания смысловой вариативности концепта «кризис культуры»;

- проанализировать основания и границы смысловой вариативности концепта «кризис культуры» и показать ее значение для развития философии культуры.

Теоретико-методологические основания исследования.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные генезису культуры. В силу специфики темы в ходе исследования привлекались тексты из различных областей знания – теории культуры, философской антропологии, социальной философии, синергетики, социологии, политологии, теории управления и др. В связи с этим работе использовались компаративный, типологический и герменевтический методы.

Применение компаративистского анализа позволило выявить как общие, так и специфические смысловые коннотации, связанные с концептом «кризис культуры» в различных философских традициях.

Использование типологического метода позволило проанализировать различные методологические взгляды, рассматривающие концепт «кризис культуры», и предложить их классификацию.

Герменевтический метод сделал возможным использование проблематизации, построение гипотез, а также истолкование содержания концепта «кризис культуры» с последующим выявлением оснований его интерпретаций в различных философских исследованиях.

Положения, выносимые на защиту.

1. Полисемантичность понятия «кризис культуры» является, с одной стороны, результатом экстраполяции на сферу культуры широкого спектра семантических значений понятия «кризис», сформировавшихся в различных областях деятельности (медицине, экономике, богословии,

истории, политике), а с другой – продуктом его дальнейшей концептуализации в рамках философии культуры. Таким образом, концепт «кризис культуры» включает в себе широкую палитру смыслов, выражающих присутствующую в переживании кризиса потребность в решении и выборе; темпоральное чувство «до – после», сопровождающее ощущение «переходности»; представления о норме и отклонении, конфликте ценностей и т.д. Концептуальная рефлексия кризиса культуры позволяет выделить следующие его смысловые коннотации: 1) неизбежная фаза, ведущая к упадку и смерти культуры; 2) преходящая угроза, требующая от субъекта решительных действий для ее преодоления; 3) периодически повторяющаяся и необходимая фаза существования культуры; 4) проект, инструмент для решения стоящих перед конкретным субъектом задач.

2. Смысловые трактовки концепта «кризис культуры» могут быть сгруппированы в 3 категории. 1) Представления о кризисе культуры, обусловленные методологическими, теоретическими и аксиологическими установками познающего субъекта. На этом уровне концепт «кризис культуры» имеет широкий диапазон интерпретаций и понимается: как финальная стадия развития культуры; как смерть локальных культур; как момент перехода культуры от одной стадии к другой; как отказ от «эталонных» ценностей (традиционных, религиозных, смысложизненных); как разрыв с традицией; как антропологическая катастрофа; как контрэволюция; как смена социальных порядков и т.д. 2) Представления, связанные с признанием или отрицанием онтологического характера кризиса культуры. 3) Представления, обусловленные характером используемых для отражения кризиса культуры содержательных метафор. На этом уровне смысловые трактовки концепта «кризис культуры» выделяются на основе семантического анализа метафорических комплексов, используемых для выражения кризисных явлений. К наиболее распространенным и содержательным относятся антропологические, органические, флористические метафоры и апокалиптические образы, позволяющие

передать смысл кризиса культуры как переходного состояния; как недуга (болезни); как регресса и упадка; как разрыва связей; как утраты ценностей; как переоценки ценностей.

3. Понятие «кризис культуры» включает большое разнообразие смыслов, связанных как с долгосрочными изменениями в культуре, так и с описаниями случайных новаций, а также с апокалиптическими ожиданиями.

Ключевым фактором, фундирующим направленность современных смысловых вариаций концепта «кризис культуры», является рассмотрение кризиса культуры как управляемого процесса, включающего три этапа: диагностику наличного состояния культуры, прогнозирование и поиск путей реализации желаемого образа будущего. Для обозначения этого подхода введено авторское понятие «менеджерский смысл кризиса культуры».

Противоположный полюс представлен пониманием кризиса культуры как разрушения ее целостности, а также признанием призрачности, иллюзорности культуры. Порождаемые таким подходом апокалиптические настроения усиливают смысловую вариативность концепта «кризис культуры», привнося в его семантическое поле негативные коннотации. Существенный вклад в концептуализацию этой позиции внесли представители постмодернизма, стремящиеся превратить кризис культуры в контрдискурс по отношению к ее классическим формам.

Апокалиптическим и менеджерским подходами заданы предельные полярные значения концепта «кризис культуры». Разброс трактовок с положительной и отрицательной коннотацией способствует тому, что концепт «кризис культуры» используется как инструмент борьбы дискурсов и культурных моделей (программ), обусловленных интересами и культурной принадлежностью субъектов.

4. Смысловая вариативность концепта «кризис культуры» обусловлена, во-первых, экстраполяцией на сферу культуры семантических значений понятия «кризис», сформировавшихся за пределами культурологического тематического поля; во-вторых, аксиологическими

различиями в интерпретации кризиса культуры; в-третьих, концептуальными различиями в трактовках данного концепта, сложившимися в рамках философии культуры. Вместе с тем смысловая вариативность концепта «кризис культуры» ограничена доминирующим влиянием на его интерпретации экономического понимания кризиса как нарушения равновесия и характерного для современного этапа общественного развития менеджерского понимания кризиса культуры как управляемого процесса. Рассуждения о кризисе культуры переходят в телеологическую плоскость, выдвигая на первый план активность субъекта, призванного своими действиями способствовать преодолению деструктивных явлений в культуре, восстановлению ее равновесия и утраченной целостности.

Диссертационное исследование обладает следующими элементами **научной новизны:**

1. Предложено объяснение причин полисемантической концепта «кризис культуры» как обусловленной экстраполяцией экономических, политических, медицинских, правовых и теологических представлений о кризисе на область культуры.

2. Предложена классификация смысловых трактовок концепта «кризис культуры», позволяющая сгруппировать их в три категории: представления, обусловленные теоретико-методологическими и аксиологическими установками субъекта; представления, связанные с признанием или отрицанием онтологического характера кризиса культуры; представления, обусловленные характером используемых для отражения кризиса культуры содержательных метафор.

3. Показана связь трансформации культуры как целостности с вариативностью трактовок культурного кризиса, выделены менеджерский и апокалиптический подходы к интерпретации кризиса культуры в качестве ключевых факторов, фундирующих смысловую вариативность соответствующего концепта.

4. С опорой на семантические и аксиологические различия в интерпретациях выделены основания и границы смысловой вариативности концепта «кризис культуры».

Теоретическая значимость работы заключается в выявлении новых перспектив в осмыслении проблем кризиса культуры, связанных с раскрытием оснований смысловой вариативности концепта «кризис культуры». Полученные выводы будут полезны при изучении причин кризисных явлений в культуре и при их сравнительном исследовании.

Практическое значение работы заключается в возможности использовать результаты исследования при подготовке лекционных курсов по социальной философии, культурологии, культурной антропологии, а также для разработки специальных курсов, посвященных проблемам современной культуры. Также выводы работы могут быть полезными при разработке аксиологических аспектов социокультурных проектов и при их экспертизе.

Апробация результатов исследования. Основные идеи и выводы диссертационного исследования обсуждались в период с 2011 г. по 2025 г. на 8 научных конференциях в Москве, Волгограде, Томске, Рубцовске, Ростове-на-Дону, Йошкар-Оле. Промежуточные результаты диссертационного исследования были апробированы в рамках выполняющегося в период 2024–2025 гг. гранта РНФ (проект № 24-28-01661 «Русский менталитет как модальная целостность», конкурс 2023 года «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами»). Также научные результаты, изложенные в диссертационной работе, частично были апробированы в рамках краткосрочного научно-исследовательского проекта «Экзистенциальный аспект кризиса ценностных оснований современной культуры» в рамках научно-образовательного гранта Минобрнауки РФ «Человеческое существование в условиях социальной модернизации», который был реализован на базе Волгоградского государственного университета в период

с 17 по 27 сентября 2012 г. (соглашение № 14.В37.21.0088 между Министерством образования и науки Российской Федерации и ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный университет» о предоставлении гранта в форме субсидии).

Содержание диссертации отражено в 18 научных публикациях, в том числе в изданиях перечня ВАК – 11 статей, из которых 1 статья – в журнале, индексируемом в международной системе цитирования Web of Science Core Collection.

Структура диссертационной работы отражает логику, порядок исследования и алгоритм решения поставленных задач. Диссертация состоит из введения, двух глав, разделенных на 4 параграфа, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ «КРИЗИС КУЛЬТУРЫ» В КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

1.1 «Кризис культуры» как полисемантическое понятие

Понятие кризиса принадлежит к широко обсуждаемым в научной среде и дискуссионным. Современные исследователи, отмечая чрезмерную распространенность его употребления, указывают на широкий спектр значений, которые включает в себя этот термин, в связи с чем возникает необходимость уточнения его смысловых границ в рамках конкретных вариантов концептуализации. П. Рикер выделил два подхода к пониманию кризиса как «специфически современного явления». С одной стороны, понятие кризиса используется как «региональное», т. е. имеющее многочисленные «точки укоренения», привязку к конкретным сферам деятельности – медицине, физиологии, экономике, политике, эпистемологии, искусству и т.д. С другой стороны, Рикер выделяет критерии «всеобщего», глобального кризиса²⁷. Отмечая превращение термина «кризис» в универсальное понятие, своеобразную схему интерпретации любых вызовов. Рикер пишет, что это «понятие-кладовая»²⁸, включающее в себя разнообразные и порой противоречивые смыслы, в результате чего возникает концептуальная путаница и появляется сомнение: не является ли слово «кризис» псевдопонятием?

На другой прием дискредитации понятия «кризис» обратила внимание А. Рэнд: этот термин используется в качестве «антипонятия», которое намеренно вводится в оборот для создания отрицательного образа (или даже разрушения) в массовом сознании какого-либо устоявшегося понятия. Например, в 1930-е гг. понятие «патриотизм» стало подменяться антипонятием «изоляциялизм», в результате чего патриотизм стал

²⁷ Рикер П. Политика, экономика, общество. Рукописи и выступления 4 / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 240 с.

²⁸ Там же. С. 111.

восприниматься отрицательно²⁹. Аналогично в экономике понятие «долг» стало пониматься в значении опасности и получило отрицательную коннотацию, хотя изначально подразумевало под собой «кредит». В этом смысле популярные в XX в. трактовки кризиса, связывающие его с капитализмом, превращают его в такого же рода антипонятие.

Современный израильский философ Л. Чалозин-Доврат указывает на характерное для понятия «кризис» сочетание его высокой популярности с семантической расплывчатостью³⁰. Она пишет о том, что сомнения в однозначности этого слова и, в связи с этим, в его научном статусе, начали высказываться с 1930-х гг. По ее наблюдениям, обращение к слову «кризис» вызывает дискомфорт, связанный с тем, что «"кризис" используется слишком часто; он либо чрезмерно драматичен, либо сенсационен сам по себе, либо просто расплывчат, а может быть, даже пуст; он используется для достижения целей, отличных от тех, которые провозглашает его автор; "кризис" присутствует повсюду, и чем больше мы о нем слышим, тем меньше мы способны определить, что он означает»³¹. Таким образом, понятие «кризис» подвергается критике за чрезмерную распространенность его употребления, за широкий спектр связанных с ним семантических полей, за его многозначность, обусловленную неопределенностью означаемого.

Поскольку не существует четкой границы, отделяющей кризис от некризисных состояний, этот концепт не является надежной аналитической категорией и возникает вопрос, считать ли его частью научной и профессиональной терминологии или просто удачным словом, используемым для придания рассуждениям драматизма?

²⁹ Рэнд А. Капитализм: Незнакомый идеал. М.: Альпина Паблишер, 2024. С. 215

³⁰ Chalozin-Dovrat L. «Crisis» in Modernity: A sign of the times between decisive change and potential irreversibility. In A. De Rycker & Z. M. Don (Eds.), *Discourse and Crisis: Critical perspectives*, 2013. pp. 69–97. URL: https://www.academia.edu/6800725/_Chapter_Crisis_in_Modernity_A_sign_of_the_times_between_decisive_change_and_potential_irreversibility (accessed: 25.01.2025).

³¹ Ibid.

Метафорическую гибкость концепта «кризис» отмечал немецкий историк Р. Козеллек³². Благодаря вееру смыслов, который содержит в себе это понятие, оно является достаточно удобным как для выражения долгосрочных изменений, так и для описания случайных деформаций или апокалиптических ожиданий. На его взгляд, общую теорию кризиса можно назвать «суперконцепцией», с помощью которой можно анализировать вызовы столетия.

Полисемантическую природу понятия «кризис» обусловлена его этимологией. Термин «кризис» происходит от древнегреческого глагола «κρίνειν», имеющего значения «разделять», «различать», «судить», «решать». В медицине со времен Гиппократов существует термин «кризис болезни», означающий решающий, переломный момент, ведущий к выздоровлению или смерти больного. В древнегреческом языке слово «κρίσις» одним из значений имеет «перелом» – указание на точку неустойчивости или острую фазу в развитии заболевания, после прохождения которой наступает определенность в исходе болезни. Согласно трактатам Гиппократов, всякая болезнь имеет свой кризис, решающий период, по итогам которого болезнь может исчезнуть или перейти в другую болезнь, больной либо выздоравливает, либо погибает («Кризис в болезнях – это или усиление болезней, или их ослабление, или переход из одной в другую, или окончание»³³; «...ибо в эти дни болезни преимущественно впадают в кризис и одни кончаются смертью, другие прекращаются, а все прочие переходят в другую форму и положение»³⁴).

Медицинское понимание термина «кризис», предполагающее использование его в контексте противопоставления здоровья и болезни (в дальнейшем связанное с понятийной оппозицией *норма – патология*) оказалось удобным источником метафор для описания кульминационных, переломных моментов военных и социально-политических конфликтов.

³² Koselleck R. Crisis / trans. Michaela W. Richter // Journal of the History of Ideas 67(2), 2006. pp. 357-400.

³³ Гиппократ. Сочинения / Пер. В. И. Руднева, комм. В. П. Карпова. Кн. 2. М.: Медгиз. 1944. С. 12.

³⁴ Гиппократ. Сочинения / Пер. В. И. Руднева, комм. В. П. Карпова. М.: Биомедгиз, 1936. Т.1. С. 292.

Подобное толкование было положено историком Фукидидом в основу объяснения решающего момента Пелопоннесской войны. Представление о кризисе как о решающем изменении, характеризующемся *повышенной опасностью*, оказалось продуктивным не только в отношении понимания процессов в конкретном организме, но и в отношении к любой целостности. Такая трактовка кризиса позволяет характеризовать его как объективный процесс, по отношению к которому человек может выстроить определенную стратегию поведения. В подобном ключе рассматриваются природные, исторические, политические, экономические события с потенциально опасными последствиями, которые угрожают жизнеспособности данной целостности. Кризис здесь ассоциируется с дестабилизацией нормального порядка. Он может быть вызван как объективными, так и субъективными факторами и может переживаться пассивно в качестве невыносимой трудности, так и в качестве чего-то предотвратимого, требующего от субъекта принятия активных противодействующих мер как превентивного, так и реактивного характера.

Также древнегреческий термин «кризис» имел юридическое значение, которое было связано с решением суда («правовое решение»). Р. Козеллек выделил общий семантический кластер, характерный для юридического понимания кризиса – *потребность в решении и выборе*. Уже в Ветхом и Новом Заветах, а затем в богословской и юридической литературе термином «кризис» обозначали ситуации, в которых необходимо осуществить выбор и вынести решение по поводу правильного или неправильного, спасения или проклятия. Для понимания юридического смысла понятия кризиса также важна выявленная Р. Козеллеком этимологическая связь между терминами «кризис» и «критика»³⁵. Изначально «кризис» включал в себя объективное измерение («разделение», «суд», «отклонение от нормы» и т.п.), а «критика» относилась к субъективному аспекту («принятие решения», «суждение», «переживание болезни» и т.п.). Со временем слово «кризис» вобрало в себя

³⁵ Koselleck R. Crisis / trans. Michaela W. Richter // Journal of the History of Ideas 67(2), 2006. pp. 357-400.

семантические элементы «критики» и стало связываться как с личным опытом, так и с событием, которое поддается внешнему наблюдению. Согласно Козеллеку, неопределенность понятия «кризис», связанная с переплетением объективного и субъективного смыслов, обусловлена его семантической неоднородностью, из которой проистекает вариативность значений.

Новые смысловые коннотации концепта «кризис» обнаруживаются в его применениях к экономической сфере. Уже в священных книгах авраамических религий кризисным явлениям в хозяйственной жизни уделяется большое внимание: «В книгах Ветхого и Нового Заветов, на основе которых сформировался христианский нормативный взгляд о кризисных явлениях в экономике, выражающихся в не зависящем от воли человека резком снижении объема собираемых или производимых благ, говорится неоднократно. Описываются и методы, которые применяли люди для их преодоления, а также превентивные антикризисные меры»³⁶. Так, в Апокалипсисе Иоанна Богослова описываются ожидающие человечество кризисные явления в экономической сфере: кризис предложения, кризис спроса, кризис денег. В книгах Ветхого Завета вводится представление о *закономерностях кризисов* в хозяйственной жизни и описываются превентивные антикризисные меры, призванные «предотвратить или смягчить циклические долговые кризисы, а также поляризацию собственности в долгосрочном периоде, что грозило стать причиной социальных потрясений»³⁷. Здесь же закладывается идея *управления кризисами*: «Спады производства становились запрограммированными, более того, они освящались. Согласно этим положениям, в субботний (каждый седьмой) год не должно засеивать поля и обрезать виноградники, т.е. в субботний год прекращалось земледелие, земле давался отдых. <...> Циклическость в природе, как и в общественной жизни и жизни отдельного

³⁶ Лукин С. В. Ветхозаветный и новозаветный взгляд на кризисные явления в экономике // Проблемы современной экономики. 2009. № 4. С.419.

³⁷ Там же. С. 420.

человека воспринималась ветхозаветным сознанием как Божественное установление. По воле Божьей благополучие сменяется спадом, а спад (несчастье) – благополучием. И тот и другой период имеют важное значение для человека. <...> Периоды благополучия и недостатка, таким образом, ниспосланы человеку и оба могут принести ему пользу»³⁸.

Примером использования понятия «кризис» в современном экономическом смысле может служить учение Карла Маркса, посвященное исследованию кризисов капиталистической системы. Маркс описывал периоды развития промышленного производства в терминах органицизма (умеренная активность, процветание, перепроизводство, кризис и застой), позволяющих рассматривать развитие капитализма через кризисы с точки зрения долгосрочных преобразований.

Дальнейшее развитие сформулированной в области экономики идеи управляемого кризиса привело к дифференциации его трактовки на субъективную и объективную. По мнению современного канадского философа Д. Джанзена субъективный кризис можно обозначить как событийный (Evental Crisis), но в особом смысле: в отличие от объективного кризиса он является не просто «сложившейся» ситуацией, но действует проективно, задавая онтологию мира в рамках некоторой общей логики (обуславливает время и пространство деятельности, а также виды суждений, которые в нем возможны)³⁹. При этом различение кризиса как объективного процесса и как субъективной ситуации-события не исключает диалектического взаимодействия объективного и субъективного начал в каждом из этих двух типов кризисов. Объективное начало предполагает сверхдетерминацию кризиса, а субъективное привносит неопределенность. Так, например, медицинские симптомы бросают вызов знаниям и навыкам

³⁸ Лукин С. В. Ветхозаветный и новозаветный взгляд на кризисные явления в экономике // Проблемы современной экономики. 2009. №4. С. 420.

³⁹ Janzen David W. Crisis Culture: The Theory & Politics of Historical Rupture / A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in English. Department of English & Film Studies. University of Alberta, 2017. 187 p.

врачей, а экономические симптомы бросают вызов интерпретативной и преобразовательной способностям членов общества.

Именно в области экономики зародился подход к кризису как управляемому процессу, экстраполированный затем на сферу культуры, в результате чего концепт «кризис культуры» приобрел менеджерский смысл. Подобно тому как экономическое понимание кризиса включает в себя осознание нестандартной ситуации в экономической сфере, характеризующейся отклонением от нормы как совокупности усредненных характеристик среди схожих экономических систем, обеспечивающих их привычную жизнедеятельность, кризис культуры рассматривается как отклонение от нормального функционирования культуры, а нормализация положения дел связывается с *управлением*. При этом «управление» следует отличать от «предотвращения». Кризисов нельзя избежать, поскольку они объективно обусловлены и являются необходимой частью развития культуры. Управление нацелено не на исключение кризисов из культурной динамики, а на прогнозирование их начала, сроков, течения и возможных последствий.

С появлением в современной философии и науке синергетической парадигмы и ее производной – социальной синергетики⁴⁰ – расширились представления об управленческих возможностях в связи с новой трактовкой порядка как результата самоорганизации исходного хаоса. В этом контексте кризисность стала рассматриваться в качестве неотъемлемой характеристики сложноорганизованных систем, к которым принадлежит и культура. Кризис культуры обретает положительные коннотации как процесс, способствующий культурному развитию, а утопическая идея предотвращения кризисов заменяется идеей кризисного управления.

⁴⁰ Палатников Д.Е. Социальная синергетика как новая парадигма в социально-философском познании // *Фундаментальные исследования*. 2009. № 1. С. 89-90; Колосова О.Ю. Социальная синергетика в управлении социальными системами // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 1 (7). С. 118-120.

Стремление видеть в кризисах культуры не только риски, но и возможности развития соответствует и диалектическому подходу, согласно которому источником развития является внутреннее противоречие системы. Соответственно, противоречия между трудом и капиталом, развитием технологий и духовными ценностями, традиционными и исторически изменчивыми ценностями, цивилизацией и культурой могут рассматриваться как придающие последний импульс для развития.

Для философии культуры экстраполированный из области социально-антропологического знания концепт «кризис» оказался очень эвристичным и нашел применение в самых разных теориях генезиса культуры.

Наибольшее распространение трактовка кризиса как неизбежной стадии, ведущей к упадку и смерти культуры, получила среди сторонников органицистского подхода. Наиболее убедительно эта позиция представлена в работе О. Шпенглера «Закат Европы» (1918 – 1922 гг.)⁴¹. Шпенглер использует для описания локальных культур «основные понятия всего органического: рождение, смерть, юность, старость, продолжительность жизни» на том основании, что любая культура с неизбежностью проходит в своем развитии определенные ступени в порядке, не допускающем исключения, и переживает связанные с этими переходами кризисные состояния. Но одновременно он указывает на «великий кризис современности»⁴², который понимается им не как кризис конкретной формы общества и культуры при переходе их в новую фазу или стадию развития, но как результат последовательных побед духа города над деревней и духа «мирового города» над провинциальными городами как локальными культурными центрами. «Мировой город» населен не народом, а массой, и торжество его духа означает победу космополитизма над чувством родины⁴³. По мнению Шпенглера, «мировой город» – это форма человеческого

⁴¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993. 663 с.

⁴² Там же. С.167, С.185.

⁴³ Там же. С. 166.

существования, лишённая будущего, а потому вытеснение и разрушение ею традиционных культур (поскольку созревшая цивилизация руководствуется принципом «расширение – это все») становится в современную эпоху «великим», глобальным кризисом, затрагивающим все без исключения сферы человеческого бытия: «Современная эпоха – эпоха цивилизации, а не культуры. Тем самым отпадает за невозможностью целый ряд жизненных содержаний. Можно сожалеть об этом и облекать сожаление в пессимистическую философию и лирику – впредь так и будут делать, – но изменить этого нельзя»⁴⁴. Кризис культуры, таким образом, не зависит от уровня рефлексии, а также от случайных явлений, связанных с этническими особенностями, с географическим положением, экономическим развитием и прочими факторами. Развитие «мирового города» – детища цивилизации – приводит к превалированию материальных ценностей над духовными, доминированию рационализации жизни, технизации общества, отрицанию традиций и утрате духовных ценностей. По мнению Шпенглера, кризис выражается в изменении ценностных взаимосвязей внутри социальных сфер и между ними. Так, духовная сфера лишается высоких духовных ориентиров и начинает регулироваться правом, а секуляризация достигает своего пика. Человек цивилизации, по Шпенглеру, – это «новый кочевник, паразит, обитатель большого города, чистый, оторванный от традиций, возникающий в бесформенно флюктуирующей массе человек фактов, иррелигиозный, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокой антипатии к крестьянству (и к его высшей форме – поместному дворянству)»⁴⁵. Шпенглер пишет о новой «поздней и бесперспективной» форме человеческой экзистенции, отрицающей культуру, о «бестолковой по отношению ко всякой традиции», ориентированной на «первобытночеловеческие инстинкты и состояния» массе⁴⁶. Таким образом, «великий кризис современности», по

⁴⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993. – С. 174.

⁴⁵ Там же. С. 165.

⁴⁶ Там же. С. 166.

Шпенглеру, – это не просто временное явление, а закономерный этап в развитии культуры, связанный с ее переходом к стадии цивилизации, где преобладают материальные ценности, технический прогресс и утрата духовности. Кризис культуры он рассматривает как неизбежный и глобальный.

В неорганических циклических и прогрессистских теориях культуры кризис либо рассматривается в качестве периодически повторяющихся и необходимых фаз существования культуры, либо связывается с преходящими угрозами, требующими от субъекта решительных действий для их преодоления. В последнем случае используется менеджерский подход к трактовке кризиса культуры, предполагающий возможность избежать связанных с ним деструктивных последствий. Так, С.Л. Франк в статье «Кризис западной культуры», посвященной анализу работы О. Шпенглера, указывает, что современная ему культура переживает кризис, а не «закат», ведущий к смерти. По его мнению, об этом свидетельствуют, с одной стороны, интуиции самого Шпенглера, а с другой – духовная реакция на «Закат Европы» в обществе, свидетельствующая о пробуждении в нем духовного творчества и жажде духовного возрождения. Называя книгу Шпенглера «напоминанием современному человечеству об истинных духовно-исторических силах культуры», Франк опровергает шпенглеровский пессимизм: «То, что переживает в духовном смысле Европа, есть не гибель западной культуры, а глубочайший ее кризис, в котором одни великие силы отмирают, а другие нарождаются»⁴⁷. Позднее С.С. Аверинцев объяснит причины пессимистической трактовки кризиса культуры у Шпенглера подменой реального кризиса «некоей разновидностью апокалипсического мифа»⁴⁸.

Отечественный историк Н.И. Конрад считал «Закат Европы» Шпенглера «выразительным документом» осмысления современной эпохи,

⁴⁷ Франк С.Л. Кризис западной культуры. URL: http://www.odinblago.ru/frank_krizis_zapad (дата обращения: 15.01.2025).

⁴⁸ Аверинцев С.С. Культурология Йохана Хейзинги // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 173.

описанием эсхатологических настроений человека переходных периодов истории⁴⁹. В жизни любой культуры бывают периоды тектонических сдвигов, когда она вступает в критическую полосу своего существования. Именно тогда возникает потребность в поиске путей преодоления трудностей и, главное, формируется убеждение, что такое преодоление возможно. В эти периоды судьба культуры зависит от субъекта, который «может направить свою жизнь по совершенно новому пути – по пути восхождения к таким высотам, о которых могли только смутно мечтать великие визионеры прошлого, но он же может повести себя, весь свой мир, включая мир природы, и к катастрофической деградации, а то и просто к уничтожению»⁵⁰.

В работе Г.М. Тавризян «О. Шпенглер, И. Хейзинга: две концепции кризиса культуры» с марксистских позиций проанализированы два взгляда на кризис культуры: *деструктивный* (идея кризиса как заката культуры, сформулированная Шпенглером) и *трансформационный* (идея кризиса как процесса переоценки ценностей, представленная в произведении Й. Хейзинги «Осень средневековья», вышедшем в одно время с первым томом «Заката Европы»). Концепцию Шпенглера Тавризян определяет как яркую, но сомнительную по причине ее фундированности характерной для органицизма идеей «об ограниченной длительности, «отмеренном» веке любой культуры, в том числе, и западноевропейской»⁵¹. Такую позицию она называет апокалиптически-фантастической, однозначно связывающей понятие кризиса с гибелью. Между тем причины кризиса, по мнению Тавризян, кроются в «человеческой неплодотворности, социальной ошибочности и бесперспективности исторически себя изживших форм социальных отношений: частной собственности на могущественные средства производства, с вытекающим отсюда глубоким социальным неравенством, продолжающимся отчуждением большей части общества от целей и форм его жизнедеятельности»; в «традиционной, опасной и близорукой, политике,

⁴⁹ Конрад Н.И. Избранные труды. История. М.: «Наука», 1974. С. 273, 292.

⁵⁰ Там же. С. 289.

⁵¹ Тавризян Г. М. О. Шпенглер, И. Хейзинга: две концепции кризиса культуры. М.: Искусство, 1988. С. 4.

усматривающей в милитаризации способ преодоления кризисов»⁵². Таким образом, по ее мнению, кризис культуры преодолим и обусловлен проблемами, из которых можно найти выход.

Продуктивный взгляд на кризис культуры, согласно которому «это далеко не всегда конец, чаще – необходимый этап для последующего прорыва»⁵³, берет свое начало в работах социологов А. Вебера и П. Сорокина. Культура является динамичной системой ценностных взаимосвязей, специфика которой предполагает возникновение кризисов, поэтому кризис не является отрицательным феноменом, но выполняет «санитарную» функцию, так как уничтожает ценности, которые тормозят развитие человечества. А. Вебер кризисные процессы, происходящие в Европе, связывал со спецификой развития самой культуры. Он описал «ритмику движения культуры», суть которой заключается, на его взгляд, в чередовании периодов продуктивности и упадка. Кризис культуры, по А. Веберу, – это своеобразное место ««излома» развития», где с необходимостью появляются противоположные течения культуры⁵⁴. Но несмотря на закономерный характер кризиса западной культуры, выражающегося в борьбе между новыми и старыми ценностями, А. Вебер отмечал его усиление на фоне реставрации ценностей, неактуальных для действительности. Выражая беспокойство за судьбу западной культуры, А. Вебер считал невозможным предвидеть ее судьбу: произойдет ли распад западных ценностей, их сохранение и распространение в новых цивилизациях или их ждет полное исчезновение.

Ставя вопрос о способности человека вмешиваться в социокультурные процессы и противостоять «социальной духовной динамике, социальной структуре, в которую она входит, как неизбежному явлению природы,

⁵² Тавризян Г. М. О. Шпенглер, И. Хейзинга: две концепции кризиса культуры. М.: Искусство, 1988. С. 4–5.

⁵³ Клисторин В.И. Исторические перспективы заката Европы сто лет спустя // ЭКО. 2017. №8 (518). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-perspektivy-zakata-evropy-sto-let-spustya> (дата обращения: 30.06.2024).

⁵⁴ Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. С. 29.

которое развивает в себе свои феномены во взаимной обусловленности без видимых возможностей вмешательства»⁵⁵, А. Вебер дает на него положительный ответ: «...Если внешнее мы можем изменить лишь в несущественных частях, то во внутренней духовной динамике обнаруживаются места, исходя из которых правильные действия могут, хотя и медленно, но прогрессируя, все-таки оказывать на человека защищающее и революционирующее влияние»⁵⁶. К «внешнему» Вебер относит в том числе технику, от которой человек зависим, и повлиять на нее может лишь незначительно.

Крайними позициями, в диапазоне которых варьируются взгляды исследователей на кризис культуры, являются, с одной стороны, апокалиптические настроения, с другой – признание кризиса культуры управляемым процессом. Сосуществование столь разных трактовок феномена кризиса требует исследования смысловых коннотаций и определения границ смысловой вариативности концепта «кризис культуры».

Чтобы структурировать многочисленные смыслы «кризиса культуры», выделим семантические кластеры, которые активны при использовании этого понятия.

Объективистская трактовка кризиса культуры предполагает понимание его как поворотного момента в развитии культуры, вызванного естественноисторической *необходимостью*, а не человеческими решениями. При этом не исключается необходимость поисков причин кризиса и способов выхода из него. Такая трактовка, с одной стороны, созвучна «медицинскому» смыслу кризиса, в котором представление об излечении встроено в определение болезни, с другой – менеджерскому пониманию кризиса, предполагающему управление им.

Альтернативным является манипулятивное понимание кризиса культуры как намеренно вносимого в коммуникативное пространство

⁵⁵ Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. С. 254.

⁵⁶ Там же. С. 254

культуры носителями определенной идеологии с целью вызвать в обществе определенные ответные действия, стимулировать людей на решение проблем, выгодных для манипулятора. Итальянский философ Дж. Агамбен описывает эту тенденцию следующим образом: «Кризис становится инструментом правления, который служит для узаконивания политических и экономических решений, которые фактически лишают граждан права собственности и какой-либо возможности принимать решения»⁵⁷. Такая трактовка кризиса культуры идет вразрез с конструктивными поисками выхода из ситуации угрозы и неопределенности.

Под понятие кризиса в широком смысле можно подвести любой концептуальный или визуальный образ *«решающих изменений»* в культуре – вне зависимости от того, идет ли речь о повторяющемся циклическом процессе или о локализованном во времени скачкообразном переходе из состояния *«до»* к состоянию *«после» кризиса*. В этом отношении особый интерес для анализа представляет *апокалиптический* смысл кризиса культуры, понимаемого как неминуемая финальная стадия ее развития, связанная с ожиданием конца времен.

В контексте апокалиптического подхода не предполагается никакого состояния *«после кризиса»*, а сам кризис уже не мыслится как переход. На это обратил внимание А. И. Пигалев, который в отношении современного культурного кризиса использует метафору *«слом»*: «Следовательно, современное разрушение культуры и утрата культурной идентичности не могут быть названы историческим переходом в прежнем смысле, поскольку для перехода необходимо не только то, куда переходят, но и то обладающее определенностью состояние, из которого, собственно, переходят. Это слом, парадоксально начавшийся до своего начала»⁵⁸.

⁵⁷ The Endless Crisis as an Instrument of Power: In conversation with Giorgio Agamben, 2013. URL: <https://www.versobooks.com/en-gb/blogs/news/1318-the-endless-crisis-as-an-instrument-of-power-in-conversation-with-giorgio-agamben> (accessed: 10.02.2025).

⁵⁸ Пигалев А.И. Апокалиптика постмодерна: монография / А. И. Пигалев; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. Образования «Волгогр. гос. ун-т». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 139.

В определенном смысле апокалиптической можно считать установку постмодернизма, согласно которой сама современность мыслится как находящийся в вечном кризисе «хаосмос».

Резюме. Подводя итоги рассуждений, связанных с решением первой задачи диссертации, можно сделать вывод о том, что полисемантность понятия «кризис культуры» является, с одной стороны, результатом экстраполяции на сферу культуры широкого спектра семантических значений понятия «кризис», сформировавшихся в медицине, экономике, богословии, истории, политике и ставших источниками продуктивных метафор для культурологических дисциплин, а с другой – продуктом его дальнейшей концептуализации в рамках философии культуры.

В результате указанной экстраполяции концепт «кризис культуры» вобрал в себя, во-первых, широкую палитру смыслов, выражающих присутствующую в переживании кризиса потребность в преодолении и выборе; во-вторых, сопровождающее состояние «переходности» темпоральное чувство «до – после»; в-третьих, влияющие на оценку кризиса представления о норме и отклонении, конфликте ценностей. В ходе концептуальной рефлексии кризиса культуры сложилось его понимание как неизбежной фазы, ведущей к упадку и смерти культуры; как преходящей угрозы, требующей от субъекта решительных действий для ее преодоления; как периодически повторяющейся и необходимой фазы существования культуры; как проекта, инструмента для решения стоящих перед конкретным субъектом задач.

1.2. Классификация смысловых трактовок понятия «кризис культуры»

Выделение смысловых коннотаций понятия «кризис культуры» может быть осуществлено на трех уровнях⁵⁹: семантическом, онтологическом и теоретико-методологическом.

На *теоретико-методологическом уровне* анализа исследуется обусловленность представлений о кризисе культуры методологическими, теоретическими и аксиологическими установками субъекта познания. Контекст употребления концепта «кризис культуры» и связанных с ним метафор зависит от типа организации культуры и от содержательной трактовки культуры. В зависимости от организации культуры, выделяется ее определение как системы и как совокупности практик. Содержательная трактовка культуры фундирована различным пониманием ценностей, которые составляют ее ядро: признанием наличия в культуре инвариантных ценностей или утверждением их релятивного характера.

На *онтологическом уровне* кризис культуры рассматривается либо как порождаемый реальными механизмами и проявляемый через феномены, либо выступает как социальный конструкт, продуцируемый в дискурсе, социальной коммуникации и социальных практиках. Во втором случае представления о нем в сознании представителей той или иной культуры не являются отражением процессов, происходящих в культурной сфере.

Семантический уровень представлен определениями, характеристиками, словосочетаниями и метафорами, ассоциируемыми с кризисом культуры. Они могут быть разделены на две основные группы: описывающие кризис как объективный процесс («катастрофа», «контрэволюция», «переход», «кратковременная ситуация» и т.п.) и

⁵⁹ Термин «уровень» в данном случае не означает иерархии, но понимается как «подразделение чего-либо целого, получаемое при его расчленении. Например, "уровни языка", "уровни энергии" (спец.).»

характеризующие кризис культуры как субъективное состояние («ошибочное представление», «антидискурс», «антитрадиционализм» и т.п.).

С учетом выделенных уровней анализа можно предложить следующую классификацию смысловых трактовок кризиса культуры.

*Кризис культуры как закономерный этап развития общества/культуры
как органической системы*

Трактовка кризиса культуры с точки зрения органицизма характерна для О. Шпенглера, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, раннего К. Лоренца⁶⁰, рассматривавших культуру в качестве живой, развивающейся системы, где функционирование отдельных подсистем обеспечивает жизнеспособность всей целостности. Влияние органицизма на философию культуры и культурологию было обусловлено тем, что значимую роль в формировании понятийно-концептуального аппарата этих дисциплин сыграли мыслители, которые были «по своему образованию и ментальности естествоиспытателями»⁶¹ (Данилевский, Леонтьев, Лоренц). Благодаря им на фоне набирающей силу после 1870-х гг. критики гуманизма и разумности как инвариантных оснований культуры к концу XIX в. «все убедительней выглядит концепт культуры как герметически замкнутого типа, как органической целостности»⁶², понимаемой по аналогии с биологической популяцией. Качественно различающиеся локальные культурные системы подчиняются общим объективным закономерностям развития, проходя естественные этапы детства, зрелости, упадка и гибели. Кризис культуры – это острая, заключительная фаза деградации конкретной культуры, непосредственно предшествующая ее гибели. Для ее обозначения используются как метафоры, отображающие в целом стадию упадка («закат

⁶⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. URL: <http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny-list.htm> (дата обращения: 05.09.2024); Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. URL: http://lib.ru/FILOSOF/LEONTIEV_K/wisantizm_slawyanstwo.txt (дата обращения: 09.03.2025); Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер; авт. вступит. статьи А.П. Дубнов; авт. комментариев Ю.П. Бубенков и А.П. Дубнов. Новосибирск: ВО «Наука»: Сибирская издательская фирма, 1993. 592 с.; Лоренц К. Обратная сторона зеркала. Сборник трудов. Philosophical arkiv, Sweden, 2016.

⁶¹ Доброхотов А. Л. Философия культуры. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 168.

⁶² Там же. С. 26.

культуры», «болезнь культуры», «запад жизни» и т.д.), так и метафоры, выражающие остроту кризисной фазы и ее итог («культурная катастрофа», «смерть культуры»). В обоих случаях подчеркивается предопределенность результата кризиса и невозможность для человека изменить судьбу культуры.

Подобная пессимистическая установка философии культуры находит живой отклик у современного человека, о чем свидетельствует высокая популярность идей О. Шпенглера, предрекшего закат Европы. Однако задолго до «Заката Европы» К.Н. Леонтьев и Н.Я. Данилевский высказывали похожие идеи неизбежной смерти культуры, которую они понимали локально: не как смерть культуры вообще, а как смерть конкретной культуры среди других. В этом смысле Н.А. Бердяев писал о «леонтьевском наследии» Шпенглера, выразившемся в признании им неотвратимости смерти культуры, ее предопределенности логикой развития, когда за «цветущей сложностью» наступает стадия «упростительного смешения» под напором набирающей силу цивилизации. Поскольку «цветущее разнообразие» в культуре обеспечивается распространением разнородных ценностей во всех сферах общества, культура может продлить период своей жизнеспособности через сохранение своей уникальности. В этом тезисе можно увидеть зачатки менеджерского смысла кризиса культуры, когда фазу упадка можно отсрочить благодаря сохранению культурной самобытности. Леонтьев «хотел верить, что цветущая культура возможна еще на Востоке, в России»⁶³.

Идея кризиса как закономерного этапа развития культуры в концепции Н.Я. Данилевского выражена при помощи метафоры «запад жизни» общества⁶⁴, встречающейся в работе «Россия и Европа» (1871) и созвучной метафоре «закат Европы». Наряду с этим Н.Я. Данилевский выделяет и другой аспект кризиса, характерный для культур, молодых и восходящих

⁶³Бердяев Н. А. Предсмертные мысли Фауста. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/berdyaev_n_a_predsmertn (дата обращения: 11.02.2025).

⁶⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. URL: <http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny-list.htm> (дата обращения: 05.09.2024).

культур. Так, славянско-русская культура несмотря благоприятную перспективу роста за счет собирания славянских народов вокруг России как центра обнаруживает выраженные деструктивные проявления, которые Данилевский обозначает неологизмом «европейничанье»⁶⁵, связывая кризисные тенденции с утратой чувства собственной состоятельности, с зависимостью и или подчиненностью другой культуре. Такого рода кризис уже не является закономерным процессом исторического развития, процессом естественного завершения существования культуры, но является аксиологически окрашенным и указывает на необходимость осознания последствий и принятия мер – включения, выражаясь языком менеджмента, «антикризисного управления».

Трактовка закономерных этапов развития общества и культуры в социологической версии органицизма была сходна с описанной, поскольку для ее сторонников источником категориальных заимствований служили, в первую очередь, биологические науки. Из их терминологического арсенала черпались «организмические метафоры», считавшиеся вполне подходящими для описания и изучения общества и культуры. Считалось, что последние (при всей своей специфике в качестве «надорганических» целостностей) подчиняются единому закону эволюционного развития, согласно которому внутренняя структурная и функциональная дифференциация целостности сопровождается усилением взаимозависимости ее частей (интеграцией). Поскольку культура есть часть социального организма, ее развитие носит стадийный характер и включает в себя кризисную фазу как *необходимый процесс перехода с одной стадии развития к другой*. При этом не имеет значения оценка направленности этого перехода. Так, в рассуждениях Ф. Ницше об упадке культуры в метафорических выражениях «человек есть переход», «переходящий» к сверхчеловеку, «путь к закату есть путь к новому

⁶⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. URL: <http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny-list.htm> (дата обращения: 05.09.2024).

утру», «переоценка ценностей»⁶⁶ ее «испорченности» и переход в состояние декаданса связываются с утверждением «высших ценностей», которые, хоть и признаны в этом качестве большинством, на деле таковыми не являются. Выходом из кризисной ситуации является, по Ницше, обратный переход – отказ от ценностей гуманизма и рационализма и возврат к варварству, к «культуре творческой силы». Истинная культура может быть только усовершенствованной природой, хотя и подвергшейся «обработке» со стороны противостоящей ей человеческой духовности. Если становление культуры Ницше описывает как естественный процесс «произрастания из жизни», упадок – это «болезнь», нарушающая естественный процесс и проявляющаяся в умалении в культуре природного начала, вследствие чего она утрачивает жизненный импульс и не способна выполнить свою миссию порождения великого человека. Кризис – это состояние, в котором культура утрачивает черты «настоящей»: она утрачивает волевое начало и «не идет дальше некоторого знания о культуре, это – мысль о культуре, чувство культуры, она не претворяется в культуру-решимость»⁶⁷. Выход из кризиса – это, напротив, направляемый человеческой волей процесс восхождения к культурно эмансипированному духу, свободному от моральных ограничений. Проективный характер этого движения подчеркивается тем, что оно предваряется критическим диагнозом предшествующего/наличного состояния культуры, описываемом Ницше посредством организмических метафор, связанных с телесностью – «здоровье», «болезнь».

В рамках социологического органицизма мы видим использование для обозначения кризиса сходного сочетания разнородных метафор: «болезни», фиксирующей ненормальность состояния общества и «перехода», указывающего на его закономерность. В обоих случаях при этом акцент делается на поиске путей выхода из кризиса. При этом кризис культуры не

⁶⁶ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т.2; пер. с нем.; сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьян. М.: Мысль, 1990. 829 с.

⁶⁷ Ницше Ф. Несвоевременные размышления II. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии. М.: Культурная революция, 2005–2014. Т. 1/2: Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. 2013. 480 с. С. 112.

всегда отчетливо обособляется от социального кризиса. Дело в том, что у социологов нет надежных методов, позволяющих провести четкую демаркационную линию между культурным и социальным, поэтому они рассматривают культуру как отдельную грань, сторону социальных взаимосвязей, но не как самостоятельный предмет изучения⁶⁸. По сути, социологи экстраполируют на сферу культуры семантическое значение понятия «кризис», сложившееся в социально-экономических теориях, для которых характерна высокая частотность употребления этого термина.

Так, например, Э. Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда» (1893) писал о том, что общество поразила *болезнь*, которую необходимо остановить, найти «лекарство от зла»⁶⁹. Для этого «необходимо... прекратить аномию, найти средства заставить гармонически сотрудничать органы, которые еще сталкиваются в беспорядочных движениях, внести в их отношения больше справедливости, все более ослабляя источник зла – разного рода внешнее неравенство»⁷⁰. Подход Дюркгейма к кризису общества (и культуры как его части) демонстрирует сочетание органических метафор и менеджерского смысла кризиса как управляемого процесса.

Признание объективного характера кризисов в обществе и культуре предполагает возможность их диагностирования благодаря наличию объективной взаимосвязи между невидимой сущностью кризиса и его видимыми признаками – симптомами⁷¹. Эта взаимосвязь является очень недоопределенной, а потому хотя кризисы и обнаруживают себя благодаря своим симптомам, установление их глубоких, скрытых причин, служащих основой для решительных вмешательств, сопровождается большими сложностями. По мнению Б. Джессопа, при выделении симптомов кризиса

⁶⁸ Орлова И.Б. Социология культуры // Российская социологическая энциклопедия. Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1998. 672 с. С. 504.

⁶⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 432 с.

⁷⁰ Там же. С. 417.

⁷¹ Jessop B. The Symptomatology of Crises, Reading Crises and Learning from Them: Some Critical Realist Reflections // Journal of Critical Realism, 2015. № 14(3). pp. 238-271.

необходимо опираться на наблюдения и двигаться методами проб и ошибок. Эффективность вмешательства в кризисные ситуации зависит от готовности полагаться на прошлый опыт и одновременно принимать конструктивные решения⁷². При этом наличие недоопределенности в ходе протекания кризиса является позитивным моментом: если кризисы не имеют predetermined результатов, то их разрешение зависит от ответных действий субъекта.

Кризис культуры как закономерный этап ее развития как самоорганизующейся системы

С конца XX века под влиянием синергетики утверждается трактовка культуры как открытой самоорганизующейся системы. В качестве самоорганизующейся системы культура обладает свободой выбора и способна к изменениям сложившихся программ поведения. Характер этих изменений обусловлен, с одной стороны, реакцией открытой системы на изменения во внешней среде, а с другой – внутренне присущей самой системе логикой ее самодвижения, саморазвития.

В синергетической трактовке культурная динамика описывается при помощи специализированного терминологического аппарата, слабо адаптированного к особенностям культурных процессов. Понятийный аппарат синергетики сформулирован на основе исследования естественнонаучного материала. Использование таких понятий как «бифуркация», «неустойчивость», «нелинейность», «флуктуация», «аттрактор», «хаос» и т.п. способствует объяснению механизма кризисов, однако для фиксации конкретных культурных процессов этого оказывается недостаточно.

Среди современных отечественных исследователей экстраполяцию естественнонаучного материала на область культуры осуществляют такие ученые как А.Д. Арманд⁷³, А.С. Ахиезер⁷⁴, В.Т. Буданов⁷⁵, М.С. Каган⁷⁶, С.П.

⁷² Jessop B. The Symptomatology of Crises, Reading Crises and Learning from Them: Some Critical Realist Reflections // Journal of Critical Realism, 2015. № 14(3). pp. 238-271.

⁷³ Анатомия кризисов / А.Д. Арманд, Д.И. Люри, В.В. Жерихин, В.Т. Буданов [и др.]. М.: Наука, 1999. 238 с.

Капица⁷⁷, Н.И. Лапин⁷⁸, А.П. Назаретян⁷⁹ и др.. Они называют кризис культуры «*бифуркационной фазой*», обозначая этим термином процесс, при котором культурная система либо деградирует, либо вырабатывает новые, более изощренные механизмы сохранения (антиэнтропии) – взамен или в дополнение к прежним, ставшим при новых условиях контрпродуктивными.

Так, например, А.П. Назаретян унифицирует причинную схему кризисов и гибели цивилизаций и культур, и связывает ее с законом эволюционных корреляций – нарушение баланса между ростом технологий и культурными регуляторами. Подобной позиции придерживается М.С. Каган.

Рост культурного разнообразия представители синергетики не оценивают однозначно положительно, в отличие от культурологов. Для них остаются актуальными дискуссии о том, к чему приводит рост разнообразия – к прогрессу или регрессу системы. Открытый специалистом по кибернетике У.Р. Эшби закон, согласно которому при качественном изменении системы рост разнообразия по одним параметрам сопровождается понижением уровня разнообразия по другим параметрам, вдохновил отечественного ученого Е.А. Седова на выявление определенной закономерности в сложных иерархически организованных системах: рост разнообразия на верхнем уровне обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях, и наоборот. Подобная тенденция отмечается в эволюции социальных норм – при сужении выбора средств для осуществления намерений, человек расширяет выбор целей. В связи с этим, по мнению Назаретяна, рост культурного разнообразия «настоятельно требует дальнейшего «взаимоуподобления» цивилизаций по

⁷⁴ Ахиезер А. История России: конец или новое начало? / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко. М.: Новое издательство, 2008. 464 с.

⁷⁵ Анатомия кризисов / А.Д. Арманд, Д.И. Люри, В.В. Жерихин, В.Т. Буданов [и др.]. М.: Наука, 1999. 238 с.

⁷⁶ Каган М.С. Философия культуры. Санкт-Петербург, 1996. 415 с.

⁷⁷ Капица С.П. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 288 с.

⁷⁸ Лапин Н.И. Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. 1992. Т. I. № 1. С. 5-37.

⁷⁹ Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Либроком, 2012. 256 с.

мировоззренческим и поведенческим основаниям, а в противном случае это обернется катастрофическим крахом всей системы планетарного общежития»⁸⁰. В этой связи процесс глобализации, предоставляющий унифицированные ценности и нормы, рассматривается как механизм, уравнивающий стремительный рост культурного разнообразия региональных культур.

Уподобление культур, по мнению Назаретяна, также связано с культурой самоотказа человека по отношению к возрастающему технологическому потенциалу. Популярная точка зрения, с позиции которой выход из кризиса связан с возвратом к культурным, религиозным истокам, с позиции Назаретяна, не работает, т.к. традиционные культуры формировались на фоне инструментальных возможностей неравнозначных современным.

С точки зрения синергетического подхода кризис культуры представляет закономерный этап в развитии культуры, момент выбора пути ее развития.

Представители синергетической концепции культуры видят продуктивность кризисов в том, что они вносят необходимый для дальнейшего развития системы элемент *подвижности, хаотизации ее устоявшихся элементов*. При этом субъект способен провоцировать кризисы и должен научиться их регулировать.

Кризис культуры как закономерный результат смены эпох

Обособлению кризиса культуры в качестве самостоятельного феномена способствовала идея О. Конта о последовательной смене фаз общественного развития – от теологической к метафизической и далее к позитивной – как результата *изменения систем ценностей*. Эту линию продолжил немецкий экономист и социолог А. Вебер в сборнике работ 1905–1919 гг. «Кризис европейской культуры». По мнению А. Вебера, человеческое бытие, в

⁸⁰ Назаретян А.П. «Столкновение цивилизаций» и «Конец истории» // Общественные науки и современность. 1994. №6. С. 142

отличие от природы как предмета естествознания, содержит «акцентирование ценности» и тем самым обладает душевно-духовной (в том числе религиозной) релевантностью⁸¹, ибо только в человеческом мире «заряженные ценностью душевно-духовные силы <...> указывают человеку на его возможности, одновременно конституируя обязательство, как в рамках такого развивающегося, сплошь проникнутого спонтанными силами существования ему надлежит правильно понимать самого себя»⁸². В эпоху перехода к капитализму цивилизационный и технологический прогресс закономерным образом приводит к распаду традиционной системы ценностей и к кризису культуры: «Особенность переходного периода с 1500/1600 г. состоит только в том, что эти всегда наличные витальные силы и их борьба, которая обычно действует в виде повсюду существующих поднимающихся и падающих волн, превращаются в мощные эволюционные факторы, действующие по собственным законам. Таков современный капитализм в социально-структурной сфере, такова основанная на развивающейся эмпирической науке современная техника; оба эти фактора привели современное массовое общество <... и> в той или иной форме все человечество в его политической и духовно свободной сфере посредством дезинтегрирующего техницизма, с одной стороны, и посредством присущих ему методов в соединении со связанным с этим распадом ценностей и смысла и с сопутствующим этому практическим нигилизмом – с другой, к краю бездны, до сих пор человечеству в его истории неведомому»⁸³. Если кризис в социальной сфере – это преддверие новой эры, неотъемлемая часть перехода общества в новое состояние, то сопровождающий его кризис в культуре, вызываемый распадом прежних ценностей – это состояние катастрофическое. В такие периоды культура лишается собственной динамики, а ее задачей становится переосмысление ценностей. При этом под

⁸¹ Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. С. 283.

⁸² Там же С. 283.

⁸³ Там же. С. 326.

влиянием социально-экономических причин кризис духовной культуры и его последствия приобретают классовый характер: «...Европа начинает распадаться на две духовные сферы, из которых нижняя, пролетарская, считает ценности, принятые в верхней сфере как всеобщие и последние, частными, выражением интересов господствующего слоя, полагая, что в принятых пролетариями частных ценностях содержатся будущие всеобщие ценности. Следовательно, произошел не только разрыв в обществе, но и утвердилась относительность всех объективных душевно-духовных содержаний, которые с тех пор стали определять как "идеологии", другими словами, как скрывающие экономические интересы ложные образования. В духовном понимании это было ударом по корням всех трансцендентных взглядов и позиций XVIII в.»⁸⁴.

П. Сорокин в произведении «Кризис нашего времени» (1941) также связывает последовательность переходов между культурными сверхсистемами – идеациональной, чувственной и идеалистической – с переоценкой ценностей: «Мы как бы находимся между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей идеациональной культурой создаваемого завтра»⁸⁵. По мнению П. Сорокина, современный ему кризис заключался в том, что чувственная сверхсистема культуры, господствовавшая последние четыре столетия, подошла к моменту своего регресса. Ее ценности девальвировались, потребовалась новая форма культуры.

Кризис культуры как разрыв с традицией

Для философии культуры и культурологии характерно, с одной стороны, понимание культуры как «нуклеарной» системы, ядром которой являются традиционные ценности, а с другой – акцентирование внимания на динамическом характере культуры, чья жизнь поддерживается через механизм традиции. Согласно идеям К. Лоренца, С.С. Аверинцева, О.А.

⁸⁴ Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. С. 438-439.

⁸⁵ Сорокин П.А. Человек Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 427.

Седаковой, кризис культуры – это разрыв в передаче традиций, предваряемый обесцениванием прошлого. Идеиные предпосылки этого обесценивания закладываются в эпоху модерна, утверждающего инструментальное восприятие традиции, согласно которому «прошлое должно наконец покорится человеку, превратившись из силы, определяющей социальное бытие, в силу, служащую ему, в котором удалось бы разделить "положительную историю прогресса", от которой надлежит взять лучшее, и "негативную историю невежества", которую надлежит подвергнуть забвению»⁸⁶. Таким образом, модерн попытался синтезировать две разнонаправленные социокультурные интенции: с одной стороны, стремление к удовлетворению потребностей субъекта за счет рационализации и контроля, включая контроль над прошлым; с другой – признание невозможности для субъекта уйти от обусловленности прошлым, его осознанную или неосознанную подчиненность процессам воспроизводства культуры, обобщенным в концепте традиции. Для выхода из кризиса человеку необходимо осознать глубокую роль культурной традиции как ресурса и живого источника, ведь «люди здоровой культуры не боятся обременять себя духовными ценностями прошлого, чтобы двигаться дальше»⁸⁷.

Оригинальный вариант органицистского понимания культуры как живой системы, функционирование которой поддерживается «*кумулярующей традицией*», представлен в трудах австрийского мыслителя и основателя этологии К. Лоренца⁸⁸. Лоренц понимал культуру натуралистически и стремился описывать ее «средствами естественнонаучной методологии и по

⁸⁶ Рахинский Д.В., Илларионов Г.А., Городищева А.Н., Князев Н.А. Инструментальный подход к традиции в концептуальном и общественном контекстах // Социодинамика. 2021. № 3. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35210 (дата обращения: 20.01.2025).

⁸⁷ Хёйзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе / Сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова; Коммент. Д. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. С. 32.

⁸⁸ Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Обратная сторона зеркала: сб. трудов / пер. с нем. и предисл. А. И. Фета; редакция А. В. Гладкого; примеч. А. И. Фета и А. В. Гладкого. Nyköping (Sweden): Philosophical arkiv, 2016. С. 17-94.

аналогии с явлениями природы»⁸⁹. С этой целью он широко использовал заимствованные из биологии термины («наследственность», «изменчивость») и объяснительные схемы («*один лишь* отбор решает, что должно войти в сокровищницу знаний культуры в качестве её традиционных, "священных" обычаев и нравов»⁹⁰). Вместе с тем Лоренц подчеркивал, что история различных культур представляет собой особый тип жизненного процесса. Благодаря тому, что наследование приобретенных признаков в культуре осуществляется посредством понятийного мышления и языка, историческое развитие культуры многократно ускоряется (в сравнении со скоростью филогенеза биологических видов), и ее эволюция характеризуется не только быстрыми процессами, но и внезапными переходами («скачками»). В этой связи крайне важным для сохранения и развития культурных форм он считал гармоничное сочетание, равновесие постоянства и изменчивости. Анализируя сущность культуры и ее филогенетические основания, Лоренц выделяет закономерности и тенденции ее развития, сохраняющие и разрушающие ее факторы. К факторам, стабилизирующим культуру, Лоренц относил привычки, подражание, следование образцам и ритуалам (ибо «все достаточно долго сохраняемое культурной традицией принимает в конце концов характер "суеверия" или "доктрины"»⁹¹), а к факторам, разрушающим культуру – открытость миру, любознательность, стремление к новациям и разрыву с традицией. Кризис культуры является следствием стремления к разрыву с традицией, обусловленного «чудовищной недооценкой нерациональных сокровищ культуры и столь же чудовищной переоценкой того, чего человек сумел добиться в качестве *homo faber* с помощью своего *ratio*»⁹². Это угрожает культуре гибелью, поскольку «побуждает "научно просвещенную" молодёжь выбрасывать за борт бесценные сокровища

⁸⁹ Ребещенкова И. Г. Концепция культуры как живой системы К. Лоренца // Записки Горного института. 2008. № 175. С. 277.

⁹⁰ Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Обратная сторона зеркала: сб. трудов / пер. с нем. и предисл. А. И. Фета; редакция А. В. Гладкого; примеч. А. И. Фета и А. В. Гладкого. Nyköping (Sweden): Philosophical arkiv, 2016. С. 63.

⁹¹ Там же. С. 64.

⁹² Там же. С. 65.

мудрости и знания, заключённые в традициях любой старой культуры и в учениях великих мировых религий»⁹³. Конечно, процесс пересмотра устаревших элементов унаследованной культуры необходим для ее сохранения. Эту функцию в культуре выполняет молодое поколение, которое с необходимостью проходит этап освобождения от родительских традиций и их критического переосмысления. Этот период поиска молодым поколением новых идеалов, когда новации приобретают неотразимую привлекательность, Лоренц обозначает как «физиологическую неофилию», которая в норме должна смениться возрождением любви к традиционному наследию: «... "Нормальным", т. е. имеющим смысл для сохранения культуры как системы, следует считать процесс, состоящий в том, что молодые люди какой-то этнической группы объединяются для служения некоторым новым идеалам и предпринимают в соответствии с ними существенные реформы традиционных норм поведения, не выбрасывая при этом за борт всё достояние родительской культуры целиком. Таким образом, молодой человек безусловно отождествляет себя с молодой группой старой культуры»⁹⁴. Если же этого не происходит и отход от традиции из временной фазы превращается в необратимое состояние, культура гаснет, как пламя свечи. Из всех «грехов» цивилизованного человечества разрыв с традицией – самый разрушительный по своим последствиям.

По мнению С.С. Аверинцева и О.А. Седаковой, культура – это пайдейя (обучение), то есть не принуждающая сила, а стремление человека открыть себя и свою ценность. Сохранение культуры как «живого слова» требует поддержания связей с источниками культуры – через образование, публицистику, переводческую деятельность и т.д. Культура непрерывна. Динамический смысл ее находит выражение в традиции, понимаемой как «культурное наследие прошлого и как ответственность за передачу его

⁹³ Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Обратная сторона зеркала: сб. трудов / пер. с нем. и предисл. А. И. Фета; редакция А. В. Гладкого; примеч. А. И. Фета и А. В. Гладкого. Nyköping (Sweden): Philosophical arkiv, 2016. С. 64.

⁹⁴ Там же. С. 72.

будущим поколениям»⁹⁵. В этом смысле культура выступает предметом служения, а человек по своей сути есть *homo haeres* – наследующий и передающий наследство. Кризис культуры – это умирание традиции как живого, развивающегося наследия, превращение ее в статичную, формальную систему безличных норм и правил, принудительных по отношению к индивидуальности, лишаящих ее свободы и снимающих с нее ответственность. Сбой в механизме передачи традиции приводит к тому, что она утрачивает связь с современностью и перестает обновляться. Тем самым разрушается «культурный континуум». Выход из кризиса требует, прежде всего, нового языка, способного передать современному человеку культурное содержание источников и восстановить разрушенные связи с традицией.

Идейно близкой к позиции С.С. Аверинцева является трактовка кризиса культуры у голландского историка культуры Й. Хёйзинги, чья книга «Осень средневековья» вышла одновременно с первым томом «Заката Европы». В ней, в отличие от труда Шпенглера, не было «представлений о тотальном упадке», «безапелляционных формул, подменяющих реальный кризис некоей разновидностью апокалипсического мифа»⁹⁶. В метафорах «упадка» и «заката» Хёйзинга видел, что *устаревшие представления о кризисе, не имели научной формы и больше напоминали апокалиптические предсказания*. Хёйзинга применяет к кризису метафоры, которые подчеркивают болезненный характер этого переходного феномена: «интенсивный культурный поворот», «лихорадка», «духовный надлом». В период кризиса в культуре нарушается равновесие духовных и материальных ценностей, а его причины коренятся в установках общественного сознания на обесценивание прошлого и на *отход от традиционных ценностей*. Эту духовную ситуацию Хёйзинга описывает метафорами «одержимость», «безумие», «умоисступление», «отупелость». Кризисное состояние Хёйзинга описал на примере средневековой культуры в ее последней жизненной фазе,

⁹⁵ Поцци В. Культура как *paideia*. Сергей Аверинцев и Ольга Седакова: путь к современному христианскому гуманизму // Вестник Свято-Филаретовского института. 2019. №32. С. 73.

⁹⁶ Аверинцев С. С. Культурология Йохана Хейзинги // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 173.

протекание которой передано с помощью флористических метафор: в этой фазе культура «похожа на дерево, плоды которого полностью завершили свое развитие, налились соком и уже перезрели», однако в ней самой происходит «зарастание живого ядра мысли рассудочными, одеревенелыми формами», а сама богатая культура «высыхает» и «деременеет»⁹⁷.

Важно, что описываемый период XIV–XV вв. знаменует смерть средневековой культуры и одновременно возвещает рождение новой, ренессансной культуры. То есть речь идет, как и у С.С. Аверинцева, о том, что именно для определенной культуры «ломается» механизм трансляции, вследствие чего она перестает быть частью живой традиции, «развивающимся наследием». В континууме культуры возникают лакуны. Однако человеку под силу восстановить связи с источниками утраченных культур, придать им новый жизненный импульс через введение текстов и смыслов этих культур в современность. Эту задачу решили гуманисты XIV–XV вв., такую же задачу ставил перед собой С.С. Аверинцев, обращаясь в своих публичных лекциях и публикациях к дореволюционной культуре и христианской традиции.

Однако культурный кризис первой трети XX в. не дает надежд на возрождение «ретроспективных идеалов». На основе доклада на тему «Кризис культуры», прочитанного 8 марта 1935 г. в Брюсселе, Хёйзинга пишет эссе «Тени завтрашнего дня»⁹⁸, в котором отображает современный мир скатывающимся к катастрофе. Кризис культуры – это «недуг», в отношении которого вряд ли возможна «терапия», но необходимо понимание его причин. Объективные черты современного культурного кризиса обнаруживаются в результате методического сравнения его с предыдущими, поскольку кризис – понятие историческое, кризисы сопровождали развитие цивилизации на протяжении всей истории. Современный кризис культуры

⁹⁷ Хёйзинга Й. Осень средневековья: Соч. в 3-х тт. Т. 1: Пер. с нидерланд. Вступ. ст. и общ. ред. Уколовой В.И. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 7.

⁹⁸ Хёйзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе / Сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова; Коммент. Д. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 456 с.

характеризуется рядом особенностей, обнаруживающих его катастрофический характер: поколеблены базовые устои общества; надежда и идеалы в гораздо меньшей степени определяют культурный климат, чем в предшествующие эпохи; нет уверенности, что за нынешним поворотом в культуре нас ожидают восход и подъем⁹⁹; очевидно «принципиальное и мотивированное посягательство на христианскую этику»¹⁰⁰; подрыв общественного порядка становится осознанной целью, опирающейся на учение о классовой борьбе; в экономике наблюдается «монетарное расстройство», а в искусстве – «бурлескное чередование подстегиваемых рекламой эксцессов моды»¹⁰¹.

Две черты современного культурного кризиса заставляют Хёйзингу дать «метафизически-пессимистический» прогноз. Во-первых, в отличие от уходящей культуры прошлого, которая передала нам в наследство высокую форму религии, на которой до последнего времени покоилась современная цивилизация, современная культура движется к варварству: «Мы видим как цепенеют, увядают, сокращаются и исчезают выдающиеся способности социального упорядочения, духовного постижения и выражения»¹⁰². Во-вторых, раньше возрождение культурной жизни происходило через *возрождение идеалов прошлого*, через «возвращение к чистоте или древнему совершенству»: «Нужно было отыскать и употребить в дело *древнюю мудрость и древнюю добродетель*. Древняя мудрость, древняя красота, древняя добродетель были *той* мудростью, *той* красотой, *той* добродетелью, которые требовались, чтобы внести в этот мир столько порядка и благополучия, сколько он в состоянии вынести. <...> И даже когда люди жили в сознании взлета и обновления, они тем не менее с удвоенной ревностью заново извлекали на свет забытую мудрость, не только во имя бескорыстного знания, но чтобы она снова вступила *в силу*: будь то римское

⁹⁹ Хёйзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе / Сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова; Коммент. Д. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. С. 27.

¹⁰⁰ Там же. С. 28.

¹⁰¹ Там же. С. 29.

¹⁰² Там же. С. 29.

право или творения Аристотеля. Именно с этой целью гуманизм в XV и XVI вв. предложил миру вновь открытые, и исправленные, словесные сокровища древности – как вечно живой образец знания и культуры. И не для того чтобы перед ним преклоняться, но чтобы с его помощью созидать»¹⁰³. Однако этой способности к возрождению традиции современный мир не обнаруживает. Новации окончательно отодвинули традицию: «Культурные устремления – в том числе и тех, кто, возможно, ценит прежние времена выше нынешних из-за их веры, их искусства, их крепкого и здорового общественного устройства, – более не исходят из воображаемого идеала возрождения древности. Мы уже не можем и не хотим ничего иного, кроме как смотреть вперед и двигаться к неведомым далям»¹⁰⁴.

Важным дополнением к позиции Хёйзинги и Аверинцева стали исследования К. Манхейма¹⁰⁵ и А. Дж. Тойнби¹⁰⁶ о роли интеллигенции в «производстве» культуры и преодолении культурного кризиса. Интеллигенция представляет собой специализированную элитарную группу, выполняющую две группы функций: во-первых, управленческую и политическую; во-вторых, культуротворческую, реализующуюся через сублимацию духовных энергий в культурные формы – образование, искусство, религию. Динамичное развитие культуры требует сочетания свободы выбора и творчества в деятельности культурной элиты: «Общество, не позволяющее сублимированному слою достичь развития, не может ни управлять культурным процессом, ни увеличить свои творческие силы. Только там, где, с одной стороны, рядовой человек располагает достаточным свободным временем, чтобы подвергнуть сублимации излишек своей энергии, и где, с другой стороны, в области культуры существует группа лидеров, способная направить эту сублимацию, возникают

¹⁰³ Хёйзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе / Сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова; Коммент. Д. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. С. 30.

¹⁰⁴ Там же. С. 31–32.

¹⁰⁵ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 697 с.

¹⁰⁶ Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. Е.Д. Жаркова. 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2002. 640 с.

соответствующие друг другу слои: слой, создающий культуру, и слой, культуру воспринимающий»¹⁰⁷. Сами же культурные элиты трансформируются под влиянием процессов массовизации, теряя авторитет. Отрицательный отбор культурных элит оборачивается утратой «целенаправленности в образовании вкуса», появлением негативных образцов и негативных ценностей. «Кризис культуры в либеральном демократическом обществе восходит прежде всего к тому, что фундаментальные социальные процессы, развитию которых раньше способствовали создающие культуру элиты, перешли вследствие массовизации общественной жизни в свою прямую противоположность»¹⁰⁸. По мнению Манхейма, кризис культуры включает: изменения в духовной жизни, обусловленные развитием промышленной цивилизации и выражающиеся в частичном или полном разрушении привычек, обычаев и традиционных ценностей; разрушение культурной жизни, обусловленное утратой связи между ученым, художником и обществом; снижение стандартов оценки общественных отношений, в результате чего средний культурный уровень становится эталонным¹⁰⁹. Происходит вымывание подлинной культуры и подмена ее суррогатной – массовой культурой «среднего человека» (той, которую С.С. Аверинцев называл «плохой культурой»).

О ключевой роли интеллигенции в судьбе цивилизации и культуры писал А. Дж. Тойнби в сборниках произведений «Постижение истории» (1934–1961) и «Цивилизация перед судом истории» (1947). В качестве эталонных ценностей он рассматривал *религиозные*. С помощью метафоры «*Ответ и Вызов*» Тойнби описал причину кризисной ситуации в культуре, которая заключается в неспособности творческой интеллигенции дать Ответ на Вызовы, исходящие от Бога. Судьба цивилизации зависит от человека, который либо даст Ответ на Вызов, либо приведет цивилизацию к гибели.

¹⁰⁷ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 313.

¹⁰⁸ Там же. С. 314

¹⁰⁹ Там же. С. 465.

Нелепо догматически твердить вслед за О. Шпенглером о том, что каждому обществу предопределен срок существования. Путь к преодолению кризиса – это утверждение религиозных ценностей, «новое рождение, а не попытка найти шаткий компромисс»¹¹⁰.

Кризис культуры как ошибочное представление

В философии постмодернизма и постструктурализма культуру понимают как *совокупность практик* и начинают определять, как *ризоматическую или мозаичную*. В этом смысле культура детерминирована человеком, его выбором. Лишая человека статуса постоянного элемента в культуре, конструктивисты и постмодернисты пришли к выводу, что он спонтанен и не подчиняется каким-либо законам.

Процесс создания культуры основан на ограниченной выборке, «которой свойственны всевозможные смещения и поляризации, благодаря которым одни факторы усиливаются, другие отбрасываются, и, таким образом, за счет подчеркивания отдельных элементов сближаются разнородные факты»¹¹¹. Такая культура близка массовой культуре, «составленной в сознании каждого индивидуума из разрозненных фрагментов знаний, которые по определенным статистическим законам оседают в его памяти наподобие геологических осадочных пород и образуют в его мозгу нечто вроде хранилища сообщений, передаваемых средствами массовой коммуникации»¹¹². Термин «культура» лишается возвышенного смысла, связанного с идеями, духовными ценностями и произведениями искусства, а приобретает сниженное значение, оболочку, под которую можно подогнать любые повседневные факты.

Системная «древовидная» модель культуры, со стволом и корнями (целью, детерминированностью природой, линейной направленностью развития), ветвями, листьями, плодами (взаимосвязанными элементами),

¹¹⁰ Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. Е.Д. Жаркова. 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 351.

¹¹¹ Моль А. Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Предисл. Б. В. Бирюкова. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 73.

¹¹² Там же. С. 276.

заменяется культурой в значении «ризомы» – «грибницы», «луковицы» с неразличимым стеблем, которая является корнем самой себя.

Представляется, что неклассическое философствование конструирует новую онтологию социальной реальности, которую можно назвать коммуникативной. Коммуникативность включает в себя движение, переход, неустойчивость, новизну, непредсказуемость результатов. Новая социальная онтология не имеет в своем основании системообразующего начала, в результате чего она лишается стабильности, вечности и логической выверенности. В такой ситуации постоянных переходов, где порядок являет себя в качестве хаоса, кризис не является временным периодом, после которого наступает стабильность, он является перманентным состоянием такой культуры. Такая трактовка культуры и социальной реальности в духе конструктивизма способствует отрицанию субстанционального характера кризиса культуры, которое характерно для постмодернистских исследований. Культура и социальная реальность предстают как эпистемы (системы предпосылок знаний) (М. Фуко), симулякры (оболочки, лишенные содержания) (Ж. Бодрийяр) и нарративы (рассказы о реальности) (Ж.-Ф. Лиотар). К кризису культуры применяют *метафоры «инструмент», «проект», «дискурс», «система знаков», «симулякр», «кризисные практики», «ошибочное представление»* и т.п., подчеркивающие субъективный характер кризиса культуры – кризисы мыслятся сфабрикованными, преувеличенными практиками, направленными на достижение стратегических целей, либо ошибочными, существующими в воображении членов культуры, которые исходят из старой ценностной шкалы.

Ризоматическое определение культуры дало постмодернистам основание заявить, что существуют лишь исторически изменчивые ценности и кризису культуры нельзя придать оценку. Постмодернистское отрицание социальной реальности и замена ее нарративами приводит к признанию дискурсивного характера кризиса культуры, вследствие чего он отрицается как реальный феномен и трактуется как ошибочное представление человека,

который, потеряв идеал, продолжает применять старую ценностную шкалу к изменившемуся миру.

На смысловую вариативность концепта «кризис культуры» наряду с организационной трактовкой культуры влияет *содержательная трактовка культуры, которая связана с различным пониманием ценностей*, т.к. ценности являются ядром любой культуры. Взгляды на ценности, выявленные в процессе исследования, представлены двумя альтернативными позициями: с одной стороны, признание постоянных ценностей в культуре, с другой стороны, отрицание существования постоянных универсальных ценностей.

Кризис культуры как антропологическая катастрофа

Специфику кризиса культуры как *забвения или отхода от постоянных ценностей*, связанных с антропологическими свойствами человека, в угоду исторически изменчивым ценностям передает метафора М.К. Мамардашвили «*антропологическая катастрофа*»¹¹³. Такого взгляда на кризис культуры придерживаются Н.А. Бердяев, М.К. Мамардашвили, М. Шелер, Р. Римен, А. Печчеи, К. Ясперс, А. Камю и др. философы, признающие, что универсальные для всех культур, эталонные ценности существуют и связаны с неизменным элементом культуры – с человеком, а именно, с основными антропологическими свойствами человека – *сознанием или духом*. Это те ценности, которые сопровождают человеческое общество на протяжении всего исторического развития, отчасти модифицируясь в своем содержании – свобода, которая реализуется в творчестве, и равенство, выраженное в идее справедливости (Н.А. Бердяев, М.К. Мамардашвили, М. Шелер)¹¹⁴.

Но есть также и производные ценности – субъективные представления о ценностях, которые связаны с интересами социальных групп и др. Постоянные ценности связаны с уровнем бытия, а исторически изменчивые –

¹¹³ Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М.: Издательство «Логос», 2004. 272 с.

¹¹⁴ Углинская Н.А. Кризис культуры: кризис системы ценностей или кризис стратегий действия? // KANT. 2020. №3(36). С. 191 – 195.

с уровнем сущего, что дает возможность назвать первые *онтологическими* (относятся к порядку бытия), а вторые – *онтическими* (относятся к порядку сущего, связаны с переходным характером наличной социальной действительности) ценностями. Например, мораль как феномен проходит через все культуры и является онтологической ценностью, а конкретная мораль наполняется различным содержанием в разных культурах, и в этом смысле является онтической ценностью. Все люди различаются по биологическим, социальным и другим основаниям, но они равны в своем бытии человеком. Равенство на таком уровне является онтологической ценностью.

Анализ позиций авторов, которые постоянные ценности выводят из антропологических свойства человека (сознания или духа), показал, что в отношении того, какие ценности связаны с сознанием мнения авторов совпадают. Большинство из них выделяют *свободу и равенство*.

Так, например, Н.А. Бердяев постоянными ценностями считает духовные, и прежде всего свободу, которая реализуется в творчестве. В основе культуры, на взгляд М.К. Мамардашвили, находятся ценности, связанные с сознанием, и выводимые из него идеи равенства и свободы. В качестве универсальных ценностей М. Шелер считал ценности, связанные с духом, а именно, доброту, любовь, раскаяние, почитание и т.п. С позиции Р. Римена, существует совокупность некоторых абсолютных ценностей, пронизывающая все эпохи – идеал «благородства духа» (вневременный идеал знания и жизни, идеал правды и свободы, жизнь по разуму, стремление внутреннего роста). А. Печчеи постоянными ценностями признавал гуманистические, связанные с человеческими качествами (чувство глобальности, любовь к справедливости, мысль о единстве мира и целостности человечества, нетерпимость к насилию, необходимость в культурном развитии человека и улучшении человеческих качеств всех жителей планеты, стремление к самовыражению, раскрытию способностей человеческой личности). По мнению представителей синергетики

А.П. Назаретяна и В.П. Бранского, несмотря на то, что кризис является закономерным процессом развития, в культуре существуют инвариантные идеалы, обращение к которым необходимо для адекватной встречи кризиса культуры. Такими идеалами, по их мнению, являются человек, его дух, сознание, воля и принадлежность к человеческому роду.

Аргументом в пользу универсальности этих ценностей является то, что они признаются в любой из концепций, объясняющей процесс становления человека как разумного существа – креационистской, сциентистской и философской.

Так, например, Н.А. Бердяев признавал приоритет религиозной теории происхождения человека. На его взгляд, эволюционизм не допускает для человека возможности творчества, т.к. в нем нет свободы, а только необходимость. А свободу и творчество он считал основными конституирующими человека идеями. Эти понятия, по мнению философа, являются взаимосвязанными и определяемыми друг через друга. Вслед за Платоном Н.А. Бердяев заключает, что творчество является переходом небытия в бытие, но добавляет – через акт свободы. Творчество как создание нового (идей, образов, материальных продуктов человеческой деятельности и др.) можно считать проявлением бессмертного начала в смертном существе.

По мнению Н.А. Бердяева, человек изначально имел зачатки сознания (от добытийственной природы Ungrund'a). Вкушая плод с Древа познания Добра и Зла, он понимал, что нарушает запрет создавшего его Бога. Однако осуществил выбор, тем самым проявив свою свободу. Т.е. сознание связано со свободой. Но далее человек захотел быть равным Богу, т.е. творцом своей жизни. Н.А. Бердяев считал, что человеку необходимо было отречься от райской жизни, чтобы познать Христа. Таким образом, с точки зрения креационистской теории происхождения человека, идеи свободы, творчества и равенства присущи человеку как сознательному существу.

С позиции эволюционной теории происхождения человека, сознание развилось в связи с общественным образом жизни. Теория социального

развития человека, разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом, исходит из предположения, что сознание человека развилось в связи с развитием труда и экономическими отношениями. С разделением частной собственности и общественного труда связаны появление ценностей свободы и равенства. Эти категории оформляются в ценности, когда человек осознает несправедливость того факта, что общественный труд сосредотачивается в одних руках, т.е. из осознания несправедливого распределения благ и неравенства людей между собой. Свобода и равенство для человека становятся ценностями также с практической целью, чтобы беспрепятственно и эквивалентно обменивать свои товары.

Философская интерпретация связи сознания с идеями свободы и равенства встречается в творчестве Г.В.Ф. Гегеля. По Гегелю, самосознание – высшая ступень сознания. В самосознании присутствует двойственность между своей особенностью и тождеством с другим (Я созерцаю в Другом себя как «я» и в самом себе я созерцаю в качестве «я» другой объект). Это противоречие порождает стремление человека к признанию – показать себя для другого в качестве свободной самости. Гегель писал о том, что истинная свобода осуществляется через признание: я свободен, если другой также свободен и признается за свободного. Но борьба за признание не имеет места в государстве и в гражданском обществе, т.к. там факт признания уже есть. Человека в государстве признают и с ним обращаются как с разумным существом, как со свободным. Человек делает себя достойным этого признания тем, что повинуетя всеобщему закону, признает другого за свободного человека, т.е. за то, чем сам хотел бы быть признанным. Данное природное бытие противопоставляется наличному духовному бытию свободы, которое не требует признания.

Со свободой, по мнению Гегеля, должна быть связана идея равенства, т.к. в отношениях господина и раба противоречие самосознания не снимается полностью, тождество самосознания отнесенных друг к другу субъектов осуществляется лишь односторонне – господин принимает в свое

самосознание не волю раба, но лишь заботу о нем. Господин не является истинно свободным, т.к. он не видит в другом себя. Таким образом, по Гегелю, истинно свободными могут быть только равные друг другу люди.

У древних греков и римлян не было понятия абсолютной свободы, свобода у них понималась в природном смысле, как данность от рождения. По Гегелю, свобода – онтологическое свойство человека: «ибо они (античные народы – Н.У.) не познали еще того, что человек как таковой, - как вот это всеобщее «я», как разумное самосознание, - имеет право на свободу»¹¹⁵.

Таким образом, основные версии становления человека как сознательного существа, позволяют сформировать и доказывать позицию, относительно которой в культуре существуют фундаментальные ценности. Эти ценности можно назвать онтологическими, т.к. они связаны с такими онтологическими определениями человека, как свобода, которая реализуется в творчестве, и равенство, выраженное в идее справедливости.

Несмотря на то, что понятие «катастрофа» не предполагает пути разрешения, кризис культуры как «антропологическая катастрофа» может быть разрешен. Антропологическая катастрофа произошла вследствие забвения или отхода от постоянных онтологических ценностей. Выход из кризиса культуры не может состоять в переходе к традиционным ценностям, либо иным высоким идеалам, не связанным с антропологическими свойствами человека. Выйти из кризиса можно, возродив ценности, связанные с сознанием или духом.

Однако не все авторы признают существование постоянных, универсальных ценностей для всех культур, что расширяет диапазон смысловой вариативности концепта «кризис культуры».

В отличие от онтологических ценностей, содержание которых зависит от антропологических качеств человека и является постоянным, *исторически изменчивые ценности* нуждаются в признании со стороны человека для

¹¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т.; отв. ред. Е.П. Ситковский, ред. коллегия: Б.М. Кедров и др. М.: Мысль, 1977. Т. 3: Философия духа. С. 224.

своего существования. Свое наполнение такие ценности получают под влиянием эволюции вида и логики законов развития; судьбы народа, каких-либо внешних по отношению к культуре (привходящих) обстоятельств; при воздействии случая или ошибок человека. В зависимости от этого можем выделить следующие смыслы, вкладываемые в концепт «кризис культуры»: «контрэволюция», «антитрадиционализм» и «смена социальных порядков».

Кризис культуры как «контрэволюция»

Первым понятие «контрэволюция» по отношению к культуре применил французский философ П. Тейяр де Шарден в первой половине XX века, обозначая этим термином негативные силы, препятствующие развитию человечества, но тем не менее свойственные ему наподобие действия первородного греха: «Первородный грех ... смешивается с самим механизмом творения, где представляет действие негативных сил «контрэволюции»¹¹⁶.

Силы контрэволюции изначально присущи эволюционному развитию Вселенной, как и грехопадение. Грехопадение, по П. Тейяру де Шардену, – это глобальная модальность эволюции. Человечеству всегда были свойственны элементы распада, ошибки, промахи и заходы в тупик, а с появлением человека, с осознанием этого, возникает ощущение кризисности происходящих процессов.

Развивает идею кризиса культуры в значении контрэволюции отечественный культуролог А.А. Пелипенко. Исследователь считает, что наряду с распространенным мнением о существовании постоянных общечеловеческих ценностей (антропоориентированных либерально-гуманистических идеалов), происходит их отрицание: «Десятки, если не сотни миллионов людей открыто и бешено ненавидят и презирают свободу. Еще большее их число с неизъяснимым сладострастием срывают тонкую пленку рациональных дискурсов и погружаются в вязкую магму мифов,

¹¹⁶ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Сборник очерков и эссе. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 508.

подчас архаичнейших»¹¹⁷. Возврат к архаичным дискурсам, переход от логоцентрического к мифологическому мышлению свидетельствует о кризисе культуры в значении контрэволюции. Спецификой такого кризиса культуры является растущее архаизирующее упрощение культуры: «Мир простоты отчаянно наступает, ибо отступить ему некуда. Мир сложности, умиротворенный сознанием своего интеллектуального и техноцивилизационного преимущества, пока пребывает в благодной спячке и крайне неохотно покидает ставшую привычной зону комфорта. Именно такое положение дел, а не голод, эпидемии или даже экология – главная проблема нашего времени»¹¹⁸.

Сравнивая категории «традиции – инновации» и «эволюция – контрэволюция», А.А. Пелипенко приходит к выводу, что кризис современной культуры связан со второй парой категорий, т.к. затрагивает глубинные основы развития культуры: «Это (*кризис*) не «откатная волна» антимодернизации, которая, как нередко пишут, должна благополучно схлынуть, освободив дорогу дальнейшему прогрессу»¹¹⁹. Специфика такого кризиса в том, что он является системным и носит апокалиптический характер: «Пока культура с той или иной мерой успешности разрешает противоречия человеческого бытия, она продуктивна и жизнеспособна. Когда эта функция начинает отказывать, наступает закатная эпоха, и люди перестают понимать, что с ними происходит. В истории Запада таких кризисных ситуаций было несколько. Но то были кризисы структурные. Теперь же, по-видимому, наступает кризис системный, когда разрушаются самые глубинные основы культуры»¹²⁰. Однако в отличие от апокалиптических кризисов, нашедших отражение в философии органицизма, контрэволюция зависит от человека – именно человек способствует контрэволюции, он наделяет ценности упрощенным

¹¹⁷ Пелипенко А.А. Контрэволюция. М.: Издательство «Знание», 2016. С. 6.

¹¹⁸ Там же. С. 208

¹¹⁹ Там же. С. 6.

¹²⁰ Там же. С. 16.

содержанием: «Это, скорее, контрэволюция, которая от безличных инволюционных процессов в досоциальных системах отличается тем, что совершается людьми, вполне осознающими свои намерения и интересы»¹²¹.

Выход из кризиса культуры путем насаждения всем народам одинаковых ценностей терпит неудачу, т.к. отсутствие единства по поводу эталонных ценностей обусловлено различием в ментальности народов и связанных с этим культурно-антропологических типов (постиндивиды, логоцентрики, личности, постличности): «Люди разные! И не в силу каких-то привходящих обстоятельств, а изначально, в силу врожденных предрасположенностей к тому или иному культурно антропологическому типу»¹²². Таким образом, концепт «кризис культуры» как контрэволюция включает в себя понимание, что ценностное наполнение норм человеком зависит, прежде всего, от эволюции вида. Несмотря на то, что решить кризисные проблемы в рамках сложившихся дискурсов нельзя, Пелипенко видит возможность выхода в осуществлении ментальных трансформаций, которые заключаются в выборе человеком сложности как стержневой ценности развития, и перестройкой общества сообразно этим изменениям: «Исторический опыт показал, что обвальная архаизация сознания необратима....Или сложность сумеет за себя постоять, или развитие остановится, что автоматически приведет к стагнации, эрозии общества, вырождению и депопуляции его членов и скорой смерти всей культурной системы»¹²³.

Кризис культуры как антитрадиционализм

В категориях «традиции – инновации» и «стагнация – развитие» мыслится кризис культуры в значении отхода от традиционных ценностей или необходимости отказа от них. В отличие от взглядов на кризис культуры как контрэволюции, когда наполнение ценностей зависит от эволюции типов человека, от общеэволюционной логики, приверженцы позиции по поводу

¹²¹ Пелипенко А.А. Контрэволюция. М.: Издательство «Знание», 2016. С. 6.

¹²² Там же. С. 76.

¹²³ Там же. С. 222.

кризиса культуры как антитрадиционализма считают, что наполнение ценностей зависит от судьбы того или иного народа.

Так, кризис культуры в значении *антитрадиционализма, отхода от традиционных ценностей* находит отражение у А.Г. Дугина, который считает, что для России традиционными ценностями являются православие, монархия, народность. В современной культуре, на его взгляд, приоритет отдают западным ценностям свободы и равенства, которым в системе ценностей России нет места¹²⁴. Это вызывает кризис отечественной культуры. Для выхода из кризиса культуры необходимо возродить традиционные отечественные ценности.

На необходимость обращения к традиционным ценностям для выхода из кризиса указывали С.С. Аверинцев и О.А. Седакова¹²⁵, Й. Хёйзинга¹²⁶, К. Манхейм¹²⁷, К. Лоренц¹²⁸ и др. Однако в философской литературе также существует обратное мнение о том, что необходимо отказаться от традиционных ценностей, т.к. они тормозят развитие и усиливают кризис культуры (О. Конт¹²⁹, Э. Дюркгейм¹³⁰, П. Сорокин¹³¹, А. Вебер¹³²).

И в том и в другом случае, кризис культуры заключается в *делегитимации ценностей*. В стремлении передать традицию уже содержится кризисный момент, т.к. традиция сама по себе должна обладать динамикой (свойством передавать информацию). Также необходимость передачи традиционных ценностей говорит о том, что происходит отход от них. С

¹²⁴ Дугин А.Г. В системе ценностей России нет места равенству и братству. URL: <https://life.ru/p/832541> (дата обращения: 15.01.2022).

¹²⁵ Поцци В. Культура как *paideia*. Сергей Аверинцев и Ольга Седакова: путь к современному христианскому гуманизму // Вестник Свято-Филаретовского института. 2019. №32. С. 67 – 109.

¹²⁶ Хёйзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе / Сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова; Коммент. Д. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 456 с.

¹²⁷ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 697 с.

¹²⁸ Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Обратная сторона зеркала: сб. трудов / пер. с нем. и предисл. А. И. Фета; редакция А. В. Гладкого; примеч. А. И. Фета и А. В. Гладкого. Nyaköping (Sweden): Philosophical arkiv, 2016. С. 17 – 94.

¹²⁹ Конт О. Дух позитивной философии. URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Kont_Duh_pozitivnoy_filosofii.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

¹³⁰ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 432 с.

¹³¹ Сорокин П.А. Человек Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

¹³² Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб: Университетская книга, 1998. 565 с.

другой стороны, разговоры о необходимости отрицания традиций, о том, что они стали неадекватны времени, свидетельствуют об их вырождении. Таким образом, кризис культуры в значении антитрадиционализма проявляет себя, когда традиция нуждается в передаче или в забвении, т.е. признается, что составляющие ее ценности перестали быть общепризнанными. Кризис как антитрадиционализм является управляемым процессом, из которого можно найти выход.

Кризис культуры как смена социальных порядков

Следующее понимание кризиса культуры исходит, во-первых, из признания «текучности», «разжиженности» общества и культуры, о которой писал З. Бауман, во-вторых, из ориентации на социальные практики со свойственным им *отрицанием постоянных ценностей*.

«Текущее» общество, по З. Бауману, не может сохранить устойчивость принятых в нем социальных порядков и лишается общепризнанных ориентиров. В своем выступлении в Москве «Текущая современность: взгляд из 2011 года» З. Бауман описал состояние современного общества как кризисное. Представляется, что кризис общества и культуры автор выразил в понятии «*interregnum*»¹³³, которое обозначает *период междуцарствия, перерыв между ломкой старого социального порядка и возникновением нового*, когда старые ценности не работают в изменившихся условиях, а новые еще не установились.

Для объяснения механизма смены социальных порядков, т.е. кризиса культуры, следует обратиться к понятию «габитус», введенному французским социологом П. Бурдьё. Каждому социальному порядку свойственен свой габитус – совокупность культурных практик, адаптированная под существующий социальный порядок. Являясь частью определенного социального порядка, индивид впитывает его габитус, происходит опривычивание. При смене социального порядка габитус какое-

¹³³ Бауман З. Текущая современность: взгляд из 2011 года. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4992> (дата обращения: 01.12.2024).

то время остается старый и по привычке человек воспроизводит старые культурные практики. Это свойство габитуса передавать и сохранять культурный опыт называется гистерезисом. Оно является причиной возникновения ощущений кризисности – несоответствия действий и мышления человека изменившимся социальным и культурным условиям: «Может ли стать революционным эффект гистерезиса габитусов? Ведь он является одним из оснований для расхождения между возможностями и предрасположенностью их чувствовать, откуда происходят упущенные возможности, а также наблюдаемые, часто бесплодные усилия осмыслить исторические кризисы в категориях восприятия и мышления, отличающихся от тех, что были раньше)»¹³⁴. Таким образом, в отличие от традиции, главное свойство которой передавать опыт, гистерезис габитуса воспринимается скорее, как препятствие здраво воспринимать реальность.

Кризис культуры как *смена социальных порядков* проявляется в делегитимации ценностей. Когда осуществляется отказ от старых и, одновременно, выбор и производство новых культурных практик со свойственными им ценностями. Наполнение ценностей содержанием зависит в данном случае не только от габитуса, но и от интерпретации социального опыта.

С позиции социологов, социальный порядок опосредован привычками, обычаями, габитусом, выбранными в качестве общезначимых ценностями. Кризис культуры происходит, когда у людей возникает желание сменить социальный порядок на новый, т.к. они перестают себя идентифицировать со старым социальным порядком, исчезает возможность или привычка его поддерживать.

Резюме. В ходе решения второй задачи осуществлена классификация смысловых трактовок понятия «кризис культуры» по уровневому критерию, что позволило разделить их на три группы. В первую группу выделены

¹³⁴ Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. С. 49 – 50.

представления о кризисе культуры, обусловленные теоретико-методологическими и аксиологическими установками исследователя. Содержательная трактовка культуры фундирована на этом уровне отношением к ценностям, которые составляют ее ядро.

На онтологическом уровне трактовки кризиса культуры подразделяются на определяющие его в качестве реально существующего феномена (в органицизме, синергетике и др.) и на отрицающие субстанциональный характер кризиса культуры (в постмодернизме).

Анализ ключевых семантических элементов понятия «кризис культуры» позволил классифицировать его смысловые интерпретации, опираясь на метафорические конструкции, используемые для его описания. Наиболее часто встречаются антропологические, органические, флористические и апокалиптические образы и метафоры, с помощью которых кризис культуры предстает как переходный период, болезнь, упадок и регресс, разрыв связей, потеря или переоценка ценностей.

Глава 2. ОСНОВАНИЯ СМЫСЛОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ КОНЦЕПТА «КРИЗИС КУЛЬТУРЫ»

2.1. Понятие «кризис культуры» в концептуальной борьбе дискурсов

В первой главе диссертации было показано, что «кризис культуры» является полисемантическим концептом, включающим в себя разнообразные, зачастую противоречивые смыслы. Однако изучение понятия «кризис культуры» и используемых для его обозначения метафор, встречающихся в философской и культурологической литературе двух последних столетий, позволяет говорить о доминировании в ней менеджерского смысла. Тот факт, что в разные эпохи *культура являлась эффективным средством управления общественно-историческими процессами*, отметил в книге «Апокалиптика постмодерна» отечественный философ и культуролог А.И. Пигалев¹³⁵. К важнейшим управленческим функциям культуры он относит канализацию насилия, сакрализацию власти и аккумуляцию воли. Важность этих функций исключает взгляд на культуру как на что-то необязательное и второстепенное. Культура не просто украшает досуг и облагораживает общение между людьми, а ее отсутствие не может быть компенсировано ни принудительностью социальных институций, ни средствами социального контроля.

Другой особенностью культуры является ее специфическая искусственность, выражающаяся в зависимости от усилий со стороны субъекта, который «не должен действовать рефлекторно, но, напротив, должен подавить и отсечь естественные управляющие коды», заменив их иными, культурными кодами, благодаря чему культура представляет собой «систему диффузного управления социальными процессами, включая и

¹³⁵ Пигалев А.И. Апокалиптика постмодерна: монография / А.И. Пигалев; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. Образования «Волгогр. гос. ун-т». Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 128–150.

индивидов»¹³⁶. При этом имплицитное признание *управления* формообразующим принципом любого упорядочения и любой организации имеет место уже в древней культуре, стремящейся мыслить мир в терминах «логоса» как закона.

Культура как целостность, по мнению А.И. Пигалева, базируется на «едином пространстве жизнедеятельности», «... что со всей очевидностью обнаруживает его *искусственный* характер»¹³⁷. Поскольку искусственное не происходит само по себе, для своего функционирования культуре необходимо усилие и даже насилие.

Отечественный социолог и культуролог В.Ф. Чеснокова (известна также под псевдонимом К. Касьянова) иллюстрирует искусственный характер культуры с помощью описания механизма внедрения социальных архетипов, которые, принимаясь бессознательно, тем не менее являются искусственными образованиями, созданными для сдерживания нежелательного социального поведения личности, связанного с ее психологическими особенностями. Так, например, для русского человека, изначально относящегося к эпилептоидному типу личности свойственны упрямство, индивидуализм, взрывной характер, сдерживать которые призваны наработанные социальные архетипы терпения, смирения, самоограничения, коллективизма: «...мы мягки, кротки, терпеливы и готовы на страдания не по природе своей, *а по культуре*. Это культура ведет нас путем воздержания и самоограничения вплоть до самопожертвования. Природа же наша отнюдь не такова. Она склонна к бурным и неконтролируемым эмоциональным взрывам»¹³⁸.

Искусственность культуры через описание ее главной функции показывает отечественный философ, представитель синергетики

¹³⁶ Пигалев А.И. Апокалиптика постмодерна: монография; Федер. гос. бюдж. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т». Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 131.

¹³⁷ Пигалев А.И. Призрачная реальность культуры: (Фетишизм и наглядность невидимого). Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2003. С.12

¹³⁸ Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. С.141

А.П. Назаретян, с позиции которого культура представляет собой наработанные шаблоны жизнедеятельности, созданные с целью сдерживать природную агрессию человека¹³⁹.

В нормальных условиях искусственность культуры принимают бессознательно, но, когда она начинает осознаваться и происходит гипертрофия искусственных элементов культуры, становится очевидным, что они не вписываются в современную реальность, не работают в новых условиях, тогда отмечают ситуацию кризиса культуры.

Так, говоря о традициях как о ключевом элементе культуры, С.С. Аверинцев и О.А. Седакова отмечали тот факт, что рефлексия по поводу традиций – стремление их передать или разговоры об отрицании традиций, – в одинаковой мере свидетельствуют о кризисе культуры. Кризис, на их взгляд, – это разрыв в традиции, состояние, при котором традиция лишается своего динамического свойства и превращается в безличностную силу. Поясним это подробнее. Когда на передний план выдвигается неизменное содержание традиции, которую стремятся передать, традиция костенеет. В стремлении передать традицию уже содержится кризисный момент, т.к. традиция сама по себе должна обладать динамикой. С другой стороны, когда говорят об отрицании традиций, о том, что они стали неадекватны времени, запросам и т.п., традиция также вырождается. Таким образом, когда традиция нуждается в передаче или в забвении, к ней относятся как к внеличностной, безличной силе, что свидетельствует о кризисе культуры.

То же происходит с социальными архетипами, которые пытаются интегрировать в общество извне. Так, например, в русскую культуру прошлого века активно внедрялись идеология марксизма и целерациональные модели поведения, не соответствующие нашим социальным архетипам. Подобная идеологическая работа, не учитывающая глубинные основы национальной культуры, приводит к тому, что происходит

¹³⁹ Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Либроком, 2012. 256 с.

противоречие между ценностями, насаждающимися «сверху», со стороны государства, и ценностями, исходящими «снизу», от общества. Человек, перед которым стоит задача исполнить рациональную программу, несоответствующую его иррациональным архетипам поведения, либо не справляется с ее осуществлением, «либо человек осуществляет свои планы, но чувствует при этом внутреннюю неудовлетворенность и внешнее неодобрение со стороны окружающих. В обоих случаях он впадает в разлад с самим собой, у него возникает внутренняя напряженность, отрицательные эмоции, ощущение беспомощности, запутанности»¹⁴⁰.

Пронизывающая культуру «неощутимая алгоритмика управления» проявляется двояко: с одной стороны, культура служит объектом управляющих воздействий, с другой – сама является «оператором диффузного управления»¹⁴¹.

Отсюда вытекает *двойственная трактовка кризиса культуры*.

С одной стороны, поскольку культура не является продуктом сознательных усилий человека, сторонники признания за ней собственного развития рассматривают кризисы как необходимые составляющие этого движения, акцентируя внимание на том, как изменение управляющих кодов культуры в периоды кризисов влияет на человека и общество. Развитие христианства дает пример того, как культура с помощью кризисов управляет общественно-историческими процессами: «Парадокс заключается в том, что христианство, столкнувшись с рассматриваемыми культурами, подрывало их основы и тем самым давало толчок кризисным процессам. Иначе говоря, христианство не только предоставляет средства описания кризиса, но и провоцирует сам этот кризис, то есть распад, часто катастрофический, самой языческой, дохристианской культуры»¹⁴². В этом случае «антикризисное управление» со стороны субъекта не притязает на фундаментальные

¹⁴⁰ Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. С.85

¹⁴¹ Пигалев А.И. Апокалиптика постмодерна: монография; Федер. гос. бюдж. образоват. учреждение высш. проф. Образования «Волгогр. гос. ун-т». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 133.

¹⁴² Там же. С. 27.

изменения культуры, а направлено лишь на то, чтобы с наименьшими потерями вернуться к «нормальности», стабильности, понимаемым как безопасность, предсказуемость, порядок, традиции и т.п. Аналогично, современная глобализация представляет собой культурный проект призванный обеспечить управление обществом в условиях признания невозможности управления глобальными историко-культурными процессами.

Примером такого подхода является свехорганическая теория культуры американского антрополога А. Кребера, предполагающая веру в неизбежные, естественные явления, происходящие в культуре. В ряду таких явлений стоит культурный кризис, который Кребер полагал неизбежным процессом смены культур, «колебаниями в силе, оригинальности и уровне порождаемых ценностей»¹⁴³. Колебания объясняются тем, что каждой культуре свойственен определенный набор культурных моделей, который с целью эффективного функционирования не допускает смешения с другими моделями, и в результате истощается. По мнению Кребера, культура, которая находится в состоянии вызова, может быть вытеснена культурой, переживающей свой подъем.

Диалектичная трактовка кризиса культуры представлена в работе другого американского антрополога Д. Бидни «Концепт культурного кризиса»¹⁴⁴. Классифицируя существующие взгляды на кризис культуры, он выделяет фаталистичные теории и теории, предполагающие активные действия человека для выхода из кризиса и дает критику свехорганической теории Кребера как фаталистической концепции кризиса культуры. По мнению Бидни, из-за установки о неизбежности социальных кризисов, из которой вытекает невозможность примирения между противоположными ценностями, культурное различие представляется опасностью, и поэтому смешение ценностей разных культур не допускается. В результате в

¹⁴³ Кребер, А.Л. Избранное: Природа культуры / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004 С. 760.

¹⁴⁴ Bidney D. The Concept of Cultural Crisis // American Anthropologist. № 48. 1946.

обществе получает право на существование одна доминирующая культура со свойственными ей ценностями, что в итоге приводит к «безжалостному культурному монизму»¹⁴⁵. С точки зрения Бидни, кризис можно рассматривать как культурный катализатор перемен. С одной стороны, кризисы используют как инструмент радикалы или реакционеры для продвижения своих идей за счет того чувства тревоги, которое можно транслировать, используя «кризисный комплекс» - совокупность кризисных идей. С другой стороны, кризисы существуют реально, имеют очевидные внутренние и внешние причины.

Противоположная позиция состоит в рассмотрении культуры как продукта социального конструирования, в ходе которого субъект произвольно может придавать пластичному культурному «материалу» любые желаемые формы, подвергая ее переделке по своему усмотрению. В этом смысле кризисы культуры, выражающиеся в ее деградации и упадке, понимаются как результат несовершенства управленческих усилий, который выражается в необратимых упущенных возможностях и частично (в отдельных сегментах культуры) может быть исправлен созидательным воздействием субъекта на культурную реальность. Вариантами этого подхода являются идеи «культурного ренессанса», «культурной политики», «индустрии культуры», «производства культуры», претендующие на эффективное и контролируемое воздействие на культуру с предсказуемым результатом. Таким образом, кризис культуры при втором подходе представляет собой *апокалиптический дискурс, спровоцированный самой человеческой деятельностью*. В этом случае кризис культуры является социальным конструктом, не столько связанным напрямую с непосредственными событиями, сколько сфабрикованным для управления будущим. Не будучи реальным в онтологическом смысле, он выполняет в общественном сознании функцию призыва к действию, побуждает к

¹⁴⁵ Bidney D. The Concept of Cultural Crisis // American Anthropologist. № 48. 1946. P. 546.

решению не только тех ситуаций, которые общественно необходимы, но и тех, которые отражают идеологию говорящего.

Проект человека, выступающего источником потенциальной кризисности культуры, оформляется в эпоху Возрождения. По мере утверждения антропоцентризма доминирующим становится взгляд на человека как «разумное животное», движимое гедонистическими побуждениями и «не поддающееся воздействиям со стороны культуры»¹⁴⁶; напротив, своим творческим выбором человек способен оказывать управляющее воздействие на культуру как на пластичную, податливую реальность. А поскольку в основе развития общества лежат соперничество его членов и природная агрессия, сдерживаемая культурой, само понимание «человеческой природы» и ее влияние на культуру представляется *кризисной практикой*.

Кризисные практики призваны подталкивать к созданию чего-то нового. В качестве источника инноваций они связаны с целями управления будущим, связанными либо с необходимостью общественного развития, либо с субъективными намерениями. Польза кризисов заключается в драматизации настоящего для тех, у кого есть план его изменить. Кризис выступает катализатором действий, ускорителем страха и ожиданий. Разговоры о кризисе – это «педаль газа, а не тормоза», «полено в огне»¹⁴⁷.

Рассмотренная антиномичность «алгоритмики управления» в культуре позволяет выделить *сопряженные трактовки кризиса культуры*: кризис культуры как распад, утрата культурой целостности и кризис культуры как ее неподлинность, иллюзорность.

В 1922 году американский антрополог Э. Сепир в статье «Культура подлинная и мнимая» разграничил два основных понимания культуры. Подлинная культура, по мнению Сепира, представляет собой систему

¹⁴⁶ Пигалев А.И. Апокалиптика постмодерна: монография; Федер. гос. бюдж. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т». Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 158.

¹⁴⁷ Bures E. When Everything Is a Crisis, Nothing Is. Foreign Policy, August 4, 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/08/01/when-everything-is-a-crisis-nothing-is/> (accessed: 20.12.2024).

взаимосвязанных ценностей, составляющих целостность. Она гармонична и самодостаточна, ни один ее компонент не является бессмысленным. Подлинность культуры не зависит от ее эффективности. Даже наоборот, менее эффективные с экономической позиции культуры, чаще всего являлись наиболее здоровыми духовными организмами. Человек в подлинной культуре раскрывает свой творческий потенциал, а не является средством ради коллективной цели. В рамках такой культуры у человека не возникает ощущения крушения надежд. По Сепиру, примерами подлинных культур являются Афины времен Перикла, Рим императора Августа, города-государства в средневековой Италии, Лондон Елизаветы и Париж последних трех столетий.

Мнимой культурой Сепир называет такую, которая принимается непосредственно, не подвергается оценке. В отличие от подлинной, мнимая культура представляет собой скопление не связанных между собой ценностей, «духовный гибрид противоречивых обрывков, герметически изолированных отсеков сознания, избегающих участия в гармоничном синтезе»¹⁴⁸. Семантический смысл используемых Сепиром характеристик культуры ценностно окрашен: отдавая приоритет «подлинному», кризис культуры он маркирует как «нехватку культуры» и «духовную дисгармонию».

По мнению отечественного философа С.С. Аверинцева, признаком кризиса современной культуры является «утрата вкуса к подлинности»¹⁴⁹, симптомом которой является «нелюбовь к двум вещам: к логике и к ближнему своему...»¹⁵⁰, исчезла «значимость» и понятия добра и зла. Подлинной С.С. Аверинцев считал культуру, восходящую к воспитанию и образованию (*paideia*), гуманности (*humanitas*), имитационной, иллюзорной –

¹⁴⁸ Сепир Э. Культура подлинная и мнимая // Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. С. 473.

¹⁴⁹ Дворниченко О.И. Сергей Аверинцев: «В обществе нарастает нелюбовь к двум вещам: к логике и к ближнему своему»: Пророческий дар выдающегося ученого подтверждают наши времена // Новая газета. 14.02.2022. № 16 (3316). С. 22.

¹⁵⁰ Там же. С. 23.

массовую культуру, сосредоточенную на производстве и потреблении, отображающую беспроблемность и легкость жизни: «Культура оправдывает себя только как целое и всегда включает в себя какие-то компоненты, действие которых не объяснишь в чисто утилитарных категориях. И здесь беда все та же. Существует столько способов имитировать все, что угодно: раскованность так раскованность, научность так научность, академичность так академичность – хорош только тот товар, который вовсю идет на рынке, а людей со способностями имитаторов гораздо больше, чем людей со способностями творцов. Вокруг нас очень много подделок»¹⁵¹.

А.И. Пигалев также рассматривает утрату целостности и призрачность как сопряженные проявления кризиса культуры. Кризис культуры – это процесс разрушения не только самих конкретных культурных целостностей, но и необходимых для их функционирования идеологических представлений¹⁵². Для человеческого сознания целостность культуры *всегда* скрыта за мнимой самодостаточностью отдельных ее элементов, а потому «призрачность» культуры является ее атрибутивным, неотъемлемым свойством¹⁵³.

Оригинальную трактовку утраты культурой ее подлинности дал британский философ Т. Иглтон. Ориентируясь на работы британского теоретика культуры Р. Уильямса, Иглтон произвел реконструкцию понятия «культура», обнаружив тесную связь между понятиями «культура» и «цивилизация», являющимися одновременно и дескриптивными и нормативными терминами. Он пришел к выводу, что подмена в XIX веке перегруженного противоречивыми смыслами и дискредитированного в глазах либералов понятия «цивилизация» понятием «культура» была политическим шагом, призванным создать иллюзию выхода из кризиса:

¹⁵¹ Дворниченко О.И. Сергей Аверинцев: «В обществе нарастает нелюбовь к двум вещам: к логике и к ближнему своему»: Пророческий дар выдающегося ученого подтверждают наши времена / О.И. Дворниченко // Новая газета. 14.02.2022. № 16 (3316). С. 23.

¹⁵² Пигалев А.И. Призрачная реальность культуры: (Фетишизм и наглядность невидимого). Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2003. С. 11.

¹⁵³ Там же. С. 10–11.

«Цивилизация отныне воспринимается как абстрактная, отчужденная, фрагментированная, механистическая, утилитаристская, находящаяся в плену у грубой веры в материальный прогресс; культура – целостная, органичная, чувственная, самоценная, собирательная»¹⁵⁴.

Именно тогда культура получила политическое измерение. Ее конфликт с цивилизацией предстал в качестве противоборства традиционных и современных ценностей. По Иглтону, это была «война понарошку», устроенная правящими классами чтобы окультурить бунтарей, которых, по их мнению, взрастит материалистическое общество. Таким образом, сама культура выступила в роли кризисной практики, призванной регулировать общественные массы. В сознание людей культура вошла как «радикальная разновидность аристократизма с его прочувствованной симпатией к Volk (народу) и высокомерной неприязнью к Burgher (обывателю)»¹⁵⁵. Тогда произошло ее разделение на культуру как «особый образ жизни» и культуру как «однолинейное повествование об универсальном человечестве»¹⁵⁶.

Именно это способствовало тому, что в 1960-х годах произошел переход от универсального понимания культуры к ее локальным интерпретациям, что Иглтон трактует как кризис современной культуры. Конфликт между высокой культурой или культурой вообще, которую Иглтон называет Культурой с большой буквы «К», и локальной культурой, связанной с утверждением определенной идентичности (национальной, этнической, сексуальной и др.), можно назвать разрушением целостности культуры. Разрушаются ценности Культуры, которые «мы разделяли в силу нашей человеческой природы...Когда мы читали, смотрели или слушали, мы приостанавливали наше эмпирическое «я» со всеми его социальными, сексуальными и этническими случайностями и становились универсальными

¹⁵⁴ Иглтон, Т. Идея культуры / пер. с англ. И. Кушнарева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 22.

¹⁵⁵ Там же. С. 23.

¹⁵⁶ Там же. С. 23

субъектами»¹⁵⁷. В настоящее время на первый план выходит культура с маленькой буквы «к», представляющая собой совокупность случайных, исторически изменчивых ценностей, характеризующих идентичности разного рода. Такие идентичности считают себя угнетенными и составляют смысловое поле политических конфликтов.

Политика формирует пессимистический дискурс о кризисе культуры, т.к. «аура кажущегося вечным кризиса», «аура неконтролируемого распространения кризиса», драматизм кризиса обладают привлекательностью и «шокирующей силой»¹⁵⁸. Помимо идеологического усиления воздействия кризиса, механизмом конструирования дискурса о кризисе культуры является также замена монументального кризиса культуры множеством мелких кризисов, что понижает значимость того или иного исторического события (как если бы о Холокосте говорили в терминах «серии холокостов», различающихся по территориальному принципу и по мере интенсивности, как об экстремальных случаях истребления людей).

Под влиянием политики формируются *идеологические трактовки кризиса культуры*, содержательное наполнение которых определяется политическими установками: «Для либералов кризис возникает, когда свободное развитие человека блокируется или подрывается. Для консерваторов кризис возникает, когда изменения выходят из-под контроля. Для социалистов... понятие кризиса подразумевает системные трудности и недуги капитализма, и важным сопутствующим термином для обозначения кризиса является "противоречие". Для "зеленых" и защитников окружающей среды кризисы вызваны резким дисбалансом в природе, будь то в результате вмешательства человека или по экологическим причинам. Для анархистов кризисы происходят из-за насильственных и централизованных структур власти, которые нарушают спонтанную гармонию между отдельными

¹⁵⁷ Иглтон, Т. Идея культуры / пер. с англ. И. Кушнарева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 62.

¹⁵⁸ Freedon M. Crisis? How Is That a Crisis?! Reflections on an Overburdened Word // Contributions to the History of Concepts, vol. 12. 2017. pp. 13-14.

людьми и группами. Для приверженцев фашизма кризис возникает из-за нарушения чистоты расы или социокультурной целостности нации. Для экстремистских и крайне политизированных религий кризисы связаны с богохульством, практикуемым верующими, и к оспариванию священных истин»¹⁵⁹. При этом, универсалистские ценности кризиса Культуры в политическом дискурсе зачастую используют для актуализации мелких кризисов, основанных на исторически изменчивых ценностях. Так, например, британский политический теоретик М. Фриден ссылается на высказывание английского экономиста и политического публициста Дж. А. Гобсона: «Настоящий кризис либерализма заключается не в непосредственной способности противостоять наглому вторжению непредставительной палаты представителей, а в интеллектуальной и моральной способности принять и проводить позитивную прогрессивную политику, которая предполагает новую концепцию функций государства»¹⁶⁰, где в первой части говорится о частном, мелком кризисе, а вторая часть предложения, благодаря отсылкам к всеобщему кризису, приравнивает его к важному поворотному моменту в культуре. Тот же идеологический прием возвышения частного до всеобщего в дискурсе о кризисе культуры находит Иглтон у американского философа Р. Рорти, хотя последний и использует его намеренно в обличительных целях. По Иглтону, Рорти неосознанно демонстрирует переход от модернистского значения идеологии к постмодернистскому, но так и остается во власти идеологии: «На самом деле он всего лишь перешел от модернистского значения идеологии, согласно которому человек не обладает истиной, к постмодернистскому, согласно которому человек знает, что то, что он делает, – ложь, но не перестает этого делать. Эпистемология иллюзий уступает место эпистемологии цинизма»¹⁶¹. Таким образом, используя терминологию Сепира, можно сказать, что подлинная культура – это

¹⁵⁹ Freedden M. Crisis? How Is That a Crisis?! Reflections on an Overburdened Word // Contributions to the History of Concepts, vol. 12. 2017. p. 22.

¹⁶⁰ Ibid. p. 23.

¹⁶¹ Иглтон, Т. Идея культуры / пер. с англ. И. Кушнарева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 87

Культура с большой буквы, обладающая универсальными ценностями, составляющими ее целостность, а мнимая культура – это культура с маленькой буквы, разрушающая целостность Культуры, характеризующаяся заменой универсального частным, национальным, отраслевым, и являющаяся в итоге переходом от иллюзий к цинизму.

Философия постмодернизма «узаконивает» разрушение целостности культуры, введя в оборот ее определение как совокупности практик. Такую культуру называют ризоматической¹⁶² или мозаичной¹⁶³ и определяют как «ящик для инструментов», «резервуар практик»¹⁶⁴ и т.п. Культура как совокупность практик не является единой системой, от функционирования которой зависят действия человека. А. Свидлер пишет о том, что современная культура скорее напоминает «набор инструментов» («tool kit») или репертуар, из которого люди выбирают подходящие стратегии действия¹⁶⁵.

Разновидностью культуры как совокупности практик является «мозаичная культура». Этот термин ввел французский философ А. Моль, чтобы описать признаки современной культуры. В отличие от классической культуры как системы со свойственной ей упорядоченностью элементов, мозаичная культура представляет собой совокупность разрозненных элементов. «Творцы культуры» подобного рода преследуют цель создать наиболее простой культурный продукт, состоящий из «разрозненных фрагментов знаний, которые по определенным статистическим законам оседают в его памяти наподобие геологических осадочных пород и образуют в его мозгу нечто вроде хранилища сообщений, передаваемых средствами

¹⁶² Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

¹⁶³ Моль А. Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Предисл. Б. В. Бирюкова. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 416 с.

¹⁶⁴ Коркюф Ф. Новые социологии. СПб.: Алетейя, 2002. 172 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/korkuf-nov_sociologii-81.pdf (дата обращения: 07.02.2025).

¹⁶⁵ Swidler A. Culture in Action: Symbols and Strategies // American Sociological Review. 1986. Vol. 51. № 2. pp. 273–286.

массовой коммуникации»¹⁶⁶. Культура, созданная таким образом, представляет собой своеобразную «универсальную энциклопедию», из нее средства массовой коммуникации черпают события, которым хотят придать значимость, они превращают культуру общества в «собрание разнообразных историй»¹⁶⁷. Неудивительно, что человек, находящийся в такой культуре, имеет искаженное представление о ней, он требует от культуры чего-то возвышенного, того, чем она не является в современных условиях. В связи с неоправданными ожиданиями возникает ощущение кризисности.

Следующей разновидностью культуры как совокупности практик является культура-ризома. Понятие «ризома», введенное в философию в 1976 году Ж. Делезом и Ф. Гваттари¹⁶⁸, отражает сущность постмодернистского понимания культуры. Образом ризомы выступает запутанная корневая система растения, характеризующаяся отсутствием стержневого корня и состоящая из множества хаотически переплетающихся и непредсказуемых в своем развитии побегов. По аналогии с ней современная культура рассматривается как хаотичное неустойчивое переплетение связей разного уровня.

Постмодернизм рассматривает культуру как виртуальную среду, порождающую бесконечные конфигурации изменчивых ценностей, к которым приложима метафора «клубня», «луковицы» с неразличимым «стеблем». В условиях отрицания постмодернистами устойчивых ценностей-ориентиров культура из целостности, структурированной вокруг ключевых этических принципов, превращается в пульсирующую среду, находит свой порядок в хаосе, и хаос является ее необходимым свойством. Для обозначения этого состояния Ж. Делез ввел понятие «хаосмос» – меж-бытие, тождество хаоса и космоса, реальность, которая «не может быть

¹⁶⁶ Моль А. Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Предисл. Б. В. Бирюкова. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 276.

¹⁶⁷ Там же. С. 268

¹⁶⁸ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

интерпретирована ни в качестве просто хаотичной, ни в качестве космически упорядоченной»¹⁶⁹. Здесь нет ни привычной иерархии во главе с абсолютными ценностями, ни ожидаемого ранжирования ценностей. М. Фуко в работе «Ницше, генеалогия и история» (1971) солидаризируется с Ф. Ницше по вопросу о происхождении морали и заявляет, что не считает моральные принципы априорными. Ценностную окраску им придает человек, сознание которого не эволюционирует в направлении нравственного прогресса, а трансформируется случайно, когда разнообразные позиции сталкиваются в одном потоке времени. Следовательно, человеческие решения о ценностном наполнении норм зависят не от эволюции вида или судьбы народа, а всего лишь от «заблуждения, ошибки в оценке, плохого расчета»¹⁷⁰. Таким образом, интерпретация и оценка кризиса культуры будут целиком зависеть от вложенного в него субъективного смысла.

Характерное для постмодернизма отрицание субстанциального характера кризиса культуры вытекает из отрицания социальной реальности. Этой точки зрения придерживаются многие постмодернисты, в том числе М. Фуко, который писал: «Нет ни истины, ни бытия, но лишь экстериторность случая»¹⁷¹. Он выражает эту идею, используя понятие «эпистема», обозначающее пространство представлений, характерное для определенной эпохи.

М. Фуко выделяет античную, средневековую, возрожденческую, просветительскую и современную эпистемы. По М. Фуко, эпистема – система предпосылок, на которой основываются знания. А система знаний (совместно с другими программами человеческой деятельности) – это культура. Так, можно сказать, что предпосылки наших знаний определяют культуру и деятельность, а не наоборот. М. Фуко не использовал понятие «кризис культуры», однако его работы дают основание определить кризис

¹⁶⁹ Грицанов А.А., Можейко М.А. Постмодернизм. Энциклопедия. URL: http://yanko.lib.ru/books/encycl/post_mod_encyclop_all.html (дата обращения: 20.06.2024).

¹⁷⁰ Фуко М. Ницше, генеалогия и история. URL: <https://nietzsche.ru/look/xxb/fuko/> (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁷¹ Там же.

культуры как процесс, при котором сталкиваются знания, основания которых находятся в разных эпистемах.

Примером такого столкновения знаний могут служить различные толкования высказывания Фуко о том, что человек оказывается низвергнутым с пьедестала культуры: «В наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека. Пустота эта не означает нехватки и не требует заполнить пробел. Это есть лишь разворачивание пространства, где наконец-то можно снова начать мыслить»¹⁷². Если при интерпретации этого высказывания исходить из классической эпистемы, то оно означает, что исчезает онтология человека, человеческая сущность, и, следовательно, кризис культуры является реальным феноменом, угрожающим человеческому существованию. Если же исходить из современной эпистемы, то исчезает не человек вообще как абстрактная человеческая природа, а человек в классическом понимании: «Всем тем, кто еще хочет говорить о человеке, о его царстве и его освобождении, всем тем, кто еще ставит вопросы о том, что такое человек в своей сути, всем тем, кто хочет исходить из человека в своем поиске истины, и, наоборот, всем тем, кто сводит всякое познание к истинам самого человека, всем тем, кто не согласен на формализацию без антропологизации, на мифологизацию без демистификации, кто вообще не желает мыслить без мысли о том, что мыслит именно человек, – всем этим несуразным и нелепым формам рефлексии можно противопоставить лишь философический смех, то есть, иначе говоря, безмолвный смех»¹⁷³. Таким образом, столкновение классической и современной эпистем понимается автором как кризис культуры.

Ж. Бодрийяр исследовал кризисы в обществе, но социальные кризисы отражают сущность кризиса культуры, так как культура представляется автору неотъемлемой частью общественного процесса. В книге «Общество

¹⁷² Фуко М. Слова и вещи. URL: http://lib.ru/CULTURE/FUKO/weshi.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 10.07.2024).

¹⁷³ Там же.

потребления» (1970) Бодрийяр применил понятие «кризис» к процессу потребления и выделил такие проявления кризиса, как исчезновение межличностных отношений между людьми, замещение их культом неискренней приветливости и социальной заботы, лишение человеком своей идентичности, невозможность понимания себя в отрыве от других, позиционирование человека в значении средства, а не цели.

Однако, рассуждая о причинах социального кризиса, он пришел к выводу, что кризис существует в представлениях, обусловленных классическим мышлением. Критическое отношение к обществу, на взгляд автора, обусловлено не его недостатками, а классическим стилем мышления, ориентированным на нравственные установки «практики благосостояния», «общества блага», «знания», «социальной заботы», «прогресса», которые приводят к пониманию реальности как кризисной. Если принять классическую установку на рациональное функционирование культуры, общества и деятельности человека, то насилие, беспорядки, происходящие в обществе, будут казаться проявлениями кризиса культуры, так как они противоречат идее прогресса: «Именно потому, что мы живем с моральной иллюзией насчет осознаваемой целенаправленности всех вещей, насчет фундаментальной рациональности индивидуальных и коллективных решений (вся система ценностей основана на этом: якобы существует у потребителя абсолютный инстинкт, который влечет его, по существу, к избранным целям, – это моральный миф о потреблении, который является прямым наследником идеалистического мифа о человеке, естественно ориентированном на Благо и Добро), насилие кажется нам отвратительным, абсурдным, дьявольским»¹⁷⁴.

На самом деле, по Бодрийяру, в культуре уже давно нет ничего отрицательного или положительного. Все вещи лишились своих сущностей и ценностей и были заменены симулякрами. Понятие «симулякр» Бодрийяр

¹⁷⁴ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464> (дата обращения: 12.07.2024).

вводит для обозначения тех лишенных содержания оболочек, которые остались нам от реальности.

Кризис культуры, с позиции философии постмодернизма, не является реальным, а существует лишь в представлениях, господствующих в культуре. Он становится системой знаков, необходимым контрдискурсом для дискурса культуры. Так же, как, например, для дискурса потребления, по Бодрийяру, необходимо существует свой антидискурс: «Как всякий уважаемый великий миф, миф “потребления” имеет свой дискурс и свой антидискурс, то есть экзальтированный дискурс об изобилии повсюду сопровождается "критическим" контрдискурсом, угрюмым и морализующим, занятым преступлениями общества потребления и указаниями на трагическое влияние, которое оно может иметь на цивилизацию в целом»¹⁷⁵.

Таким образом, кризис культуры является необходимым антидискурсом для мифологизации культуры как системы, существования объективной реальности и постоянных ценностей, порядка, развития, прогресса и т. п.

Ж.-Ф. Лиотар в работе «Состояние Постмодерна» (1979) отметил, что культура и социальность не являются формами реальности, а представляют собой нарративы («рассказы» о реальности). Лиотар выделил уровни нарративов (метанарративы и микронарративы) и кризис культуры связал со спецификой использования метанарративов. Такие метасценарии, как, например, диалектика Духа и эмансипация субъекта, не отображают адекватно современную культуру. Кризис метанарративов, по Лиотару, заключается в том, что методы легитимации знания, которые характерны для великих рассказов, в современных условиях становятся неэффективными.

Кризис культуры Ж. Лиотар усмотрел не в сферах жизни, а в соответствующих им нарративах (научных, политических, художественных и т. д.). Постсовременность, на взгляд автора, характеризуется плюрализмом

¹⁷⁵ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464> (дата обращения: 12.07.2024).

нарративов, что усиливает представление о кризисе культуры: «Новые языки присоединяются к старым, образуя пригороды старинного города: “химическая символика”, “обозначения для исчисления бесконечно малых”. Спустя тридцать пять лет, к ним можно еще добавить машинные языки, матрицы теории игр, новые музыкальные нотные обозначения, логические неденотативные обозначения (логики времени, деонтические логики, модальные логики), язык генетического кода, графы фонологических структур и т. д. Этот раскол может повлечь пессимистическое впечатление: никто не говорит на всех этих языках, нет универсального метаязыка, проект “система-субъект” провалился, а проект освобождения ничего не может поделаться с наукой...»¹⁷⁶.

Таким образом, кризис культуры, по Лиотару, – это не более чем «пессимистическое впечатление», которое складывается из-за того, что старая универсальная система легитимации знания отжила, а новая еще не была утверждена. Кризис философ понимал, как дискурсивную реакцию на неизбежное отмирание старых ценностей, характерную для современной культуры. Поэтому к кризису культуры нельзя относиться негативно, как это происходит с позиции «райских» представлений о потерянном «органическом» обществе¹⁷⁷.

Кризис метанарративов предусмотрен спецификой современной культуры. Причину кризиса культуры автор видел в ошибочных представлениях, которые возникают, когда к нестабильному обществу пытаются приложить принципы, характерные для стабильного общества.

По мнению постмодернистов, существование мира зависит от дискурса о мире. Дискурс всегда является интерпретацией, и не существует его конечного значения. Таким образом, Лиотар утверждает дискурсивную природу кризиса. В ситуации, когда все дискурсивно, проблема кризиса культуры снимается. Изначальная недостижимость объяснения причин и

¹⁷⁶ Лиотар Ж. Состояние постмодерна. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3097> (дата обращения: 12.06.2024).

¹⁷⁷ Там же.

сущности кризиса, невозможность высказывания объективного свидетельства о его существовании снимают все проблемы, касающиеся его преодоления, и лишают смысла все проекты, направленные на поиски путей выхода из него.

Признавая дискурсивную природу социокультурной реальности и отрицая наличие в ней прогресса и кризисов, постмодернисты должны быть готовы к признанию, что их подход также является лишь одной из трактовок хаотичных представлений о реальности. Если кризис культуры иллюзорен и обусловлен доминированием традиционной системы ценностей, то где гарантия, что философские взгляды постмодернистов не порождены кризисными явлениями незавершенного модерна?

Анализ постмодернистских теорий позволяет сделать вывод о том, что отрицание субстанционального характера кризиса культуры обусловлено двумя группами концептуальных оснований: во-первых, специфическое отношение к культуре и ценностям, предполагающее понимание культуры в значении «ризомы» и принятие существования лишь исторически изменчивых ценностей, во-вторых, отрицание социальной реальности как самостоятельной структуры бытия, признающее ее дискурсивный характер.

Культура-ризома не имеет цели и хронологии, это открытая нелинейная система без точки отсчета. Ризоматическое определение культуры дало постмодернистам основание заявить, что существуют лишь исторически изменчивые ценности и кризису культуры нельзя придать оценку. Идея порядка в значении хаоса применительно к состоянию культуры привела к мнению о том, что невозможно выделить кризис такой культуры, кризис становится неразличим, так как в привычном понимании его результаты подлежат оценке – он приводит либо к порядку, либо к хаосу.

Постмодернистское отрицание социальной реальности и замена ее нарративами приводит к признанию дискурсивного характера кризиса культуры, вследствие чего он перестает мыслиться частью развития культуры и понимается как ошибочное представление человека, который

потерял идеал и, не осознав этого, продолжает применять старую ценностную шкалу к изменившемуся миру. В данном смысле кризис культуры выполняет определенную функцию – он становится необходимым контрдискурсом для дискурса культуры в классическом понимании. Так, кризис культуры в философии постмодернизма предстает инструментом свержения классического представления о культуре, ценностях и социальной реальности.

По мнению А.И. Пигалева, такое свержение представлений о культуре как системе, постоянных ценностях и отображающей действительность социальной реальности неслучайно и подчинено цели господствующей финансово-информационной элиты, которая «использует симулякры кодированной реальности в качестве новой маски, скрывающей принятие ею на себя всех функций управления»¹⁷⁸. Ведущую роль в этом выполняют постмодернисты, которые выступают с критикой традиционной культуры и фиксируют переход к культуре как совокупности практик. Сама рефлексия по поводу культуры, понимание ее как совокупности практик свидетельствуют о реальности кризиса и связанных с ним проблем.

Постмодернисты не разрушают социальную реальность, лишая ее центра, а переворачивают ее таким образом, что высшими точками новых иерархий становятся симулякры, самореференциальные знаки, означающие без означаемого и т.п. А.И. Пигалев пишет о «мучительном рождении некоторой непривычной системности», где деньги сливаются с информацией и превращаются в «денежный код», в который могут быть конвертированы «любой человек, предмет, событие»: «Это уже не стоимость в привычном экономическом смысле, а абстрактное число, чистое количество, означающее, тотально отчужденное от означаемого и в своей призрачности управляющее существованием человека, предмета, события»¹⁷⁹. Таким образом, призрачность культуры заключается в отчужденности ее элементов

¹⁷⁸ Пигалев А.И. Призрачная реальность культуры: (Фетишизм и наглядность невидимого). Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2003. С. 340.

¹⁷⁹ Там же. С. 339.

от означаемого, а кризис культуры проявляется в гипертрофии призрачности ее элементов, в тотальном отчуждении означающего от означаемого.

Если исходить из того, что кризис является не объективной, материальной реальностью, а когнитивной интерпретацией и общепринятой в обществе дискурсивной конструкцией, то становится доминирующей позиция о том, что некая господствующая финансово-информационная элита управляет течением кризиса культуры для достижения собственных целей.

При понимании кризиса культуры как исключительно дискурсивного объекта, например, с позиции символического интеракционизма или теории социального конструирования, содержание понятия «кризис» является контекстуальным. Что приводит к высказываниям о «мнимом кризисе», «псевдокризисе» и «воображаемом восстановлении»¹⁸⁰. То, что может считаться кризисом культуры в одной ситуации, может не быть им в другой, а то, что считается кризисом в настоящий момент, может не нести в себе опасности существующему порядку. Сценарий выхода из кризиса зависит от выбора дискурса из числа конкурирующих альтернатив. Согласно такому нарративному взгляду на кризис культуры, он возникает не в результате внешних для культуры потрясений, а в результате процессов определения и конституирования кризиса культуры более могущественными субъектами. При этом, кризис создается терминологически, т.е. в процессе коммуникации¹⁸¹. Такой кризис можно назвать «нарративным»¹⁸², он формируется в повествовании и посредством него.

Контексты, в которых протекают дискурсы о кризисе культуры также не являются «реальными», а представляют собой совокупность представлений участников дискурса о культуре: «What is and what is not a crisis is situated within the local context and within the meaning structures invoked

¹⁸⁰ Rycker A. D., Don Z. M. *Discourse in Crisis, Crisis in Discourse*. Publisher: John Benjamins Publishing Co, 2013. pp. 3-66; Graber, D. *Mass Media and American Politics*. 7th ed. Washington, DC: Congressional Quarterly Press, 2006.

¹⁸¹ Hearit K., Courtright J. A social constructionist approach to crisis management: Allegations of sudden acceleration in the Audi 5000. *Communication Studies* 54(1), 2003. pp. 79–95.

¹⁸² Hay C. Narrating crisis: The discursive construction of the 'Winter of Discontent'. *Sociology* 30(2), 1996, pp. 253–277.

in these contexts» («Что является кризисом, а что нет, определяется местным контекстом и смысловыми структурами, используемыми в этих контекстах»)¹⁸³.

Резюме. В ходе решения задачи определения роли понятия «кризис культуры» в концептуальной борьбе дискурсов было установлено, что понятие «кризис культуры» включает большое разнообразие смыслов, связанных с долгосрочными изменениями в культуре, с описаниями случайных новаций, а также с апокалиптическими ожиданиями. Благодаря большому разбросу трактовок с положительной и отрицательной коннотацией концепт «кризис культуры» используется как инструмент борьбы между представителями различных теоретико-методологических подходов.

Ключевым фактором, фундирующим направленность смысловых вариаций концепта «кризис культуры» является включение в него менеджерского смысла, позволяющего рассматривать кризис культуры как управляемый процесс, включающий три основные стадии: диагностику наличного состояния культуры, составление прогнозов и поиски путей реализации желаемого образа будущего культуры. Интерпретации кризиса культуры как управляемого процесса обладают значительным эвристическим потенциалом для развития философии культуры.

Другим важным фактором, усиливающим смысловую вариативность концепта «кризис культуры», является разрушение целостности культуры, вследствие чего она приобретает иллюзорный характер. Признание иллюзорности, призрачности культуры становится отправной точкой в рассуждениях постмодернистов, рассматривающий культуру как «ризому», утверждающих релятивность ценностей и отрицающих существование социокультурной реальности как самостоятельной формы бытия. В результате кризис культуры мыслится не как необходимый этап ее развития,

¹⁸³ Berkelaar, B., Dutta M. A culture-centered approach to crisis communication. Paper presented at the annual meeting of the NCA 93rd Annual Convention, Chicago, IL. 2007, pp. 239-281. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-26470-3_6 (accessed: 15.03.2025).

а как ошибочное стремление субъекта сохранить отжившую систему ценностей в условиях изменяющегося мира. Отсюда вытекает стремление постмодернистов превратить кризис культуры в контрдискурс по отношению к классической культуре, а также в инструмент дискредитации социальной реальности.

2.2 Основания и границы смысловой вариативности концепта «кризис культуры»

Многозначность концепта «кризис культуры» выступает одним из проявлений языковой вариативности. В качестве разновидности семантической многозначности (полисемии) смысловая вариативность концепта «кризис культуры» позволяет формировать новые смыслы, фиксировать новое знание в предметной области философии культуры и передавать оценочное и эмотивное отношение к предмету в процессе коммуникации¹⁸⁴.

Как было показано в первом параграфе первой главы, смысловая неопределенность концепта «кризис культуры» обусловлена двумя дополняющими друг друга процессами: с одной стороны, множественными экстраполяциями на сферу культуры семантических значений понятия «кризис», сформировавшихся в различных областях деятельности – медицине, экономике, богословии, истории, политике; с другой – процессом дальнейшей концептуализации этого понятия в рамках философии культуры, вследствие чего концепт «кризис культуры» стал соотноситься с широким спектром смыслов, задающих разное понимание происходящих в культуре процессов, а также связанных с этими процессами текстов и контекстов.

При этом возникает вопрос о пределах семантического и смыслового варьирования концепта «кризис культуры», ответ на который позволил бы установить основу, которая обеспечивает смысловое единство концепта при всем многообразии его отдельных значений. В отношении лексико-семантических вариаций А.И. Смирницкий сформулировал следующее положение: «Очевидно, что варианты слова, для того, чтобы быть разными вариантами, должны как-то различаться; но чтобы вместе с этим не оказаться

¹⁸⁴ Беляевская Е.Г. Лексико-семантическое варьирование в традиционной и когнитивной перспективе // Норма и вариативность в языке и речи. 2017. С. 60–78.

разными словами, а быть именно вариантами одного слова, они должны быть чем-то особенно тесно связаны друг с другом»¹⁸⁵.

Таким образом, наличие лексико-семантических вариантов нацеливает на поиск семантической общности разных значений концепта, обеспечивающей его «семантическую устойчивость». При этом стабильность смысловой структуры многозначного концепта «кризис культуры» обеспечивается семантическими *связями*, установившимися между разными значениями, а отнюдь не каким-то общим, «синтезирующим» различные смыслы значением (понятием). В этом смысле продуктивно говорить о наличии некоего семантического стержня или ядра как смыслового центра концепта, вокруг которого организуется его смысловое единство. Другой вариант обнаружения смысловой общности многозначного концепта предполагает, что все его значения определенным образом связаны между собой и представляют не изолированные, но взаимосвязанные и коррелирующие друг с другом смыслы.

К причинам смысловой вариативности концепта «кризис культуры» мы относим: экстраполяцию на сферу культуры семантических значений понятия «кризис», сформировавшихся за пределами культурологического тематического поля (подробно рассмотренную в первом параграфе первой главы); аксиологические различия в интерпретации кризиса культуры; концептуальные различия в трактовках данного концепта, сложившиеся в рамках философии культуры.

Целостность любой культуры обеспечивается за счет ее ценностей. Ценности объединяют культуру и делают ее уникальной. Каким бы образом мы не определяли ценности, нужно признать, что они выступают как некие внутренние скрепы, которые являются залогом сплочения общества. Глагол «сплачивать» вошел в русский язык из народной речи как профессиональный

¹⁸⁵ Смирницкий А.И. К вопросу о слове: (Проблема «тождества слова») // Труды Института языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 4. С. 22.

термин плотников, и означал «одно с другим соединить плотно»¹⁸⁶. Слово «плотный» уже на уровне этимологии указывает на связь с «плотью», «кожей», «покровом». «Плоть» (др.-русс. плѣть, греч. σάρξ, белор. плоть, болг. плът, словенск. rolt, чешск., словацк. pleť, польск. rłeć) представляет собой живой покров, защищающий человека от внешних противоестественных повреждений. Получается, что культура, соединенная ценностями, выступает как некая целостность.

В рамках аксиологического подхода проблематизация кризиса культуры ориентирует на исследование следующих процессов: 1) переход от старых ценностей к новым; 2) унификация ценностей разных культур; перенос ценностей, не свойственных природе той или иной культуры; 3) забвение или отход от онтологических ценностей, связанных с природой человека.

Несмотря на распространенность в философской и культурологической литературе понимания *культуры как системы ценностных взаимосвязей*, авторы по-разному трактуют кризис культуры в зависимости от того, что они рассматривают в качестве ценностей, деградация или утрата которых приводит к переломным моментам в культурном развитии. Так, кризис культуры связывается с отходом / отречением от традиционных ценностей, без которых невозможно ее успешное функционирование (С.С. Аверинцев, О.А. Седакова, Й. Хейзинга, Д.А. Гранин, Г.М. Резник)¹⁸⁷; с отказом от религиозных ценностей (А. Дж. Тойнби, Г.С. Киселев, А.И. Осипов, М. Янг-Сауэрс)¹⁸⁸; с вытеснением духовных ценностей (М. Вебер, К. Мангейм,

¹⁸⁶ Виноградов В.В. Сплотить, сплоченный, сплоченность // История слов. URL: http://wordhist.narod.ru/splotit_splotschennij.html (дата обращения: 30.01.2025).

¹⁸⁷ Поцци В. Культура как *paideia*. Сергей Аверинцев и Ольга Седакова: путь к современному христианскому гуманизму // Вестник Свято-Филаретовского института. 2019. №32. С. 67 – 109; Хейзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня: пер. с нидерл. / Й. Хейзинга; общ. ред. и послесл. Г.М. Тавризян. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. 464 с.; О нравственности, патриотизме, культуре и бескультуре (актуальный разговор на вечные темы). Материалы «круглого стола» в Санкт-петербургском гуманитарном университете профсоюзов. Участвовали: Д.А. Гранин, А.А. Гусейнов, А.С. Запесоцкий, С.П. Капица, В.К. Мамонтов, Г.М. Резник // Вопросы философии. 2009. №11. С. 3 – 27.

¹⁸⁸ Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. Е.Д. Жаркова. 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2002; Киселев Г.С. Новая религиозность как проблема сознания // Вопросы философии. 2002. № 5. С.173 – 182; Семенова С. Христианство требует от человека естественных вещей для его духовного здоровья и нравственного достоинства. Интервью с А.И. Осиповым, 2008 г. URL:

А.Ю. Цофнас)¹⁸⁹, с утратой экзистенциальных, смысложизненных, бытийных ценностей (Н.А. Бердяев, М. Мамардашвили, М. Шелер, Р. Римен, А. Печчеи, К. Ясперс, А. Камю)¹⁹⁰.

С точки зрения С.С. Аверинцева и О.А. Седаковой, отречение от *традиционных ценностей* приводит к «остановке» механизма передачи традиции, что и составляет суть кризиса культуры, которая представляет собой пайдейю (обучение), то есть не принуждающую силу, а стремление человека открыть себя и свою ценность¹⁹¹. Культура непрерывна. Динамический смысл ее находит выражение в традиции, и кризис культуры рассматривается как «разрыв в традиции». Традиции представляют собой определенный свойственный культуре набор ценностей, который присваивают не актуализируя. Когда происходит рефлексия над традициями и, соответственно, ценностями, возникает угроза бесосновательного обесценивания прошлого и перехода к инструментальному восприятию, что и становится причиной кризиса культуры. С.С. Аверинцев солидарен с мнением Й. Хёйзинги¹⁹², полагавшего, что для выхода из кризиса человеку необходимо осознать глубокую роль традиции в культуре как живого источника, как ресурса, к которому следует обращаться¹⁹³. К кризису Хёйзинга применяет метафоры, которые наиболее ярко описывают болезненный и переходный характер этого феномена – это *«интенсивный*

www.ruskline.ru/monitoring_smi/2008/02/20/hristianstvo_trebuets_ot_cheloveka_estestvennyh_vewej_dlya_ego_du_hovnogo_zdorov_ya_i_nravstvennogo_dostoinstva/ (дата обращения: 15.03.2024); Young-Sowers Meredith L. Spiritual crisis: what's really behind loss, disease, and life's major hurts / Young-Sowers Meredith L. Walpole, NH : Stillpoint publishing, 1993. 266 p.

¹⁸⁹ Вебер М. Наука как призвание и профессия. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/weber.txt> (дата обращения: 03.01.2024); Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 697 с.; Цофнас А.Ю. Аспекты понимания финансового кризиса // Вопросы философии. 2009. №11. С. 53 – 61.

¹⁹⁰ Бердяев Н.А. Дух и реальность / Н.А. Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калгожного. М.: АТС; Харьков: Фолио, 2003. 679 с.; Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М.: Издательство «Логос», 2004. 272 с.; Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: переводы. М.: Прогресс, 1988. С.31 – 95; Riemen R. Nobility of spirit: a forgotten ideal. New Haven & London: Yale University Press, 2008. 136 p.; Печчеи А. Человеческие качества. изд. 2. М.: Прогресс, 1985. 311 с.; Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.; Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство; пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. 415 с.

¹⁹¹ Поцци В. Культура как *paideia*. Сергей Аверинцев и Ольга Седакова: путь к современному христианскому гуманизму // Вестник Свято-Филаретовского института. 2019. №32. С. 67–109.

¹⁹² Аверинцев С. С. Культурология Йохана Хейзинги // Вопросы философии, 1969. № 3. С. 173.

¹⁹³ Поцци В. Указ. соч. С. 67–109.

культурный поворот», «лихорадка», «духовный надлом». В идеале, по мнению Й. Хёйзинги, в культуре должно быть равновесие духовных и материальных ценностей, однако в реальности культура не представляет собой такое равновесие по причине *отхода от традиционных ценностей*. Кризис Й. Хёйзинга описывал при помощи метафор *одержимость, безумие, умоисступление, оцепелость* и т.п., которыми обычно обозначают неправильное функционирование сознания человека.

Согласно К. Лоренцу, из всех «грехов» цивилизованного человечества главным является *разрыв с традицией*¹⁹⁴. Именно традиция, как возможность передавать и распространять приобретенные человеком знания, лежит в основе развития культуры. Отмечая свойственное молодежи желание порвать связи с традицией своих родителей, К. Лоренц обращает внимание на связанные с этим риски: при передаче культурного наследия, как в ситуации любой перестройки, когда происходит демонтаж старой конструкции и построение новой, неизбежно наступает некоторый период неустойчивости. Однако созревающий человек с необходимостью должен пройти период отрицания традиционного наследия, который в будущем сменится принятием традиций. Этот процесс пересмотра устаревших элементов унаследованной культуры полезен, по мнению Лоренца, и для нее самой, для ее сохранения.

По мнению авторов, связывающих суть кризиса культуры с отказом человека от *религиозных ценностей*, в обществе преувеличена значимость прав и свобод человека. Хотя человек и является носителем Божьего образа и обрел дар свободы, критерием того, что есть добро, а что зло, не может выступать личное мнение каждого отдельного индивида. Бог не запрограммировал человека на добро, но дал ему выбор, и от того какую сторону примет индивид, зависит степень приобщения его к Божественному. Согласно К. Манхейму, кризис культуры происходит по вине человека, который не стремится развить свою духовность или вместо добра выбирает

¹⁹⁴ Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Обратная сторона зеркала: сб. трудов. Nyaköping (Sweden): Philosophical arkiv, 2016. С. 17 – 94.

другие ценности: «Я имею в виду тот *кризис культуры*, который переживает наше общество, изменения в духовной жизни, влияющие на поведение индивидов. Это прежде всего колоссальные изменения, связанные с развитием промышленной цивилизации, такие, как частичное и даже полное разрушение наших привычек, обычаев и традиционных ценностей. Это социальные процессы, способствующие распаду семьи и общества. Я имею в виду также изменение характера труда и досуга, влияющего на формирование личности или способствующего ее дезинтеграции»¹⁹⁵. Отход от *духовных ценностей* несет в себе опасность замены их материальными ценностями. Чтобы этого не произошло необходимо возродить гуманистические ценности, придать им актуальность, вернуться в «широко и милостиво открытые объятия древних церквей»¹⁹⁶, «разбудить Любовь в своей душе»¹⁹⁷, через смену ценностей на духовные получить «новое рождение»¹⁹⁸ и т.п.

А. Дж. Тойнби в качестве эталонных ценностей также рассматривал ценности *религиозные*. С помощью метафоры «*Ответ и Вызов*» Тойнби описывал кризисную ситуацию в культуре, для которой необходимо найти решение. По мнению Тойнби, значение религии особенно усиливается в кризисные для культуры и цивилизации периоды. Именно религия и церковь как ее институциональное воплощение являются хранилищами жизненной энергии человечества, передавая ее от уходящей цивилизации к зарождающейся. В этом смысле особенно опасен регресс высших религий, утрачивающих свое изначальное «живое» состояние, поскольку только на основе религии возможно преодоление кризисного состояния культуры и цивилизации и их движение к единству.

¹⁹⁵ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 465.

¹⁹⁶ Вебер М. Наука как призвание и профессия. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/weber.txt> (дата обращения: 03.01.2024).

¹⁹⁷ Young-Sowers Meredith L. Spiritual crisis: what's really behind loss, disease, and life's major hurts. Walpole, NH: Stillpoint publishing, 1993.

¹⁹⁸ Тойнби А. Дж. Постигание истории. 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 351.

А. Дж. Тойнби, в отличие от О. Шпенглера, не считал культуру, общество и цивилизацию организмами. По его мнению, их судьба зависит от человека, который либо даст Ответ на Вызов, либо приведет цивилизацию к гибели. Он прямо критиковал мнение О. Шпенглера в этом вопросе, и писал, что догматически твердить вслед за О. Шпенглером о том, что каждому обществу предопределен срок существования столь же глупо, как и требовать, чтобы каждая пьеса состояла из одинакового числа актов. На его взгляд, путь к преодолению кризиса существует – это смена ценностей. Поскольку Тойнби являлся мыслителем религиозным, на его взгляд, новые ценности человека и общества должны быть религиозно наполненными.

При рассмотрении культуры как совокупности ценностей, среди которых существуют постоянные ценности, связанные с неизменным элементом в человеке – духом, кризис культуры понимается как забвение бытийных ценностей. Для выхода из кризиса человек должен совершить «духовное завоевание мира, как реальное изменение его, не объективируя дух в мировой данности, а подчиняя мир внутреннему существованию»¹⁹⁹, принять ценность сознания, перестать быть «человеком-зомби»²⁰⁰, «возродить идеал благородства духа»²⁰¹, совершить «культурную революцию»²⁰², которая заключается в изменении человеческого мышления и поведения.

Так, например, эталоном ценностей для Н.А. Бердяева являлись ценности, связанные с бытием самого человека. В работе «О назначении человека»²⁰³ (1931) философ отмечал, что человек – это, прежде всего, существо творческое. Но существом творящим он является лишь в том случае, если обладает свободой. Только совмещение и взаимодействие свободы и творчества создает человека. Через описание Н.А. Бердяевым ступеней духовности можно определить кризис культуры как ситуацию

¹⁹⁹ Бердяев Н.А. Дух и реальность. М.: АТС; Харьков: Фолио, 2003. С. 351.

²⁰⁰ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 119.

²⁰¹ Riemen R. Nobility of spirit: a forgotten ideal. New Haven & London: Yale University Press, 2008. 136 p.

²⁰² Печчеи А. Человеческие качества. изд. 2. М.: Прогресс, 1985.

²⁰³ Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.

бездуховности, природа которой укоренена в обществе. Философ считал, что существует три ступени духовности: духовность, ограниченная природой, духовность, ограниченная обществом, и чистая, освобожденная духовность (когда дух овладевает и природой и обществом). В обществе нет чистой духовности: «В социальных институтах происходит объективация Духа, а не воплощение Духа»²⁰⁴. Чистая духовность освобождена от объективации, она проявляется внутренне, через творчество, которое меняет сознание человека.

В произведении «Дух и реальность» (1935) Бердяев предлагал в качестве выхода из кризиса «новую духовность», понимаемую как подчинение мира внутреннему существованию человека. Новая духовность – это освобождение от «падшей» социальности, переход от символизации духа к его реализации. «Новая духовность понимает дух не как отрешенность и бегство из мира, покорно оставляющее мир таким, каков он есть, а как духовное завоевание мира, как реальное изменение его, не объективируя дух в мировой данности, а подчиняя мир внутреннему существованию..., разрушая признаки “общего”, т.е. совершая персоналистическую революцию»²⁰⁵. В данном высказывании Н.А. Бердяев имел в виду, что человек способен изменить духовность общества путем проецирования мира на себя и совершения действий в соответствии с этим.

С крушением бытийных ценностей связано понимание кризиса культуры у М.К. Мамардашвили. Современный человек, по его мнению, это уже не человек разумный, знающий, а «человек странный», «человек неопиcуемый»²⁰⁶. Это человек, который не в состоянии превратить бытие в ситуацию, поддающуюся осмыслению. Человек, у которого больше нет опоры – он отверг объективные закономерности, которые лежат в основе цивилизации или культуры. Объективные основания культуры, на взгляд М.К. Мамардашвили, связаны с сознанием, и выводимыми из него идеями равенства и свободы.

²⁰⁴ Бердяев Н.А. Дух и реальность. С. 367.

²⁰⁵ Там же. С. 351.

²⁰⁶ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 111.

Кризис культуры заключается в отказе современным человеком от ценности сознания. Человеческое сознание же является основой культуры. «Человек-зомби» современной эпохи, отрицая возможность что-либо познать, оказывается во власти неопределенности. Он лишается моральных основ, что может угрожающе сказаться на развитии цивилизации. Ведь к такому человеку неприменимы пределы и определения, т.к. основное определение человека (сознание) отрицается: «Человеческое сознание аннигилирует и, попадая в ситуацию неопределенности, где все перемигиваются не то что двусмысленно, но многосмысленно, аннигилирует и человек: ни мужества, ни чести, ни достоинства, ни трусости, ни бесчестия»²⁰⁷.

Философ считал, что популярные в его время игры в сюрреализм разрушают онтологические основания бытия. Индивиды, играющие в эти игры, напоминали исследователю «последних людей» Ф. Ницше, которые отвергли трансценденцию человека к человеческому в нем самом, не признавали сознание как конституирующую основу цивилизации или культуры. Игры с отказом от онтологических основ культуры порождают «зомби-ситуации» – с виду человекоподобные, но в действительности для человека не свойственные, мертвые.

М. Шелер эталонными считал *высшие духовные ценности* – доброту, любовь, раскаяние, почитание и т.п. В работе «Положение человека в Космосе» (1927) Шелер определяет состояние западного общества как кризисное и видит причину этого в том, что индивид отодвигает на задний план духовные ценности и не вкладывает в них изначально заложенный смысл. С точки зрения Шелера, ценности имеют социальную природу, но способ их восприятия не зависит от общественной среды. Человеческий дух – это тот «антропологический центр», на который наслаиваются ценности, и смысл им придает сам человек, ориентируясь на свою духовность: «Но идеи существуют не до вещей, не в них и не после них, но вместе с ними и

²⁰⁷ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. С. 119.

производятся лишь в акте постоянной реализации мира (*creatio continua*), в вечном духе. Поэтому и наше соучастие в этих актах, поскольку мы мыслим «идеи», не есть простое отыскание или открытие уже независимо от нас сущего и бывшего, но истинное сопорождение идей и сопровождающих вечную любовь ценностей из первоисточка самих вещей»²⁰⁸. Когда человек не справляется с управлением своими интересами и влечениями, он не может наполнить ценности адекватным содержанием.

Поиски вневременного идеала свидетельствуют о неудовлетворенности современной аксиологической ситуацией и о кризисном состоянии современной культуры. Так, с позиции современного голландского эссеиста и культуролога Р. Римена существует некий идеал гуманизма, совокупность некоторых абсолютных ценностей, пронизывающий все эпохи. Р. Римен считает, что сущность человека едина во все времена, и отход от ценностей, с ней связанных, провоцирует кризис культуры. В книге «Благородство духа: забытый идеал» (2008 г.) он указывает в качестве причины кризиса утрату современными людьми *идеала «благородства духа»*²⁰⁹.

Иную интерпретацию тема гуманизма получила у М. Хайдеггера. В отличие от Р. Римена, М. Хайдеггер в работе «Письмо о гуманизме»²¹⁰ утверждает, что к разным эпохам не применим один и тот же гуманизм, потому что гуманизм – это призыв к человечности, а сущность человека понимается по-разному в разные эпохи. Поэтому, по М. Хайдеггеру, «возродить» гуманизм невозможно.

Сторонники признания основой культуры *экзистенциальных ценностей* связывают кризис культуры с непостоянной сущностью человека, его *восприятием* окружающей реальности как кризисной. Несмотря на то, что феноменологически кризис проявляется себя во различных

²⁰⁸ Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: переводы. М.: Прогресс, 1988. С. 62.

²⁰⁹ Riemen R. Nobility of spirit: a forgotten ideal. New Haven & London: Yale University Press, 2008. 136 p.

²¹⁰ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. URL: http://bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme (дата обращения: 20.09.2024).

общественных сферах (технике, науке, философии, религии), истинная его причина находится в сознании человека. Для выхода из кризиса культуры человеку нужно «вернуться к началу, к бытию человеком»²¹¹, найти нечто неизменное в самом себе.

К. Ясперс показал, что сущность кризиса культуры заключается в *разрушении в сознании человека целостности исторически воспринятой субстанции*, влекущей за собой утрату признанных идеалов. По мнению Ясперса, духовная причина кризиса в том, что с расколдовыванием мира исчезли высокие идеалы, к которым люди могли стремиться, а на смену им пришло сознание опасности и утраты. Современная ситуация, по мнению автора, характеризуется тем, что человек *ощущает беспомощность от осознания зависимости от хода событий*.

«Принять» кризис человеку можно лишь пропустив его через себя, придя к осознанию своей сущности: «Тот, кто хочет преодолеть кризис и достигнуть истоков, должен пройти через утраченное, чтобы, усваивая, вспомнить; измерить беспомощность, чтобы принять решение о себе самом; испробовать маскарад, чтобы ощутить подлинное»²¹². Внешние общественные устройства являются лишь средством для самопознания, для выхода из кризиса человек должен прийти к свободному самосозиданию, утраченному в социальном бытии. В этих рассуждениях К. Ясперс близок Н.А. Бердяеву: «Новый мир может возникнуть из кризиса не посредством рационального порядка существования как такового; человек... обретает себя посредством государства в воле к своей целостности, для которой порядок существования становится просто средством, и в духовном творении, посредством которого он приходит к сознанию своей сущности. На обоих путях он может вновь удостовериться в истоках и цели, в своем бытии человеком – в благородном и свободном самосозидании, утраченном им в том, что было лишь порядком существования. Если он полагает обрести в

²¹¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 337.

²¹² Там же. С. 337.

государстве существенное, то вскоре поймет, что государство само по себе еще не все, а лишь сфера осуществления возможного. Если же он доверится духу как бытию в себе, то присутствие его в каждой существующей объективности начнет вызывать у него сомнение. Он должен вернуться к началу, к *бытию человеком*, которое придает государству и духу полнокровность и действительность»²¹³.

Сложившиеся в рамках философии культуры концептуальные различия в трактовках культуры также являются причиной смысловой вариативности трактовок связанных с нею кризисных ситуаций. Г.М. Тавризян указывает, что различия теорий культуры порождают многообразие концепций исторического движения культуры, в которых по-разному описывается взаимосвязь ее феноменов и стадии ее развития, включая кризисные. «Именно через интерпретацию культуры видится и понимается само движение истории, ее логика. Это движение рассматривается как развитие и превращения предельно обобщенных культурно-исторических форм», где под «культурными формами», которые «как бы трансцендируют событийную историю, поскольку сами своим характером, своей направленностью в значительной мере определяют, создают ее», понимается отличающее эпоху внутреннее единство форм мышления, единство «стилистики» эпохи, запечатленное в формах экономической, политической, духовной, религиозной, художественной, практической жизни»²¹⁴.

Конкуренция вариантов интерпретаций составляет основной механизм развития любых языковых единиц – от понятий и концептов до целостных текстов. Однако диапазон смыслового варьирования всегда лимитирован. Границы смысловой вариативности концепта «кризис культуры» полагаются, на наш взгляд, доминирующим смыслом концепта «кризис культуры», задающим центростремительную тенденцию к универсализации связанных с

²¹³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. С. 337.

²¹⁴ Тавризян Г.М. О. Шпенглер, И. Хейзинга: две концепции кризиса культуры. М.: Искусство, 1988. С.11–12.

ним значений – в противовес центробежной тенденции, задаваемой вариативностью интерпретаций.

Доминирующим для концепта «кризис культуры» на современном этапе, очевидно, становится экономический, менеджерский смысл. Свидетельствами переноса экономических смыслов на область культуры является тенденция изменения культурного языка: привнесение экономических категорий в культуру и замена традиционно используемых в культуре терминов на экономические эквиваленты. Так, Ю. Хабермас описывает проникновение в культуру такого важного элемента экономического управления как планирование: «Примером непосредственно административной обработки культурной традиции является планирование в сфере образования и в особенности планирование учебных программ. Если прежде образовательной администрации необходимо было лишь кодифицировать канон, который складывался естественным образом, то планирование учебных программ основано на том допущении, что образцы культурной традиции могут быть иными...»²¹⁵.

Важной особенностью современности является замена понятия культурного поля «смысл» на экономический термин «стоимость»: «“Смысл” становится все более и более ограниченным ресурсом. Поэтому среди граждан все более возрастают ориентированные на потребительскую стоимость, а значит контролируемые через успех, ожидания... фискально изъятый ресурс “стоимость” должен заменить дефицитный ресурс “смысл”»²¹⁶.

Совместно с экономическими понятиями в сферу культуры проникают экономические идеи, которые затем используются властными структурами для достижения собственных эгоистических целей. Современный американский экономист П. Кругман назвал сильные экономические идеи,

²¹⁵ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л.В. Воропай. Общая редакция и вступительная статья О.В. Кильдюшов. Примечания, именной и предметный указатели Т.А. Дмитриев. М.: Праксис, 2010. С. 121.

²¹⁶ Там же. С. 124.

которые невозможно устранить из социокультурной жизни, «зомби-идеями», или «живыми мертвецами»²¹⁷. Зомби-идеи проникают из экономической сферы через политическую сферу в область культуры, влияют на сознание людей, «пожирая человеческие мозги». На подмену социально-культурных идей экономическими указала английский экономист К. Раурт²¹⁸. По ее мнению, социально-культурные цели улучшения качества жизни людей и социального благосостояния заменяются экономическими средствами их достижения, а именно гонкой за увеличением роста ВВП. Однако приравнивать рост ВВП к устойчивому социально-экономическому развитию ошибочно, т.к. основой такого развития помимо улучшения экономических показателей является социальный, культурный и экологический прогресс. Экономический рост без надлежащего культурного и экологического развития является неуправляемым и препятствующим социальному благосостоянию. Можно сказать, что рост ВВП также связан с «зомби-идеями», например, с утверждением, что он поспособствует согласию богатых на перераспределительные налоги, которые они инвестируют в общественные услуги, потому что это можно будет сделать, не урезая их внутренний доход.

Перенимая из экономической сферы погоню за ростом ВВП и быстрой оборачиваемостью денег, в культурную сферу проникают идеи краткосрочной рентабельности. Они распространяются на сферу творчества, которая переживает своеобразный «естественный отбор», отказываясь от лучших произведений в пользу тех, что обладают высокой монетизацией (более адаптированные к рынку, простые, стандартизированные). Само понятие «монетизация» в современной культуре переходит из разряда экономических показателей на аксиологический уровень. Стоимость произведения начинает определять его эстетическую ценность, вопреки

²¹⁷ Krugman P. *Arguing with Zombies. Economics, Politics, and the Fight for a Better Future*, WW Norton & Co, New York, 2020. p. 415.

²¹⁸ Raworth K. *Doughnut economics: seven ways to think like a 21st-Century Economist*. Random House, New York, 2017.

теории автономности П. Бурдьё, согласно которой эстетическая ценность культурного продукта не может быть опосредована его ценой.

Западные социологи Т. Парсонс и Н. Луман для концептуализации кризиса культуры используют экономические категории «инфляция» и «дефляция». По мнению Т. Парсонса, деньги, являясь символической средой экономической системы, могут служить моделью всех социокультурных символических сред, например, власти, влияния или ценностных обязательств. Т. Парсонс первым указал на возможность описания механизма действия средств массовой информации по аналогии с инфляционными и дефляционными процессами, которым подвержены деньги в экономике. Так, например, создание большого количества разнообразных средств массовой информации (инфляция) влечет за собой увеличение потенциала связности коммуникации, но, с другой стороны, несет риск неудачного управления (дефляция).

Н. Луман определяет «инфляцию» и «дефляцию» через культурный термин «доверие»: «Инфляция возникает, когда коммуникация перерасходует свой потенциал доверия, т.е. предполагает больше доверия, чем она может вызвать. Дефляция имеет место в противоположном случае, когда возможности заработать доверие остаются неиспользованными»²¹⁹. Луман пишет о «пограничных случаях» инфляционных и дефляционных процессов, которые важны для продолжения коммуникации, когда меры по корректировке инфляции не срабатывают и от коммуникации, основанной на деньгах начинают отказываться. В этом случае кризисы влекут за собой опасность прекращения коммуникации.

По аналогии с процессами, происходящими в экономике, инфляция и дефляция проникают в культуру и затрагивают такие духовные сферы как любовь, истина, литература, искусство, ценности, мораль: «Истина подвергается инфляции, когда она обещает больше возможностей для

²¹⁹ Луман Н. Общество общества. Кн. 1: Общество как социальная система. Кн. 2: Медиа коммуникации. Кн. 3: Эволюция. М.: Изд-во «Логос», 2011. С. 405.

применения, чем позволяет осуществить... В сегодняшних условиях *ценности* могут рассматриваться как стабильные по отношению к инфляции, поскольку обнаружение того факта, что они бесполезны для действия, не наносит им никакого ущерба и не обесценивает их. Люди просто следуют веяниям моды и переходят к другим ценностям. *Любовь* подвергается инфляции, когда она обещает уделять больше внимания миру другого человека, чем это житейски и практически возможно. Романы, а сегодня: бульварные романы и соответствующие фильмы, ответственны в этом отношении за долговременную инфляцию. В то же время они оказываются стимулом для противоположных – дефляционных – тенденций в литературе... Инфляции в *искусстве* возникают прежде всего тогда, когда отказываются от «трудности» изготовления художественных произведений и от связанной с этим их немногочисленностью, т.к. когда искусство абстрагируется от мастерства. Инфляции могут сопровождаться дефляциями, если мода, раскрутка имени и галерейный бизнес приводят к тому, что работы некоторых художников переоцениваются, а всех прочих художников – недооцениваются...»²²⁰. «Универсализация морали... пронизывает среду морали инфляционными и дефляционными тенденциями» ... «там, где речь идет о том, что на мораль полагаться уже невозможно, – происходит своего рода «стагфляция», при которой мораль лишается силы одновременно из-за инфляции и дефляции»²²¹.

Таким образом, перенос экономических категорий в культурную сферу несет в себе опасность рыночного фундаментализма, смещения средств с целями социокультурной и экономической деятельности и подмену гармоничного социально-экономического развития экономическим ростом.

Однако несмотря на многочисленные примеры негативного влияния экономики на сферу культуры в этом влиянии заложен и определенный

²²⁰ Луман Н. Общество общества. Кн. 1: Общество как социальная система. Кн. 2: Медиа коммуникации. Кн. 3: Эволюция. М.: Изд-во «Логос», 2011. С. 406.

²²¹ Луман Н. Общество общества. Кн. 4: Дифференциация. Кн. 5: Самоописания. М.: Изд-во «Логос», 2011. С. 478.

эвристический потенциал, связанный с рефлексией по поводу кризиса культуры. Дело в том, что экономический (менеджерский) смысл понятия «кризис» позволяет рассматривать кризис культуры в телеологическом аспекте, т.е. предполагает возможность и необходимость принятия активных действий в борьбе с кризисом.

По мнению П. Рикера экономический смысл понятия «кризис» существенно повлиял на современное социокультурное понимание этого явления. В XIX веке утвердилась идеология, провозглашающая приоритет экономики над всеми сферами жизни общества, а экономический либерализм на Западе стал ассоциироваться с самой современностью, поэтому экономический кризис рассматривался как общий кризис современности. Тем самым экономическое понимание кризиса было экстраполировано на социокультурную сферу и по праву «глобального явления». Такие свойства экономического кризиса как разрыв, упадок, депрессии, нарушение равновесия, провал были экспортированы в сферу культуры, где превратились в индикатор кризисных процессов. Начиная с середины XIX века экономические кризисы стали рассматриваться как *глобальные явления*, вызванные развитием капиталистической системы. Если раньше встречались словосочетания, повествующие о локальных кризисах в экономике («денежный кризис», «торговый кризис», «финансовый кризис» и т.д.), то в XIX веке начинает осознаваться *взаимозависимость* между локальными кризисами и общими закономерностями в экономике, между разными культурами перед лицом мирового кризиса. Так, немецкий экономист В. Рошер отмечает существование «общих кризисов», свойственных для англосаксонской и американской экономик. Ранее такую идею высказал К. Маркса, полагавший, что отраслевые кризисы в экономике являются симптомами общего капиталистического кризиса, обусловленного неустранимым несовершенством капиталистической системы. Аналогично А. Печчеи применял термин «кризис» к глобальным проблемам, охватившим человечество. Он писал, что нет больше экономических, технических или

социальных проблем, существующих независимо друг от друга. Все проблемы одновременно и психологические, и социальные, и экономические, и технические, и политические, обусловленные стоящей перед людьми необходимостью переоценки ценностей на глобальном уровне.

Экономическая форма кризиса, говоря словами П. Рикера, «сама выступает в качестве модели всех кризисов»²²². Похожую мысль высказал Р. Козеллек, внесший существенный вклад в теоретизацию концепта «кризис». Он отметил, что использование понятия «кризис» в качестве экономического термина привело к тому, что это понятие приобрело большую теоретическую строгость. Стало возможно выявить общие характеристики, свойственные всем кризисам. Среди таких характеристик – *переходный характер, периодическая повторяемость, глобальная взаимозависимость, обусловленность развитием техники, мировой характер и управляемость*²²³. Такие признаки экономических кризисов как глобальный характер и взаимозависимость были заимствованы у экономистов философами, культурологами и социологами для описания процессов, происходящих в культуре. Так, глобальный характер кризиса культуры усматривался в унификации ценностей, происходящей на фоне утраты национальными культурами своей самобытности.

В работах М. Вебера выделены симптомы «заколдованного мира», т.е. всеобщего процесса рационализации, связанного с материальным развитием, который повлиял на все культуры и стал мировой проблемой. Феномен рационализации заключается в том, что на передний план выходят такие ценности, как *эффективность, контроль, предсказуемость, количественные показатели, скорость, новизна*. Рационализация в современном обществе находит свое выражение в «макдональдизации», которая распространяется не только на рестораны быстрого питания, но и на многие другие сферы

²²² Рикер П. Политика, экономика, общество. Рукописи и выступления 4 / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 116.

²²³ Koselleck R. Crisis / trans. Michaela W. Richter // Journal of the History of Ideas 67(2), 2006, pp. 357-400.

социальной жизни: на образование, туризм, досуг, онлайн знакомства и т.д.²²⁴.

Механизмом социокультурного развития стала инновация, которая, в отличие от традиции, не сохраняет культурную доминанту, а, наоборот, предполагает опору на вечное изменение и новизну. В связи с этим возникает проблема сохранения своеобразия культур перед лицом культурной экспансии Запада, которую Н.А. Бердяев назвал «монополистом»²²⁵.

С позиции К.Н. Леонтьева появление сходных черт во всех сферах общества, уничтожение самобытных национальных образований свидетельствует о приближении народов к стадии разложения. Каждая нация, считал автор, может создать только одну уникальную цивилизацию, и Европа в этом отношении уже является «устаревшим организмом»²²⁶. К.Н. Леонтьев считал, что *разнообразность и сложность* органически присуща каждой культуре и является необходимым условием развития творческого потенциала человека и общества. Упрощение самобытности разных культур, приведение их к общим ценностям в конце концов приводит их к кризису. Механизмом такого упрощения автор считал прогресс: «Прогресс же, борющийся против всякого деспотизма – сословий, цехов, монастырей, даже богатства и т. п., есть не что иное, как процесс разложения, процесс того вторичного упрощения целого и смешения составных частей, ... процесс сглаживания морфологических очертаний, процесс уничтожения тех особенностей, которые были органически (т.е. деспотически) свойственны общественному телу»²²⁷.

Либерально-демократический путь развития ведет к образованию единой для всех культуры, переход к которой, по мнению Леонтьева,

²²⁴ Углинская Н.А., Воронцовская О.С. Потребление как неотъемлемое свойство современной культуры. В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. №1.3 (37) (Гуманитарные и общественные науки). С. 294 – 305.

²²⁵ Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/berdyayev_n_a_predsmertn (дата обращения: 11.02.2025).

²²⁶ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. URL: http://lib.ru/FILOSOF/LEONTIEV_K/wisantizm_slawyanstwo.txt (дата обращения: 09.03.2025).

²²⁷ Там же.

выступает симптомом кризиса: «Запад, сознательно упрощаясь, систематически смешиваясь, бессознательно подчинился космическому закону разложения»²²⁸. Этому процессу он противопоставляет период «цветущей сложности» – время наивысшего развития культуры социального организма. «Цветущее разнообразие» в культуре должно сопровождаться распространением разнородных ценностей во всех сферах общества. Задача каждой культуры – сохранить свою уникальность. Таким образом, «цветущая сложность» К.Н. Леонтьева является антитезой современного процесса глобализации, стирающей различия между культурами: «...ибо культура есть не что иное, как своеобразие; а своеобразие ныне почти везде гибнет преимущественно от политической свободы. Индивидуализм губит индивидуальность людей, областей и наций»²²⁹.

По мнению К. Ясперса, XX век – время смешения культур, которое привело к нивелированию их ценностей и стиранию различий между людьми. В связи с этим кризис культуры приобрел *планетарный характер*: «Все охвачено кризисом, необозримым и непостижимым в своих причинах, кризисом, который нельзя устранить, а можно только принять как судьбу, терпеть и преодолевать»²³⁰.

Подобно тому, как последователи К. Маркса видят причину глобального кризиса в *стремлении сохранить капиталистическую систему, сотканную из внутренних противоречий*, в философии культуры в качестве причины кризиса ряд исследователей указывают *стремление сохранить традиционные ценности, которые уже не работают в современных условиях*. Такой точки зрения придерживался А. Вебер, видевший в реставрации и защите ценностей, неактуальных для действительности – легитимизме, натурализме, позитивизме – причину современного ему кризиса западной культуры. Аналогично, П. Сорокин считал, что в культуре

²²⁸ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. URL: http://lib.ru/FILOSOF/LEONTIEV_K/wisantizm_slawyanstwo.txt (дата обращения: 09.03.2025).

²²⁹ Там же.

²³⁰ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 335.

существуют ценности, которые «едва заслуживают того, чтобы за них бороться. Большая часть их уже умерла и только ожидает приличествующего захоронения. Их исчезновение скорее благо, чем потеря для человечества; скорее освобождение культуры от яда, чем ее обнищание»²³¹. Поэтому кризис как ситуация перехода от старых ценностей к новым даже необходим, поскольку он уничтожает ценности, которые тормозят развитие культуры. О том, что нет смысла бороться за сохранение старых ценностей, говорит также автор идеи «текущего» общества З. Бауман. По смыслу к понятию «кризис культуры» близок его термин «*interregnum*»²³², которое можно перевести как «междоцарствие», перерыв между ломкой старого порядка и возникновением нового, когда старые ценности не работают в изменившихся условиях, а новые еще не установились.

По мнению М.С. Кагана, традиционные ценности могут стать архаичными, провоцируя кризис старого типа культуры и появление апокалиптических тем: «Теоретики Модернизма заговорили о "конце философии", о "смерти искусства", об исчерпанности возможностей "классической" науки добывать объективные истины и о рождении новой, "неклассической" науки, об абсолютной относительности и потому архаичности всех ценностных критериев – нравственных, религиозных, эстетических и об иллюзорности всех идеалов»²³³.

Эти размышления созвучны идеям синергетики о необходимости *продуктивности* кризисов в культуре, поскольку они вносят обязательную для дальнейшего развития системы хаотизацию ее устоявшихся элементов. В этом случае, отмечает М.С. Каган, кризис культуры нужно понимать не как хаос, а как переход от гармонии к хаосу, который открывает возможности перехода к гармонии более высокого порядка. Таким образом, в основе развития культуры находятся сменяющие друг друга кризисы культуры,

²³¹ Сорокин П.А. Человек Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 434.

²³² Бауман З. Текущая современность: взгляд из 2011 года. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4992> (дата обращения: 01.12.2024).

²³³ Каган М.С. Философия культуры. Санкт-Петербург, 1996. С.273.

представляющие собой «переход от состояния временно обретенной стабилизации, гармонии к разрушившим это упорядоченное бытие разладу, беспорядку, хаосу»²³⁴. Примерами таких культурных кризисов Каган считает переход из биологического состояния бытия гоминид к социально организованному культурному существованию человечества; выход гоминид из первобытного состояния к состоянию цивилизованному; переход Европы от феодализма к капитализму; переход от упорядоченности советской системы к демократической. По мнению М.С. Кагана, причина кризиса находится внутри самой культуры.

Она заключается в оппозиции духовной культуры (религия, наука, философия, мораль, эстетическое сознание и др.) и материальной сферы. Изменения в материальной культуре воздействовали на образ жизни народов и их образ мыслей. Продукты духовной культуры, которые не соответствовали происходящим в материальной сфере изменениям, тормозили развитие. Общую схему возникновения и развития кризисов, по М.С. Кагану, можно описать следующим образом. Сущность кризисов культуры заключается *в противоречиях между техническим развитием и традициями, ставшими неактуальными в новых условиях*. Приверженность традициям, нормам, канонам, не свойственным времени, тормозит развитие материального производства.

Также кризисы, будучи переходными состояниями, не имеют отрицательного или положительного содержания: «Различие между "переходным" и "устойчивым", условно говоря, состояниями культуры не имеет никакого ценностного смысла, не означает, что один из них лучше или хуже другого»²³⁵. Они являются закономерными процессами развития культуры и должны оцениваться позитивно в силу своей «естественной необходимости». *Устойчивость культуры как любой социальной системы является динамической, а значит, достигается с помощью кризисов*. Кризис

²³⁴ Каган М.С. Философия культуры. С. 225.

²³⁵ Там же. С.244.

культуры является необходимым нарушением равновесия, способствующим развитию культуры как самоорганизующейся, нелинейной системы, и в этом смысле представляется *положительным процессом*.

В.П. Бранский считает, что кризис помогает выделить инварианты в аксиосфере культуры. Это процесс он называет «вышелушиванием твердого ядра из хрупкой скорлупы»²³⁶. Реализация общечеловеческого идеала, по мнению В.П. Бранского, есть достижение абсолютной устойчивости, к которой стремится система в процессе самоорганизации, т.е. суператтрактор²³⁷. Получается, что синергетика, признавая *инструментальную роль кризиса культуры, как необходимого механизма достижения устойчивости культуры*, вводит представления о конструктивном потенциале хаоса и нестабильности. Это также отличает ее от диалектики и является эвристичным положением.

Развивая синергетический подход к пониманию кризисов культуры, А.П. Назаретян акцентирует внимание на неопределенности / вариативности их последствий для культурной системы: «Кризис способен обернуться катастрофическим разрушением системы, ее частичной перестройкой или качественным развитием»²³⁸. При этом оценка зависит, в том числе, от «масштаба» рассмотрения: т.к. то, что воспринимается индивидуальным или групповым сознанием как катастрофа, на макроуровне может обернуться качественным скачком. Выделяя системные предпосылки кризисов культуры, А.П. Назаретян отмечает тот факт, что человек, являясь самой неравновесной системой, склонен к провоцированию состояния неустойчивости, т.е. кризиса: «Геополитические и экологические кризисы, войны и катастрофы порождаются не только и часто не столько "материальными", сколько "духовными" потребностями людей: бескорыстной тягой к социальному самоутверждению, самоподтверждению,

²³⁶ Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // *Общественные науки и современность*, 1999. № 6. С. 117 – 127.

²³⁷ Там же. С. 117 – 127.

²³⁸ Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Либроком, 2012. С. 20.

самовыражению, самоотвержению, смыслу жизни, приключению и подвигу»²³⁹. Планетарная цивилизация, по мнению А.П. Назаретяна, вступила в фазу очередного эволюционного кризиса. Суть кризиса в том, что в связи с развитием интеллекта, выработанные для его сдерживания культурные механизмы становятся неэффективными. Такой сценарий развития, с позиции исследователя, соответствует универсальному закону эволюционной дисфункционализации – ускоренному росту энтропии среды, который является платой за поддержание неравновесных процессов: «... линейное наращивание антиэнтропийных механизмов (в данном случае – инструментального интеллекта) усиливает давление на внешнюю и внутреннюю среду и оборачивается смертельной опасностью для социума: на новой стадии эволюции прежние механизмы сохранения становятся чересчур затратными и потому контрпродуктивными»²⁴⁰. Для преодоления этого кризиса необходимо усложнение культуры – выработка большего внутреннего разнообразия, более сложного поведения и интеллекта.

Таким образом, синергетика, признавая *инструментальную роль кризиса культуры как необходимого механизма достижения ее устойчивости*, вводит представления о конструктивном потенциале хаоса и нестабильности культурной системы.

По аналогии с признанием *периодической повторяемости и цикличности* экономических кризисов в работах Ж. де Сисмонди, Дж. М. Кейнса, К. Маркса, Й. Шумпетера, К. Жюгляра, Н.Д. Кондратьева и др. в философии культуры также сложились циклические концепции, исходящие из признания повторяемости определенных фаз кризиса культуры. Так, О. Конт рассматривал кризис культуры как процесс *смены культурных фаз*: теологической, метафизической и позитивной, которые сопровождаются изменениями в ценностях. При переходе к новой фазе старая культура «отмирает». П.А. Сорокин в произведении «Кризис нашего

²³⁹ Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Либроком, 2012. С. 100

²⁴⁰ Там же. С. 193

времени» (1941) выделял внутри культуры три сверхсистемы: идеациональную, чувственную и идеалистическую. Каждая из этих форм культуры характеризуется определенным набором ценностей, собственной организацией во всех сферах и своеобразным типом сознания. Для идеациональной сверхсистемы главной ценностью выступает Бог, и, соответственно, во всех сферах ценно то, что служит Абсолюту. Такой культурой в истории являлось Средневековье. Его закат начался в конце XII века, когда появились зачатки нового основного принципа, заключавшегося в том, что объективная реальность и ее смысл чувственны. В момент перехода от идеациональной к чувственной форме культуры, в XIII – XIV столетиях, образовался третий тип сверхсистемы, которую П. Сорокин назвал идеалистической. Основным свойством этой формы культуры было смешение ценностей сверхчувственного и чувственного. Начиная с XVI века, стал доминирующим чувственный принцип и основанная на нем культура – сенсорная, эмпирическая, светская. Кризисные процессы, которые происходят в культуре, связаны с *переходом от одной формы культуры к другой* в качестве доминантной, и находят выражение в переоценке ценностей: «Мы как бы находимся между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей идеациональной культурой создаваемого завтра»²⁴¹. Кризис начала XX века заключался, на его взгляд, в том, что чувственная сверхсистема культуры, господствовавшая последние четыре столетия, подошла к моменту своего регресса. Ее ценности девальвировались, потребовалась новая форма культуры. Причина кризиса чувственной формы культуры в релятивизме и условном характере чувственных ценностей.

Неотъемлемой частью экономической трактовки кризиса является признание возможности управляющего влияния на него. Ю. Хабермас писал: «Экономические кризисы – это первый (и возможно, единственный) в истории пример системного кризиса, который отмечен тем обстоятельством,

²⁴¹ Сорокин П.А. Человек Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 427

что диалектическое противоречие между участниками процесса взаимодействия развивается в пределах структурно неразрешимых системных противоречий или проблем управления»²⁴². Одним из значимых результатов экстраполяции экономического смысла на область культуры является переход в философии культуры от апокалиптического сознания к менеджерскому. На эту трансформацию, в частности, обратил внимание Й. Хейзинга. По его мнению, прежнее апокалиптическое сознание принимало религиозные формы и заключалось в простой констатации кризиса и ожидания «близящегося конца света». Современному пониманию кризиса соответствует научная формулировка, которая заключается в постановке вопросов о выходе из кризиса.

Б. Мильштейн называет эту особенность кризисного сознания, несущего в себе менеджерский потенциал, «прагматической силой». Она заключается в способности и необходимости предпринять действия в ответ на кризис: «“Прагматическая сила” концепции кризиса заключается не просто в представлении о том, что что-то в социальном мире срочно и необъяснимо пошло наперекосяк, но и в том, что в ответ на эту ситуацию могут и должны быть предприняты какие-то действия»²⁴³. Чтобы предпринятые действия для выхода из кризиса оказались эффективными, необходимо иметь представление о *симптомах*, которые помогут распознать кризис. Как правило, само описание симптомов содержит требование немедленных действий.

К. Лоренц в работе «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» к симптомам кризиса культуры отнес перенаселение; гипертрофию потребления (превалирование материальных ценностей над духовными); разрушение естественной среды и отчуждение от ее гармонии;

²⁴² Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л.В. Воропай. Общ. редакция и вступительная статья О.В. Кильдюшов. Примечания, именной и предметный указатели Т.А. Дмитриев. М.: Праксис, 2010. С. 54

²⁴³ Milstein B. Thinking Politically about Crisis: A Pragmatist Perspective. URL: https://www.academia.edu/7215928/Thinking_Politically_about_Crisis_A_Pragmatist_Perspective (accessed: 25.11.2024).

изнеженность современного человека и его неспособность к сильным чувствам, зависимость от комфорта, лишение всякого суждения о том, что хорошо и что плохо; недостаточный контакт между родителями и детьми; управляемость людьми с помощью рекламы, моды и т.п. унифицирующих сознание явлений; процессы дегуманизации наук и др. Совокупность всех этих патологических процессов составляет, по мнению философа, болезнь культуры. Лоренц называет ситуацию в культуре опасностью и болезнью, а свою книгу – призывом к исправлению, утверждая тем самым возможность преодоления затруднений и излечения современной культуры.

По мнению Й. Хёйзинги, современное понимание кризиса культуры должно подразумевать возможность управления им. Через сравнение культуры с игрой Хёйзинга в книге «*Homo ludens*» («Человек играющий») (1938) показывает, что кризисность культуры проявляется, когда отвлекаются от ее естественного игрового характера и пытаются из культуры извлечь выгоду. С.С. Аверинцев, анализируя «*Homo ludens*», показывает, что для Хёйзинги обличение культуры как игры является *действенным способом* вывести ее из общественной лжи: «Предполагается, что чем яснее и честнее культура осознает себя как «всего лишь» игру, тем больше шансов у нее стать высокой Игрой; но прежде всего у нее окажется шанс избежать включения во всеохватывающую систему хитроумной фальсификации. Подлинный мыльный пузырь – это все же почетнее, чем фальшивый банкнот»²⁴⁴. Выход из кризиса в том, чтобы продолжать созидание культуры, ибо в ней есть ценности, которые необходимо сохранить.

Идея управляющего воздействия на кризис культуры не обязательно выражается в требовании вмешательства с целью исправления; она может выражаться в призыве к членам общества взять ответственность за свой собственный внутренний мир. Так, по мнению А. Дж. Тойнби, для преодоления кризиса культуры, симптомами которого являются, в частности, всеобщее смешение всех сфер общественной жизни, вульгаризация

²⁴⁴ Аверинцев С.С. Культурология Йохана Хейзинги // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 171.

правлящего меньшинства, варваризация искусства, свободный язык, чувство «всесмешения» в религии и т.д., необходима кардинальная смена ценностей, которую Тойнби называет «новое рождение»²⁴⁵.

А. Вебер также считал, что кризис нельзя предотвратить внешне, через вмешательство в социальную структуру, в развитие техники и т.п., но был уверен в необходимости внутреннего преобразования человека, которое он называет «внутренней кристаллизацией человека»²⁴⁶ и «глубоко кристаллизующей и активизирующей человечностью»²⁴⁷. А. Печчеи говорит о необходимости внутренней трансформации человека, которая возможна с помощью новой этики – «нового гуманизма», который должен характеризоваться чувством глобальности, любовью к справедливости, мыслью о единстве мира и целостности человечества, нетерпимостью к насилию, признанием необходимости культурного развития человека и улучшении человеческих качеств всех жителей планеты, стремлением к самовыражению, раскрытию способностей человеческой личности.

Резюме. Смысловая вариативность концепта «кризис культуры» причинно обусловлена, во-первых, экстраполяцией на сферу культуры семантических значений понятия «кризис», сформировавшихся за пределами культурологического тематического поля; во-вторых, аксиологическими различиями в интерпретации кризиса культуры; в-третьих, концептуальными различиями в трактовках данного концепта, сложившимися в рамках философии культуры.

Вместе с тем исследование показало, что смысловая вариативность концепта «кризис культуры» ограничена доминирующим влиянием на его интерпретации *экономической* трактовки кризиса как нарушения равновесия и *менеджерской* трактовки кризиса как управляемого процесса. Это переводит рассуждения о кризисе культуры в телеологическую плоскость,

²⁴⁵ Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник. 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 351.

²⁴⁶ Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. С. 257.

²⁴⁷ Там же. С. 258.

выдвигая на первый план активность субъекта, призванного своими действиями способствовать преодолению деструктивных явлений в культуре, восстановлению ее равновесия и утраченной целостности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное диссертационное исследование представляет собой комплексный философский анализ полисемантической концепта «кризис культуры». На основе широкого охвата представленного в литературе теоретико-методологического материала было определено проблемное поле исследования, нацеленного на сопоставление смысловых коннотаций концепта «кризис культуры» с целью определения причин и границ его смысловой вариативности.

В проблемном поле, в рамках которого осуществлялось изучение концепта «кризис культуры», был выделен ряд теоретических проблем, зафиксированных в задачах исследования.

Первая задача была связана с необходимостью выявления оснований полисемантической концепта «кризис культуры» и определения связанных с ним смысловых коннотаций, утвердившихся в культурологическом дискурсе. В ходе решения этой задачи было установлено, что полисеманτικότητα понятия «кризис культуры» является, с одной стороны, результатом экстраполяции на сферу культуры широкого спектра семантических значений понятия «кризис», сформировавшихся в различных областях деятельности (медицине, экономике, богословии, истории, политике), а с другой – продуктом его дальнейшей концептуализации в рамках философии культуры.

На пути концептуальной рефлексии кризиса культуры был выделен ряд наиболее характерных смысловых коннотаций, связанных с пониманием кризиса культуры как неизбежной фазы, ведущей к упадку и смерти культуры, или как преходящей угрозы, требующей от субъекта решительных действий для ее преодоления. Объективистски ориентированные исследователи понимают кризис культуры как необходимую, периодически повторяющуюся фазу ее существования. Особо следует выделить проективный подход к кризису культуры, апелляция к которому часто

обусловлена идеологическими соображениями. Исследование показало, что предельно оппозиционными среди выделенных интерпретаций кризиса культуры являются апокалиптический взгляд на кризис, с одной стороны, и его понимание как управляемого и даже проектируемого феномена – с другой.

Анализ сложившихся в философии культуры трактовок кризиса культуры на теоретико-методологическом, онтологическом и семантическом уровнях позволил разделить их на три группы. В первую были объединены представления, обусловленные теоретико-методологическими и аксиологическими установками субъекта, вторая группа включала представления, связанные с признанием или отрицанием онтологического характера кризиса культуры, в третью группу вошли представления о кризисе культуры, вариативность которых была опосредована характером используемых содержательных метафор.

Поиски причин смысловой вариативности концепта «кризис культуры» показали, что кризисные явления связываются как с долгосрочными изменениями в культуре, так и с описаниями случайных новаций, а также с апокалиптическими ожиданиями. При этом разброс трактовок с положительной и отрицательной коннотацией отражает факт идеологической нагруженности концепта «кризис культуры».

Исследование показало, что ключевым фактором, фундирующим направленность смысловых вариаций концепта «кризис культуры», является экстраполированный на него менеджерский смысл, позволяющий рассматривать кризис культуры как управляемый процесс. Управление кризисом предусматривает три стадии: диагностику наличного состояния культуры, прогнозирование и поиски путей реализации желаемого образа будущего.

В XX в. фактором, усиливающим смысловую вариативность концепта «кризис культуры», стало разрушение ее целостности, превращение культуры в призрачную, иллюзорную реальность. Эта характеристика была

использована в качестве отправной точки в рассуждениях постмодернистов, рассматривающих культуру как «ризому» и отрицающих само существование социокультурной реальности как самостоятельной формы бытия. Постмодернисты, по сути, используют кризис культуры как контрдискурс по отношению к классической культуре и как инструмент дискредитации социальной реальности.

Последняя задача диссертационного исследования заключалась в установлении причин и границ смысловой вариативности концепта «кризис культуры». В ходе решения этой задачи было показано, что смысловая вариативность концепта «кризис культуры» причинно обусловлена, во-первых, экстраполяцией на сферу культуры семантических значений понятия «кризис», сформировавшихся за пределами культурологического тематического поля; во-вторых, аксиологическими различиями в интерпретации кризиса культуры; в-третьих, концептуальными различиями в трактовках данного концепта, сложившимися в рамках философии культуры. Вместе с тем смысловая вариативность концепта «кризис культуры» ограничена доминирующим влиянием на его интерпретации экономического понимания кризиса как нарушения равновесия и менеджерского понимания кризиса как управляемого процесса. Это переводит рассуждения о кризисе культуры в телеологическую плоскость, выдвигая на первый план активность субъекта, призванного своими действиями способствовать преодолению деструктивных явлений в культуре, восстановлению ее равновесия и утраченной целостности.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить причины полисемантности концепта «кризис культуры», разработать классификацию его смысловых трактовок и показать связь проектов культурного развития с вариативностью интерпретаций концепта «кризис культуры». Исследование показало, что особенным эвристическим потенциалом обладает менеджерский смысл концепта «кризис культуры», предполагающий понимание последнего в качестве управляемого процесса и

эффективного инструмента для решения стоящих перед конкретными субъектами задач. Это позволяет прогнозировать рост востребованности в философии культуры субъектной парадигмы и связанных с нею теоретико-методологических подходов как наиболее перспективных при изучении кризисных явлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абеляр, П. Диалог между философом, иудеем и христианином [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/HRISTIAN/ABELAR/dialog.txt> (дата обращения: 04.03.2024).
2. Аверинцев, С. С. Культурология Йохана Хейзинги / С. С. Аверинцев // Вопросы философии. – 1969. – № 3. – С. 169 – 174.
3. Аврелий, А. О Граде Божиим [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/ (дата обращения: 10.03.2025).
4. Акимова, Р. С. Мировоззренческая сущность кризиса современного образования / Р. С. Акимова // Современные наукоемкие технологии. – 2008. – №5. – С. 12 – 13.
5. Анатомия кризисов / А. Д. Арманд, Д. И. Люри, В. В. Жерихин, В. Т. Буданов [и др.]. – Москва : Наука, 1999. – 238 с.
6. Аристотель Политика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf (дата обращения: 03.03.2025).
7. Ахиезер, А. История России: конец или новое начало? / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко. – Москва : Новое издательство, 2008. – 464 с.
8. Ахиезер, А. С. Динамика нравственности как основа прогноза / А. С. Ахиезер // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / под общ. ред. Т.И. Заславской. – Москва : Интерпракс, 1994. – С. 219 – 222.
9. Бастиан, Т. Кризис окружающей среды: Кардинал. вопр. предотвращения войны: Пер. с англ. / Т. Бастиан; Под ред. Б. Б. Бондаренко, И. А. Корнеева. - Санкт-Петербург : ПРОПО, 1995. – 60 с.
10. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва : Логос, 2005. – 390 с.

11. Бауман, З. Текущая современность: взгляд из 2011 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/4992> (дата обращения: 01.12.2024).
12. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
13. Белавин, В. А. Модели синергетики, развитие человечества, демографические кризисы [Электронный ресурс] / В. А. Белавин, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – URL: <http://spkurdyumov.ru/what/modeli-sinergetiki/> (дата обращения: 15.02.2024).
14. Белл, Д. Культурные противоречия капитализма / Д. Белл // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. – М., 1996. – С. 699–703.
15. Белобородов, Д. В. Технократия как социально-экономическая опора антикризисного управления: институционально-аксиологические аспекты / Д. В. Белобородов // Дефиниции культуры: Сб. трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых. – Томск : Издательство Том. ун-та, 2011. – Вып. IX. – С. 14–24.
16. Беляевская, Е. Г. Лексико-семантическое варьирование в традиционной и когнитивной перспективе / Е. Г. Беляевская // Норма и вариативность в языке и речи. – 2017. – С. 60–78.
17. Беме, Я. Аврора или Утренняя заря в восхождении / Я. Беме ; пер. с нем. А. Петровского. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 410, [6] с.
18. Беме, Я. Путь души из тьмы к истинной иллюминации [Электронный ресурс]. – URL: <http://sostoyanie.ru/2010-03-31-19-22-05/2010-03-31-19-22-43/188--q-q.html> (дата обращения: 20.10.2024).
19. Бердяев, Н. А. Дух и реальность / Н. А. Бердяев ; вступ. ст. и сост. В. Н. Калгожного. – Москва : АТС; Харьков : Фолио, 2003. – 679, [9] с.
20. Бердяев, Н. А. Кризис искусства [Электронный ресурс]. – URL: http://www.odinblago.ru/krizis_iskusstva (дата обращения: 20.10.2024).

21. Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – Москва : Республика, 1993. – 383 с.
22. Бердяев, Н. А. Предсмертные мысли Фауста [Электронный ресурс]. – URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/berdyayev_n_a_predsmertn (дата обращения: 11.02.2025).
23. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464> (дата обращения: 12.07.2024).
24. Бодрова, Е. В. Кризис системы образования. Поиск новой парадигмы образования на рубеже XX-XXI веков / Е. В. Бодрова, С. Б. Никитина // Официальный сайт Московского Гуманитарного Университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2009/professor.ru/Bodrova&Nikitina.pdf> (дата обращения: 12.08.2024).
25. Боровик, В. Тайна, завернутая в загадку / В. Боровик // Свет: природа и человек. – 2006. – № 10. – С. 64 – 68.
26. Бороноев, А. О. Россия и русские: характер народа и судьбы страны / А. О. Бороноев, П. И. Смирнов. – Санкт-Петербург : Лениздат, 1992. – 142 с.
27. Бранский, В. П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории / В. П. Бранский // Общественные науки и современность, 1999. – № 6. – С. 117 – 127.
28. Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые ; Пер. с фр. : А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 562 с.
29. Бурмакин, Э. В. Потребность в нематериальном (нужна ли реабилитация «массовой культуры»?) / Э. В. Бурмакин // Дефиниции культуры: Сб. трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых. – Томск : Издательство Том. ун-та, 2004. – С. 3 – 7.

30. Ванденко, А. Патриарх Кирилл: отрицая Божию правду, мы разрушаем мир. Первое светское интервью главы Русской православной церкви, 10 марта 2015 г. / А. Ванденко // ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/top-officials/1812568> (дата обращения: 03.04.2024).
31. Вебер, А. Избранное: Кризис европейской культуры / А. Вебер. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. – 565 с.
32. Вебер, М. Наука как призвание и профессия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/POLITOLOG/weber.txt> (дата обращения: 03.01.2024).
33. Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико. – Москва ; Киев : «REFL-book», «ИСА», 1994. – 656 с.
34. Виноградов, В. В. Сплотить, сплоченный, сплоченность // История слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wordhist.narod.ru/splotit_splotschennij.html (дата обращения: 30.01.2025).
35. Волченко, В. Н. Современное миропонимание и экоэтика XXI века / В. Н. Волченко. – Москва : Изд-во МГТУ им.Н.Э.Баумана, 2000. – 262 с.
36. Гаспарян, Д. Э. Введение в неклассическую философию / Д. Э. Гаспарян. – Москва : Издательство РОССПЭН, 2011. – 398 с.
37. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии духа. Введение / Г.В.Ф. Гегель ; пер. с нем. М.Ф. Быковой // Логос. – 1999 (14). – № 4. – С. 119 – 132.
38. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель ; отв. ред. Е.П. Ситковский, ред. коллегия : Б.М. Кедров и др. – Москва : Мысль, 1977. – Т. 3: Философия духа. – 471 с.
39. Гидденс, Э. Трансформация интимности / Э. Гидденс. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 208 с.
40. Гиппократ. Сочинения / Гиппократ ; Пер. В. И. Руднева, комм. В. П. Карпова. – Москва : Биомедгиз, 1936. – Т.1. – 736 с.

41. Гиппократ. Сочинения / Гиппократ ; Пер. В. И. Руднева, комм. В. П. Карпова. – Кн. 2. – Москва : Медгиз, 1944. – 512 с.
42. Глазьев, С. Ю. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов / С. Ю. Глазьев // Вопросы экономики. – 2009. – № 3. – С. 26 – 38.
43. Голиков, Ф. Ф. Антропологические основания кризиса культуры взаимодействия людей / Ф. Ф. Голиков // Дефиниции культуры: Сб. трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых. – Томск : Издательство Том. ун-та, 2011. – Вып. IX. – С. 225 – 230.
44. Грицанов, А. А. Постмодернизм. Энциклопедия [Электронный ресурс] / А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/encycl/post_mod_encyclop_all.html (дата обращения: 20.06.2024).
45. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Санкт-Петербург : Кристалл, 2001. – 640 с.
46. Гусев, Д. А. Краткий курс логики: Искусство правильного мышления / Д. А. Гусев. – Москва : Изд-во НЦ ЭНАС, 2003. – 190 с.
47. Гусейнов, А. А. Философия. Мораль. Политика / А. А. Гусейнов. – Москва : Академкнига, 2002. – 304 с.
48. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология [Электронный ресурс] / Э. Гуссерль. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_01/07.htm (дата обращения: 15.03.2024).
49. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия [Электронный ресурс] / Э. Гуссерль. – Режим доступа: <https://reallib.org/reader?file=59013> (дата обращения: 03.07.2024)
50. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа [Электронный ресурс] / Н. Я. Данилевский. – Режим доступа: <http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny-list.htm> (дата обращения: 05.09.2024).

51. Дворниченко, О. И. Сергей Аверинцев: «В обществе нарастает нелюбовь к двум вещам: к логике и к ближнему своему»: Пророческий дар выдающегося ученого подтверждают наши времена / О. И. Дворниченко // Новая газета. – 14.02.2022. – № 16 (3316). – С. 22-23.
52. Делез, Ж., Гваттари, Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург : У-Фактория; М. : Астрель, 2010. – 895 с.
53. Делягин, М. Мировой кризис. Общая теория глобализации / М. Делягин. – Москва : ИНФРА-М, 2003. – 768 с.
54. Дементьев, Б. П. Ценности современного российского общества в контексте специфики российской ментальности / Б. П. Дементьев // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2011. – № 6-2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva-v-kontekste-spetsifiki-rossiyskoj-mentalnosti> (дата обращения: 07.02.2022).
55. Доброхотов, А. Л. Философия культуры / А. Л. Доброхотов. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 557 с.
56. Дотдужева, З. С., Ловянникова, В. В. Теории кризисов: эволюция, причинно-видовые аспекты / З. С. Дотдужева, В. В. Ловянникова // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 6 (49). – С. 262–264.
57. Дугин, А. Г. В системе ценностей России нет места равенству и братству [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://life.ru/p/832541> (дата обращения: 15.01.2022).
58. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А. Б. Гофмана. – Москва : Канон, 1996. – 432 с.
59. Евстафьев, Д. Г. Кризис современного информационного общества как отражение кризиса глобального мира / Д. Г. Евстафьев // Свободная мысль. – 2021. – № 1 (1685). – С. 162–175.

60. Еляков, А. Д. Виртуальное и реальное (О процессе разрушения социального) / А. Д. Еляков // *Философия и общество*. – 2010. – № 2. – С. 60–76.
61. Запесоцкий, А. С. *Философия и социология культуры: избранные научные труды* / А. С. Запесоцкий. – Санкт-Петербург : СПбГУП : Наука, 2011. – 816 с.
62. Иглтон, Т. *Идея культуры* / Т. Иглтон ; пер. с англ. И. Кушнаревой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 192 с.
63. Игнатъев, В. И. И грядет «другой» актер... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности / В. И. Игнатъев // *Социология науки и технологий*. – 2019. – № 1. – С. 64–78.
64. Ильин, И. А. *Аксиомы религиозного опыта: в 2 т.* / И. А. Ильин. – Москва : ТОО Рарогъ, 1993. – Т. I–II. – 448 с.
65. Ильин, И. П. *Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/CULTURE/ILIN/poststrukt.txt> (дата обращения: 15.03.2024).
66. *Инициатива ФОМ: изучение благополучия россиян* // ФОМ, 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fom.ru/TSennosti/14244> (дата обращения: 20.01.2022).
67. Исаев, И. А. *Господство. Очерки политической философии* / И. А. Исаев. – Москва : Норма, 2008. – 352 с.
68. Каган, М. С. *Философия культуры: учебное пособие* / М. С. Каган. – Санкт-Петербург, 1996. – 415 с.
69. Каган, М. С. *Философская теория ценности* / М. С. Каган. – Санкт-Петербург : ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
70. Камю, А. *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство* / А. Камю ; пер. с фр. – Москва : Политиздат, 1990. – 415 с.

71. Капица, С. П., Курдюмов, С. П., Малинецкий, Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего / С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. – Москва : Эдиториал УРСС, 2003. – 288 с.
72. Кармин, А. С. Культурология: учебник / А. С. Кармин. – 6-е изд. – Санкт-Петербург : Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», издательство «Лань», 2011. – 928 с.
73. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. О. Касьянова. – Москва : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – 560 с.
74. Кирбаба, Ю. В. Феномен кризиса в системе культуры / Ю. В. Кирбаба // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2005. – № 5 (28). – С. 75–82.
75. Киселев, Г. С. Новая религиозность как проблема сознания / Г. С. Киселев // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 173–182.
76. Клисторин, В. И. Исторические перспективы заката Европы сто лет спустя / В. И. Клисторин // ЭКО. – 2017. – № 8 (518) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-perspektivy-zakata-evropy-sto-let-spustya> (дата обращения: 30.06.2024).
77. Книгин, А. Н. Философские проблемы сознания. Учебно-методический комплекс: в 2 ч. / А. Н. Книгин. – Томск : Томский государственный университет, 2006. – Ч. 1 : Конспект лекций. – 248 с.
78. Коваленко, С. В., Ермолаева, Л. К. Синергетическая парадигма политики: учебное пособие / С. В. Коваленко, Л. К. Ермолаева. – 2-е изд. – Москва : ФЛИНТА, 2014. – 229 с.
79. Колосова О. Ю. Социальная синергетика в управлении социальными системами // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 1 (7). – С. 118–120.
80. Конрад, Н. И. Избранные труды. История / Н. И. Конрад. – Москва : Наука, 1974. – 469 с.

81. Конт, О. Дух позитивной философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.100bestbooks.ru/files/Kont_Duh_pozitivnoy_filosofii.pdf (дата обращения: 15.02.2025).
82. Коркюф, Ф. Новые социологии [Электронный ресурс]. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. – 172 с. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/korkuf-nov_sociologii-81.pdf (дата обращения: 07.02.2025).
83. Коробейникова, Л. А. Исследование глобализации: диалог разнообразия / Л. А. Коробейникова // Дефиниции культуры: сб. трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых. – Томск : Издательство Том. ун-та, 2007. – Вып. VII. – С. 164–171.
84. Кребер, А. Л. Избранное: Природа культуры / А. Л. Кребер ; пер. с англ. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 1008 с.
85. Кризис института семьи в постиндустриальном обществе: анализ причин и возможности преодоления / Яновский К. [и др.]. – Москва : ИЭПП, 2007. – 243 с.
86. Кумбс, Ф. Г. Кризис образования в современном мире: системный анализ / Ф. Г. Кумбс ; пер. с англ. С. Л. Володиной [и др.]. – Москва : Прогресс, 1970. – 261 с.
87. Куда идет российская культура? (материалы «круглого стола») / Г. А. Гаджиев, А. С. Запесоцкий, А. Б. Куделин, В. Л. Марков, М. Б. Пиотровский, Г. М. Резник, В. С. Степин, Т. С. Юрьева // Вопросы философии. – 2010. – № 9. – С. 3–59.
88. Кудрин, А. Л. Мировой финансовый кризис / А. Л. Кудрин // Вопросы экономики. – 2009. – № 1. – С. 9–27.
89. Курьезы науки: будут ли патентовать гены? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravda.ru/science/useful/09-01-2013/1137399-gen_patentio-0/ (дата обращения: 09.01.2023).

90. Лапин, Н. И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России / Н. И. Лапин // Мир России. – 2003. – Т. 12. – № 4. – С. 120–159.
91. Лапин, Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации / Н. И. Лапин // Социологические исследования (СОЦИС). – 2011. – № 9. – С. 3–18.
92. Лапин, Н. И. Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) / Н. И. Лапин // Мир России. – 1992. – Т. I. – № 1. – С. 5–37.
93. Лапин, Н. И., Масалков, И. К. Методология диагностики больного общества / Н. И. Лапин, И. К. Масалков // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 51–52.
94. Лексин, В. Н. Цивилизационный кризис и его российские последствия / В. Н. Лексин // Общественные науки и современность. – 2009. – № 6. – С. 5–18.
95. Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/FILOSOF/LEONTIEV_K/wisantizm_slawyanstwo.txt (дата обращения: 09.03.2025).
96. Лехциер, В. Л. Культура как пас / В. Л. Лехциер // Вестник современного искусства «Цирк «Олимп». – 1995. – № 2. – С. 13.
97. Лехциер, В. Л. Феноменология «пере-»: введение в экзистенциальную аналитику переходности / В. Л. Лехциер. – Самара : Самарский университет, 2007. – 354 с.
98. Лиотар, Ж. Состояние постмодерна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/3097> (дата обращения: 12.06.2024).
99. Лоренц, К. Агрессия (так называемое зло) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/konrad_lorents/agressiya_tak_nazivaemoe_zlo.html (дата обращения: 03.12.2024).

100. Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Обратная сторона зеркала: сб. трудов / пер. с нем. и предисл. А. И. Фета ; редакция А. В. Гладкого ; примеч. А. И. Фета и А. В. Гладкого. – Нюкёпинг (Sweden) : Philosophical arkiv, 2016. – С. 17–94.
101. Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. Сборник трудов / К. Лоренц. – Нюкёпинг (Sweden) : Philosophical arkiv, 2016.
102. Лосев, А. Ф. Дерзание духа / А. Ф. Лосев. – Москва : Политиздат, 1988. – 366 с.
103. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – Москва : Политиздат, 1991. – 525 с.
104. Лукин, С. В. Ветхозаветный и новозаветный взгляд на кризисные явления в экономике / С. В. Лукин // Проблемы современной экономики. – 2009. – № 4. – С. 419–422.
105. Луман, Н. Общество общества. Кн. 1: Общество как социальная система. Кн. 2: Медиа коммуникации. Кн. 3: Эволюция / Н. Луман. – Москва : Логос, 2011. – 640 с.
106. Луман, Н. Общество общества. Кн. 4: Дифференциация, Кн. 5: Самоописания / Н. Луман. – Москва : Логос, 2011. – 640 с.
107. Лютер, М. 95 Тезисов. Диспут о прояснении действительности индугенций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://thirdmill.org/files/russian/upload/50950~3_21_01_3-57-32_PM~__95__\(Martin_Luther__95_Theses\).htm](https://thirdmill.org/files/russian/upload/50950~3_21_01_3-57-32_PM~__95__(Martin_Luther__95_Theses).htm) (дата обращения: 09.03.2025).
108. Макейчик, А. А. Аксиология: монография / А. А. Макейчик; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ, 2004. – 128 с.
109. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – Москва : Планета, 1990. – 80 с.
110. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. – Москва : Прогресс, 1990. – 368 с.

111. Мамардашвили, М. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы / М. Мамардашвили. – Москва : Логос, 2004. – 272 с.
112. Мамфорд, Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Л. Мамфорд ; пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратов (1 глава). – Москва : Логос, 2001. – 408 с.
113. Манхейм, К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – Москва : Юрист, 1994. – 697 с.
114. Мантатова, Л. В. Ценностные основания современного цивилизационного развития: автореф. дис. ... д-ра филос. наук (09.00.11), 2004 / Л. В. Мантатова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/tsennostnye-osnovaniya-sovremennogo-tsivilizatsionnogo-razvitiya> (дата обращения: 03.04.2022).
115. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения / К. Маркс ; 2 изд., т. 25, ч. 1. – Москва : Гос. изд. полит. лит., 1961. – 545 с.
116. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – Москва : REFL-book, 1994. – 368 с.
117. Мартынов, М. Ю., Сердюков, Д. В. Концепт «кризис» как инструмент артикуляции политических интересов в общественно-политическом дискурсе (на примере российских федеральных и региональных средств массовой информации) / М. Ю. Мартынов, Д. В. Сердюков // Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5. – № 3. – С. 56–74.
118. Маслаков, С. В. Критика постмодернизма как глобальный тренд современности / С. В. Маслаков // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 12. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kritika-postmodernizma-kak-globalnyy-trend-sovremennosti> (дата обращения: 08.03.2020).
119. Мау, В. Глобальный кризис: опыт прошлого и вызовы будущего В. Мау // Экономическая политика. – 2009. – № 4. – С. 47–61.

120. Минюшев, Ф. И. Социальная антропология (курс лекций) / Ф. И. Минюшев. – Москва : Международный университет бизнеса и управления, 1997. – 192 с.
121. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль ; пер. с фр. / предисл. Б. В. Бирюкова. – 3-е изд. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
122. Мор, Т. Утопия / Т. Мор. – Москва : Директ-Медиа, 2006. – 207 с.
123. Мунье, Э. Манифест персонализма / Э. Мунье. – Москва : Республика, 1999. – 559 с.
124. Назаретян, А. П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического процесса) : курс лекций / А. П. Назаретян. – 2-е изд., дораб. и доп. – Москва : Наследие, 1996. – 184 с.
125. Назаретян, А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии / А. П. Назаретян. – Москва : Либроком, 2012. – 256 с.
126. Назаретян, А. П. «Столкновение цивилизаций» и «Конец истории» / А. П. Назаретян // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 140–146.
127. Назаретян, А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика - психология – прогнозирование / А. П. Назаретян. – Москва : Мир, 2004. – 368 с.
128. Некипелов, А. Д. Кризис в экономической науке – природа и пути преодоления / А. Д. Некипелов // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89. – № 1. – С. 24–37.
129. Ницше, Ф. Несвоевременные размышления II. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше, Ф. Полное собрание сочинений : в 13 томах / Ин-т философии. – Москва : Культурная революция, 2005–2014. – Т. 1/2 : Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. – 2013. – С. 83–172.

130. Ницше, Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше ; пер. с нем., сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 2. – 829 с.
131. О нравственности, патриотизме, культуре и бескультурии (актуальный разговор на вечные темы). Материалы «круглого стола» в Санкт-петербургском гуманитарном университете профсоюзов / Д. А. Гранин, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, С. П. Капица, В. К. Мамонтов, Г. М. Резник // Вопросы философии. – 2009. – № 11. – С. 3–27.
132. Обама, Б. Дерзость надежды: мысли о возрождении американской мечты / Б. Обама ; пер. с англ. Т. Камышниковой, А. Митрофанова. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. – 416 с.
133. Ожиганов, Э. Н. Стратегический анализ политики: Теоретические основания и методы : учеб. пособие / Э. Н. Ожиганов. – Москва : Аспект-Пресс, 2006. – 270 с.
134. Окунев, И. Ю. Стэнфордская модель кризиса развития / И. Ю. Окунев // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 3. – С. 136–144.
135. Омельченко, Н. В. Опыт философской антропологии / Н. В. Омельченко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – 216 с.
136. Орлова, И. Б. Социология культуры // Российская социологическая энциклопедия / под общей редакцией академика РАН Г. В. Осипова. – Москва : Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1998. – С. 504.
137. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства. Тема нашего времени // Самосознание европейской культуры XX века. – Москва, 1991. – С. 230–263.
138. Ортега-и-Гассет, Х. Размышления о технике / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1993. – № 10. – С. 32–55.
139. Осина, О. Н. Основания культуры как факторы цивилизационного становления : автореф. дис. ... канд. филос. наук (09.00.11), 2005 / О. Н. Осина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/osnovaniya-kultury-kak-factory-tsvivilizatsionnogo-stanovleniya> (дата обращения: 17.07.2022).

140. Палатников Д. Е. Социальная синергетика как новая парадигма в социально-философском познании // *Фундаментальные исследования*. – 2009. – № 1. – С. 89–90.
141. Пелипенко, А. А. Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 376 с.
142. Петренко, В. В. Постмодерн и проблема культурной коммуникации // *Дефиниции культуры : сб. трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых*. – Томск : Издательство Том. ун-та, 1998. – Вып. 3. – С. 139–145.
143. Петрова, Г. И. Современная философия управления: становление и поиски объекта управленческой деятельности в условиях коммуникативной онтологии социальности / Г. И. Петрова // *Проблемы управления в социальных системах*. – 2009. – Т. 1. – № 1. – С. 56–65.
144. Петрова, Г. И. Философия науки в России: поиски обоснования национальной самобытности / Г. И. Петрова // *Вестник Томского государственного университета*. – 2007. – № 299. – С. 50–54.
145. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи ; пер. с англ. О. В. Захаровой ; общая редакция и вступ. ст. Д. М. Гвишиани. – 2-е изд. – Москва : Прогресс, 1985. – 311 с.
146. Пигалев, А. И. Апокалиптика постмодерна : монография / А. И. Пигалев ; Федер. гос. бюдж. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т». – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. – 231 с.
147. Пигалев, А. И. Культура как целостность: (Методологические аспекты) / А. И. Пигалев. – Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. – 468 с.
148. Пигалев, А. И. Призрачная реальность культуры: (Фетишизм и наглядность невидимого) / А. И. Пигалев. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2003. – 354 с.

149. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека / Д. П. Мирандола // Эстетика Ренессанса: Антология: в 2 т. Т. 1 / сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. – Москва : Искусство, 1981. – С. 248–265.
150. Платон. Собр. соч. : в 4 томах / Платон. – Москва, 1994. – Т. 3. – 654 с.
151. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Т. 1 : Чары Платона / К. Поппер ; Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – Москва : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
152. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Т. 2 : Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / К. Поппер ; Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – Москва : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
153. Поцци, В. Культура как *paideia*. Сергей Аверинцев и Ольга Седакова: путь к современному христианскому гуманизму / В. Поцци // Вестник Свято-Филаретовского института. – 2019. – № 32. – С. 67–109.
154. Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси «Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на IX Парламентских встречах в Государственной Думе РФ 18 мая 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5810582.html> (дата обращения: 03.06.2023).
155. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – Москва : Прогресс, 1986. – 432 с.
156. Прокофьева, Т. А. Концепт «кризис» в современном политическом дискурсе : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т.А. Прокофьева ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2006. – 24 с.
157. Пудов, А. Г. Кризис технической цивилизации и его влияние на менталитет: Теоретико-методологический аспект : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.01 / А. Г. Пудов ; Якутский гос. ун-т им. М. К. Аммосова. – Якутск, 2001. – 18 с.

158. Пушкарёва, Г. В. Политические кризисы: содержание, виды и факторы эскалации / Г. В. Пушкарёва // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2016. – № 1. – С. 140–164.
159. Радаев, В. А. Церковное участие в области обеспечения духовной безопасности России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/10/11/cerkovnoe_uchastie_v_oblasti_obespecheniya_duhovnoj_bezopasnosti_rossii (дата обращения: 10.01.2025).
160. Рахинский, Д. В. Инструментальный подход к традиции в концептуальном и общественном контекстах [Электронный ресурс] / Д. В. Рахинский, Г. А. Илларионов, А. Н. Городищева, Н. А. Князев // Социодинамика. – 2021. – № 3. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35210 (дата обращения: 20.01.2025).
161. Ребещенкова, И. Г. Концепция культуры как живой системы К. Лоренца / И. Г. Ребещенкова // Записки Горного института. – 2008. – № 175. – С. 277–278.
162. Релятивизм как болезнь современной философии / Под ред. В. А. Лекторского. – Москва : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. – 392 с.
163. Рено, А. Эра индивида. К истории субъективности / А. Рено. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2002. – 474 с.
164. Рикер, П. Политика, экономика, общество. Рукописи и выступления 4 / П. Рикер ; пер. с фр. И. С. Вдовиной. – Москва : Центр гуманитарных инициатив, 2021. – 240 с.
165. Ритцер, Дж. Макдональдизация общества 5 / Дж. Ритцер ; пер. с англ. А. В. Лазарева ; вступ. статья Т. А. Дмитриева. – Москва : Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 592 с.
166. Рогоцкий, Е. Томление духа / Е. Рогоцкий // Свет: природа и человек. – 2006. – № 7. – С. 81–84.
167. Розе, В. На пути к духовному / В. Розе // Свет: природа и человек. – 2003. – № 2. – С. 18–22.

168. Рэнд, А. Капитализм: Незнакомый идеал / Айн Рэнд ; с добавлением статей Натаниэля Брандена, Алана Гринспена и Роберта Хессена. – М.: Альпина Паблишер, 2024. – 422 с.

169. Рюмина, М. С. Экзистенциальный кризис образования в современном обществе : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / М. С. Рюмина ; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2017. – 143 с.

170. Семенова, С. Христианство требует от человека естественных вещей для его духовного здоровья и нравственного достоинства. Интервью с А. И. Осиповым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruskline.ru/monitoring_smi/2008/02/20/hristianstvo_trebuet_ot_cheloveka_estestvennyh_vewej_dlya_ego_duhovnogo_zdorov_ya_i_nravstvennogo_dostoinstva/ (дата обращения: 15.03.2024).

171. Сепир, Э. Культура подлинная и мнимая // Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. – Москва : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – С. 465 – 493.

172. Сидорина, Т. Ю. Философия кризиса: учеб. пособие для гуманитарных и негуманитарных направлений и спец. вузов / Т. Ю. Сидорина. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 455 с.

173. Смирницкий, А. И. К вопросу о слове: (Проблема «тождества слова») // Труды Института языкознания. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 4. – С. 3–49.

174. Соколов, А. М. Философия Дж. Вико и становление философского понимания традиции / А. М. Соколов // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2013. – № 1. – С. 60–68.

175. Соловьев, В. С. Сочинения: в 2 т. / В. С. Соловьев. – Москва : Правда, 1989. – Т. 2. – 736 с.

176. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – Москва : Политиздат, 1992. – 543 с.

177. Спенсер, Г. Основания социологии / Г. Спенсер. – Санкт-Петербург : И. И. Билибин, 1877. – 412 с.
178. Степин, В. С. Саморазвивающиеся системы и перспективы техногенной цивилизации / В. С. Степин // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 12–27.
179. Степин, В. С. Философская антропология и философия науки / В. С. Степин. – Москва : Высшая школа, 1992. – 191 с.
180. Сузо, Г. Книжка об истине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/suzo-genrih/knizhka-ob-istine> (дата обращения: 20.02.2024).
181. Сыров, В. Н. Как возможна современная социальная философия / В. Н. Сыров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2011. – № 2. – С. 20–27.
182. Тавризян, Г. М. О. Шпенглер, И. Хейзинга: две концепции кризиса культуры / Г. М. Тавризян. – Москва : Искусство, 1988. – 272 с.
183. Таулер, И. Царство Божие внутри нас [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A2/tauler-iohann/carstvo-bozhie-vnutri-nas> (дата обращения: 20.02.2024).
184. Тейяр де Шарден. Феномен человека / Тейяр де Шарден. – Москва : Наука, 1987. – 240 с.
185. Телин, К. О. Политический кризис в зарубежной мысли: концептуализация понятия / К. О. Телин, А. В. Полосин // Политические науки. – 2016. – № 4. – С. 93–110.
186. Тиллих, П. Мужество быть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.altrea.narod.ru/tillich/mut.html (дата обращения: 01.07.2021).
187. Тойнби, А. Дж. Постижение истории: сборник / А. Дж. Тойнби ; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – 2-е изд. – Москва : Айрис-пресс, 2002. – 640 с.

188. Токарева, С. Б. Проблема духовного опыта и методологические основания анализа духовности / С. Б. Токарева. – Волгоград : ВолГУ, 2003. – 256 с.
189. Тоффлер, Э. Шок будущего: пер. с англ. / Э. Тоффлер. – Москва : АСТ, 2002. – 557 с.
190. Трепалина, Н. Е. Кризис европейской культуры: постановка проблемы и пути ее решения на рубеже XIX–XX веков [Электронный ресурс] // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2015. – № 7. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-evropeyskoj-kultury-postanovka-problemy-i-puti-ee-resheniya-na-rubezhe-hih-hh-vekov> (дата обращения: 10.05.2024).
191. Туган-Барановский, М. И. Периодические промышленные кризисы. История англ. кризисов. Общая теория кризисов // Туган-Барановский М. И. Избранное / отв. ред. Л. И. Абалкин. – Москва : Наука, Росспэн, 1997. – 574 с.
192. Углинская, Н. А. Кризис культуры: кризис системы ценностей или кризис стратегий действия? / Н. А. Углинская // КАНТ. – 2020. – № 3(36). – С. 191–195.
193. Углинская, Н. А. Потребление как неотъемлемое свойство современной культуры / Н. А. Углинская, О. С. Воронежская // В мире научных открытий. – Красноярск : Научно-инновационный центр, 2013. – № 1.3 (37) (Гуманитарные и общественные науки). – С. 294–305.
194. Углинская, Н. А. Противоречия современного российского общества: аксиологический аспект / Н. А. Углинская, Г. А. Печников, П. П. Смольяков // КАНТ. – Ставрополь : Ставролит, 2022. – № 2 (43). – С. 188–194.
195. Федоров, Н. Ф. Сочинения / Н. Ф. Федоров. – Москва : Мысль, 1982. – 709 с.
196. Федотова, В. Г. Хорошее общество / В. Г. Федотова. – Москва : Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.

197. Философские проблемы социально-гуманитарных наук / А. Л. Стризов [и др.]. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. – 452 с.
198. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – Москва : Республика, 1992. – 511 с.
199. Франк, С. Л. Кризис западной культуры [Электронный ресурс]. – URL: http://www.odinblago.ru/frank_krizis_zapad (дата обращения: 15.01.2025).
200. Франк, С. Л. Кризис современной философии / С. Л. Франк // Русская мысль. – 1916. – № 9. – С. 33–40.
201. Фролов, Э. Д. Феномен кризиса в социально-политической и духовной жизни античного мира (к постановке проблемы) / Э. Д. Фролов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2010. – № 3. – С. 9–19.
202. Фромм, Э. Здоровое общество. Догмат о Христе / Э. Фромм. – Москва : АСТ: Транзиткнига, 2005. – 571 с.
203. Фуко, М. Ницше, генеалогия и история [Электронный ресурс]. – URL: <https://nietzsche.ru/look/xxb/fuko/> (дата обращения: 10.06.2024).
204. Фуко, М. Слова и вещи [Электронный ресурс]. – URL: http://lib.ru/CULTURE/FUKO/weshi.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 10.07.2024).
205. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – Москва : АСТ : Ермак, 2005. – 588 с.
206. Хабермас, Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас ; пер. с нем. Л. В. Воропай; общ. ред. и вступит. статья О. В. Кильдюшов; примечания, именной и предметный указатели Т. А. Дмитриев. – Москва : Праксис, 2010. – 264 с.
207. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме [Электронный ресурс]. – URL: http://bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme (дата обращения: 20.09.2024).
208. Хёйзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: пер. с нидерл. / Й. Хейзинга ; общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. – Москва : Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 464 с.

209. Хёйзинга, Й. Осень средневековья: соч. в 3 т. Т. 1 / Й. Хёйзинга ; пер. с нидерланд. ; вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой. – Москва : Прогресс – Культура, 1995. – 416 с.
210. Хёйзинга, Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: эссе / Й. Хёйзинга ; сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова; коммент. Д. Харитоновича. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 456 с.
211. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения / М. Хоркхаймер, Т. В. Адорно. – Москва ; Санкт-Петербург : Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
212. Хорьков, М. Л. Майстер Экхарт: Введение в философию великого рейнского мистика / М. Л. Хорьков. – Москва : Наука, 2003. – 278 с.
213. Цофнас, А. Ю. Аспекты понимания финансового кризиса / А. Ю. Цофнас // Вопросы философии. – 2009. – № 11. – С. 53–61.
214. Человеческое существование в условиях социальной модернизации / под ред. Н. В. Омельченко. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2012. – 447 с.
215. Швейцер, А. Упадок и возрождение культуры. Избранное / А. Швейцер. – Москва : Прометей, 1993. – 512 с.
216. Шелер, М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: переводы. – Москва : Прогресс, 1988. – С. 31–95.
217. Шелов-Коведяев, Ф. В. Об императивах внешней политики (К философии выхода России из кризиса) / Ф. В. Шелов-Коведяев // Общественные науки и современность. – 2009. – № 6. – С. 19–36.
218. Шохин, В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль: монография / В. К. Шохин. – Москва : Изд-во РУДН, 2006. – 457 с.
219. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер ; авт. вступит. статьи А. П. Дубнов ; авт. комментариев Ю. П. Бубенков и А. П. Дубнов. – Новосибирск : ВО «Наука»: Сибирская издательская фирма, 1993. – 592 с.

220. Шубрт, И. Размышления о понятии «кризис» / И. Шубрт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 6 (36). – С. 70–84.
221. Эко, У. Заклятие сатаны. Хроники текучего общества / У. Эко ; пер. с итал. Я. Арьковой, И. Боченковой, Е. Степанцовой и А. Ямпольской. – Москва : АСТ : CORPUS, 2019. – 704 с.
222. Экхарт, М. Духовные проповеди и рассуждения / М. Экхарт. – Москва : Политиздат, 1991. – 192 с.
223. Яковец, Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю. В. Яковец. – Москва : Экономика, 2003. – 441 с.
224. Яковец, Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы / Ю. В. Яковец. – Москва : Наука, 1999. – 447 с.
225. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс ; пер. с нем. – Москва : Политиздат, 1991. – 527 с.
226. Azmanova, A. Crisis? Capitalism Is Doing Very Well. How Is Critical Theory? / A. Azmanova // Constellations. – 2014. – Vol. 21, No 3. – P. 351–365.
227. Bauman, Z. State of crisis / Z. Bauman, C. Bordoni. – Cambridge : Polity Press, 2014. –
228. Berkelaar, B. A culture-centered approach to crisis communication / B. Berkelaar, M. Dutta // Paper presented at the annual meeting of the NCA 93rd Annual Convention, Chicago, IL. – 2007. – P. 239-281. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-26470-3_6 (дата обращения: 15.03.2025).
229. Bidney, D. The Concept of Cultural Crisis / D. Bidney // American Anthropologist. – 1946. – № 48. – P. 534–552.
230. Bures, E. When Everything Is a Crisis, Nothing Is / E. Bures // Foreign Policy. – August 4, 2020. – URL: <https://foreignpolicy.com/2020/08/01/when-everything-is-a-crisis-nothing-is/> (дата обращения: 20.12.2024).

231. Chalozin-Dovrat, L. «Crisis» in Modernity: A sign of the times between decisive change and potential irreversibility / L. Chalozin-Dovrat // Discourse and Crisis: Critical perspectives / ed. by A. De Rycker, Z. M. Don. – 2013. – P. 69–97. – URL: https://www.academia.edu/6800725/_Chapter_Crisis_in_Modernity_A_sign_of_the_times_between_decisive_change_and_potential_irreversibility (дата обращения: 25.01.2025).

232. Dafermos, M. Discussing the Concept of Crisis in Cultural-historical Activity Research: a Dialectical Perspective / M. Dafermos // Human Arenas. – 2024. – Volume 7, Issue 2. – P. 273–292.

233. Fraser, N. Legitimation Crisis? On the Political Contradictions of Financialized Capitalism / N. Fraser // Critical Historical Studies. – 2015. – Vol. 2, No. 2 (Fall 2015). – P. 157-189.

234. Freeden, M. Crisis? How Is That a Crisis?! Reflections on an Overburdened Word / M. Freeden // Contributions to the History of Concepts. – 2017. – Vol. 12. – P. 12–28.

235. Graber, D. Mass Media and American Politics / D. Graber. – 7th ed. – Washington, DC : Congressional Quarterly Press, 2006.

236. Haiven, M. Crises of Imagination, Crises of Power / M. Haiven. – London, UK : Zed Books, 2014.

237. Hay, C. Narrating crisis: The discursive construction of the ‘Winter of Discontent’ / C. Hay // Sociology. – 1996. – 30(2). – P. 253–277.

238. Hearit, K. A social constructionist approach to crisis management: Allegations of sudden acceleration in the Audi 5000 / K. Hearit, J. Courtright // Communication Studies. – 2003. – 54(1). – P. 79–95.

239. Janzen, D. W. Crisis Culture: The Theory & Politics of Historical Rupture / D. W. Janzen. – A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in English. Department of English & Film Studies. University of Alberta, 2017. – 187 p.

240. Jessop, B. The Symptomatology of Crises, Reading Crises and Learning from Them: Some Critical Realist Reflections / B. Jessop // *Journal of Critical Realism*. – 2015. – № 14(3). – P. 238-271.
241. Koselleck, R. Crisis / trans. Michaela W. Richter / R. Koselleck // *Journal of the History of Ideas*. – 2006. – 67(2). – P. 357-400.
242. Krugman, P. *Arguing with Zombies. Economics, Politics, and the Fight for a Better Future* / P. Krugman. – New York : WW Norton & Co, 2020. – 415 p.
243. Millar, Frank E., Beck, Debra B. *Metaphors of crisis // Responding to Crisis : a rhetorical approach to crisis communication* / edited by Dan Pyle Millar, Robert L. Heath. – New York : London : Heath. Routledge Taylor & Francis Group, 2004. – P. 153 – 166.
244. Milstein, B. Thinking Politically about Crisis: A Pragmatist Perspective / B. Milstein. – URL: https://www.academia.edu/7215928/Thinking_Politically_about_Crisis_A_Pragmatist_Perspective (дата обращения: 25.11.2024).
245. Palti, E. J. From Ideas to Concepts to Metaphors: The German Tradition of Intellectual History and the Complex Fabric of Language / E. J. Palti // *History and Theory*. – 2010. – №49. – P. 194–211.
246. Parsons, T. On the Concept of Political Power / T. Parsons // *Proceedings of the American Philosophical Society*. – 1963. – Vol. 107, No. 3 (Jun. 19, 1963). – P. 232-262.
247. Raworth, K. *Doughnut economics: seven ways to think like a 21st-Century Economist* / K. Raworth. – New York : Random House, 2017.
248. Riemen, R. *Nobility of spirit: a forgotten ideal* / R. Riemen; translated by M. de Jager; foreword by George Steiner. – New Haven & London : Yale University Press, 2008. – 136 p.
249. Robinson, W. I. *Global capitalism and the crisis of humanity* / W. I. Robinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014

250. Roitman, J. *Anti-Crisis* / J. Roitman. – Durham, NC : Duke University Press, 2014. – 157 p.
251. Rycker, A. D. *Discourse in Crisis, Crisis in Discourse* / A. D. Rycker, Z. M. Don. – Publisher: John Benjamins Publishing Co, 2013. – P. 3-66.
252. Shank, J. B. *Crisis: A Useful Category of Post-Social Scientific Analysis?* / J. B. Shank // *American Historical Review*. – 2008. – 113 (4). – P. 1090–99.
253. Starn, R. *Historians and “Crisis”* / R. Starn // *Past and Present*. – 1971. – №52. – P. 3–22.
254. Swidler, A. *Culture in Action: Symbols and Strategies* / A. Swidler // *American Sociological Review*. – 1986. – Vol. 51, № 2. – P. 273–286.
255. *The Endless Crisis as an Instrument of Power: In conversation with Giorgio Agamben*, 2013. – URL: <https://www.versobooks.com/en-gb/blogs/news/1318-the-endless-crisis-as-an-instrument-of-power-in-conversation-with-georgio-agamben> (дата обращения: 10.02.2025).
256. Thody, Ph. *Introducing Barthes* / Ph. Thody; Piero. – UK : Icon Books, 2006. – 176 p.
257. Vigh, H. *Crisis and Chronicity: Anthropological Perspectives on Continuous Conflict and Decline* / H. Vigh // *Ethnos*. – 2008. – № 73 (1). – P. 5–24.
258. Young-Sowers, M. L. *Spiritual crisis: what’s really behind loss, disease, and life’s major hurts* / M. L. Young-Sowers. – Walpole, NH : Stillpoint publishing, 1993. – 266 p.